РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Глава 1. Российская образовательная и научно-инновационная политика в философско-экономическом измерении

§ 1. Основные понятия

Поскольку целый ряд понятий, используемых автором, отличаются многозначностью, исследуются в рамках различных наук и даже в рамках одной научной дисциплины интерпретируются различным образом, начнём с их определения.

1.1. Модернизация: понятие и «идеальные типы»

В широкой трактовке *модернизация* – это процесс перехода от традиционного (доиндустриального) общества к современному (индустриальному) и далее – к постиндустриальному. В узкой интерпретации модернизация обычно связывается в литературе исключительно с индустриализацией и ее последствиями.

Логически возможны различные модели («идеальные типы») модернизации, которым исторически в большей или меньшей степени могут соответствовать ее особенности в тех или иных странах, поддающиеся типологизации по разным основаниям.

С точки зрения стимулов развития можно выделить два типа модернизации: один базируется преимущественно на внутренних стимулах (большинство индустриально развитых стран или так называемых стран первого эшелона), другой – главным образом на стимулах внешних, включая поражение в войне, угрозу утраты национального суверенитета, колониальное завоевание и т.п. (большинство развивающихся стран Азии и Африки).

С точки зрения преобладающей культурной ориентации модернизация может выступать: как заимствованная (или навязанная), когда вместе с новыми технологиями репродуцируется и иная культура, иногда воспринимаемая как враждебная (например, петровские реформы); как самобытная (органическая), стремящаяся сочетать новейшие технологические и организационно-управленческие достижения с культурными традициями страны, переживающей модернизацию (например, послевоенная Япония – и это тем более парадоксально, что она потерпела поражение и в 1945 г. была оккупирована, тогда как петровская Россия, напротив, переживала период политического подъема и военных побед). В данном отношении применительно к России и находящимся в аналогичном положении странам модернизация, безусловно, содержит элементы вестернизации, но отнюдь не тождественна последней.

Наиболее важной для целей настоящей работы является типология модернизаций по характеру и предполагаемой траектории развития:

- *догоняющая модернизация (догоняющая конвергенция)* – базируется преимущественно на внешних стимулах и заимствует образцы и стереотипы культуры более модернизированных стран. Кроме этого, определение «догоняющая» указывает на отставание данного общества не только по уровню экономического и культурного развития, но и по скорости течения исторического времени, по темпа осуществления процесса модернизации;
- *опережающая модернизация (опережающее развитие)* – предполагает достаточный внутренний потенциал и по преимуществу внутренние источники развития, хотя отчасти может базироваться и на внешних стимулах; развивает культурную традицию страны, в которой осуществляется; ставит целью не воспроизведение (хотя бы и

в сокращенном виде) всех этапов эволюции или современного состояния наиболее модернизированных стран, но «конструирование» её состояния в обозримом будущем на основе анализа и прогноза тенденций развития цивилизации. Формула опережающей модернизации – обогнать, не догоняя[9].

В конкретной исторической ситуации начала XXI в. эта модель предполагает обращение к опыту стран не только Запада, но и Востока. В чистом виде до настоящего времени она нигде не реализовалась, однако элементы опережающего развития присутствовали в траекториях движения СССР, Японии, Китая, новых индустриальных стран, а также Индии, совершившей прорыв в области новых информационных технологий.

1.2. Политика в области образования и образовательная политика

Исследование характера, содержания и специфики постсоветской российской политики в области образования, а тем более – образовательной политики в целом, невозможно без предварительного анализа содержания этих понятий, результаты которого можно суммировать в виде нескольких основных тезисов.

1. Термин «политика» по количеству определений принадлежит к числу лидеров в социогуманитарных науках. Для целей настоящей работы наиболее важны три группы таких определений:

- политика как одна из сфер общественной жизни, связанная с отношениями между государствами и большими социальными группами;
- политика как собственно деятельность людей, включая политическое участие;
- политика как курс правительства, его органов, руководства крупного административно-территориального образования, политической партии и т.п.

Данные подходы являются не альтернативными, но комплиментарными, взаимно дополняющими друг друга, причём последняя дефиниция представляет собой частный случай определения политики как деятельности и, во-первых, характеризует главным образом деятельность субъектов управления, а во-вторых, акцентирует внимание на её направленности. Это значение термина подразумевается прежде всего, когда говорят об экономической, социальной, культурной, военной политике и т.п. Соответственно, и в данной работе термины «образовательная политика», а позднее – «научно-инновационная политика» употребляются преимущественно для обозначения политического курса.

2. Большинство специалистов по философским и политическим наукам не рассматривают политику в области образования в качестве самостоятельного направления, в лучшем случае включая её в структуру политики социальной или культурной. Это обстоятельство, равно как и практически полное отсутствие специальных статей на данную тему в справочных изданиях по философским, политическим и педагогическим наукам[10], можно рассматривать как отражение подсознательной недооценки роли образования, а также соответствующих областей политики в обществе.

---

[9] Смолин О.Н. Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. – 2006. - № 1. – С. 5-27; № 2. – С. 5-25; № 3. – С. 5-14

[10] Статьи, посвящённые политике в области образования либо образовательной политике, отсутствуют, например, в следующих изданиях:
Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд-е 2-е. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», СПб.: «Норинт», 2001;
Большой толковый словарь русского языка. М.: Астрель, 2004;
Новейший философский словарь. М.: Интерпрессервис, «Книжный дом», 2001;
Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001;
Новая философия. Энциклопедия. М.: Мысль, 2001;
Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004;

В противоположность этому российский законодатель ещё в 1992 г. не только выделил политику в области образования в качестве важного направления государственной политики в целом[11], но провозгласил сферу образования приоритетной.[12] Более того, в рамках единой образовательной политики в качестве самостоятельного направления государству предписывается проводить политику в области высшего и послевузовского профессионального образования[13], а в законах и законопроектах, принятых парламентом или внесённых в него, фигурирует также государственная политика в области начального профессионального образования, дополнительного образования и т.п. Несмотря на исследования, выполненные в постсоветский период, представляется, что в этом вопросе наука по-прежнему находится в долгу у практики.

3. Поскольку образование представляет собой, вне сомнения, одну из подсистем культуры (как культуры в целом, так и в более узком смысле слова – духовной культуры) и, более того, является фундаментом культуры, при разработке проблем образовательной политики может и должен использоваться опыт, в том числе международный, исследования понятия «культурная политика»[14]. В дальнейшем этот подход отчасти реализован автором.

4. В справочной и специальной литературе политика в области образования чаще всего отождествляется с государственной политикой[15]. Как будет отмечено ниже, в свою очередь, государственная политика обычно интерпретируется как политика исполнительной власти (президента и правительства). Это отражает, с одной стороны, реальное положение вещей в современной России, а с другой – патерналистскую национальную ментальность, в которой место системы разделения властей занимает их «вертикаль» с президентом на вершине[16].

Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004;
Социальная философия. Словарь. М.: Академический проект, 2003;
Политическая энциклопедия. Нац. обществ.-науч. фонд. Рук. проекта Г.Ю. Семигин. В 2 т. М.: Мысль, 1999;
Словарь-справочник по политологии. Е.В. Лукьянова, Балашов, 2005;
Социологическая энциклопедия / Науч. ред. В.Н. Иванов. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003;
Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов.- М.: Большая Российская энциклопедия, 1998;
Словарь-справочник по педагогике. Авт.-сост. В.А. Мижериков. Под общ. ред. П.И. Пидкасистого. Творческий центр Сфера, М., 2004;
Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус). Общество, Семиотика, Экономика, Культура, Образование. Ю.В. Рождественский, второе издание. М., Изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2003;
Энциклопедия профессионального образования: В 3 т. / Под ред. С.Я. Батышева. М.: АПО, 1999;
Большой психологический словарь. М.: «Олма-пресс», 2003.

[11] См. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании»

[12] См. статью 1 Закона Российской Федерации от 10.07.92 № 3266-1 «Об образовании».

[13] См. Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»

[14] Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели ссылка // Сайт Института культурной политики http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html

[15] Педагогический энциклопедический словарь «Большая Российская энциклопедия». Научное издательство. Рук-ль группы Л.С. Глебова. М., 2003. – С. 56

[16] См., например, Галаган А.И. Сравнительная характеристика принципов образовательной политики России и некоторых зарубежных стран // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 3. – С. 186-187.
Автор даёт следующее определение: «Государственная политика в области образования – это направляющая и регулирующая деятельность государства в сфере образования, осуществляемая им для достижения конкретных стратегических целей и решения задач общегосударственного или глобального значения. Она определяется на высшем уровне государственной власти и реализуется посредством законов, указов, постановлений правительства, общегосударственных и международных программ, международных актов (договоров, соглашений и т.п.), а также путем вовлечения в процесс ее реализации всех заинтересованных слоев общества (учащихся, их родителей, работников образовательных учреждений, работодателей), средств массовой информации, общественных и профессиональных ассоциаций, союзов и других влиятельных сил

Существует и прямо противоположный уклон, когда роль государства в образовательной политике пытаются принизить, впрочем, из самых благих побуждений. «Существует наиболее распространенное заблуждение, касающееся образовательной политики», – пишет И.Д. Фрумин. - «Оно состоит в том, что это – политика государственная»[17]. В действительности совершенно очевидно, что образовательная политика – это политика не только государства, но также муниципальных властей, политических партий и общественных объединений, так или иначе заинтересованных в вопросах образования и вовлечённых в процесс принятия решений. Вместе с тем не менее очевидно, что, пока существует государство, оно останется на этом поле «ключевым игроком».

5. В редких справочных изданиях, где встречаются соответствующие статьи, а также в абсолютном большинстве специальных работ понятия «политика в области образования» и «образовательная политика» отождествляются. Между тем не только с теоретической, но и с практической точки зрения эти понятия необходимо различать:

- политика в области образования охватывает комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых органами власти и местного самоуправления различных уровней, политическими партиями и общественными объединениями в отношении образования как социального института;
- образовательная политика, помимо этого, включает в себя образовательные компоненты и образовательное воздействие других направлений внутренней, а отчасти и внешней политики (экономической, социальной, информационной и т.п.).

Теоретическую аналогию данному разграничению применительно к понятиям «политика в области культуры» и «культурная политика» можно найти в работах Л.Н. Когана, в своё время научного руководителя автора этой книги[18]. Практический же смысл идеи заключается в том, чтобы побудить политические элиты, включая законодательную и исполнительную власти, принимая решения по экономическим, социальным, собственно политическим и иным вопросам, учитывать их образовательную составляющую и прогнозировать образовательные последствия.

Забегая вперёд, можно сказать, что одна из ключевых идей, связанных с программированием будущих моделей отечественного образования, должна заключаться в том, чтобы выйти на новый уровень законодательства, а именно: не прекращая работы по законодательному обеспечению политики в области образования, на основе межведомственного подхода перейти к такому же обеспечению образовательной политики в целом, включая соответствующие компоненты во всех направлениях внутренней политики государства.

6. Различные интерпретации понятий «политика» и «образовательная политика» предполагают и различные подходы к структурированию последней.

Так, при рассмотрении образовательной политики как процесса её структурными элементами, как и при анализе любой деятельности, могут выступать: цель – средство – результат. Очевидно: именно результат является ключевым элементом этой триады (о политике и политиках судят, прежде всего, по результатам их деятельности). Однако при этом результаты почти никогда не попадают в структуру образовательной политики, описываемую в литературе.

общества». Между прочим, это определение примечательно, как минимум, в одном отношении: субъекты образовательного процесса (учащиеся, родители, работники образования т.п.) участвуют не в выработке, но лишь в реализации образовательной политики и при этом вовлекаются в этот процесс государством.

[17] Фрумин И.Д. Образовательная политика: практика анализа. Путеводитель по курсу. М., МВШСЭН, 2002. – С. 31

[18] См. Культурная деятельность. Опыт социологического исследования. Отв. ред. Коган Л.Н. – М.: Наука, 1981. – С. 15

Например, С.А. Беляков и В.Ж. Куклин относят к политике даже не саму деятельность, но «формулирование государством или иным субъектом:

- перечня проблем, намечаемых к решению в определенный временной период;
- порядка (приоритетности) их решения;
- методов и способов решения;
- с помощью каких институтов общества будут решаться эти проблемы»[19].

Несколько иное представление о структуре образовательной политике предлагается в Модельном законе «Об образовании», принятом постановлением Межпарламентского комитета республики Беларусь, республики Казахстан, Кыргызстана и Российской Федерации, где она определена как совокупность замыслов и действий[20]. Однако «замыслы» становятся элементом образовательной политики лишь тогда, когда тем или иным способом объективируются.

7. Исходя из структуры политики как сферы деятельности, помимо рассмотренного выше соотношения политики в области образования и образовательной политики, можно выделить в том или ином сочетании основные направления последней:

- бюджетное (уровень и механизмы бюджетного финансирования, межбюджетные отношения);
- налоговое (уровень налогообложения и налоговые льготы);
- обеспечение прав граждан в области образования, равенства или неравенства возможностей в этой сфере;
- информационно-образовательное (характер образовательно-информационной среды, её направленность на повышение или понижение интеллектуального потенциала);
- содержательное (разработка содержания образования и обеспечение его реализации через образовательные стандарты, программы и т.п.);
- ценностное (направленность системы образования и всей образовательной политики на формирование тех или иных ценностей народа);
- структурно-управленческое (формирование определённой структуры образовательной системы, системы управления образованием и самоуправления в нём);
- кадровое (подготовка кадров образованием, для образования, обеспечение определённого уровня оплаты труда и социальных гарантий для работников системы).

8. Соответственно, структурирование политики в области образования также предполагает возможность различных подходов, включая «компонентный» и «уровневый».

Первый из них предполагает выделение основных компонентов (элементов) системы образования, на которые воздействует политика в этой области. Так, статья 8 Закона РФ «Об образовании» устанавливает, что «Система образования в Российской Федерации представляет собой совокупность взаимодействующих:

преемственных образовательных программ различных уровня и направленности, федеральных государственных образовательных стандартов и федеральных государственных требований;

сети реализующих их образовательных учреждений и научных организаций;

органов, осуществляющих управление в сфере образования, и подведомственных им учреждений и организаций;

---

[19] См.: Беляков С.А., Куклин В.Ж. Системные аспекты образовательной политики и управления образованием // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – № 3.

[20] Статья 1 Модельного Закона «Об образовании», принятого постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации от 11 октября 1997 г. № 4-11

объединений юридических лиц, общественных и государственно-общественных объединений, осуществляющих деятельность в области образования».

Отметим в данном случае включение в систему образования объединений юридических лиц, государственно-общественных и общественных объединений, что является юридическим обоснованием для отказа от сведения образовательной политики исключительно к её государственной составляющей.

«Уровневый» подход предполагает необходимость проведения специфической политики в отношении различных уровней образования: дошкольного, общего, начального профессионального, среднего профессионального, высшего и послевузовского профессионального образования, образования взрослых.

Таким образом, выстроенная по различным основаниям своеобразная «матрица» образовательной политики в практическом плане позволяет выявить основные проблемы в её разработке и реализации, точно так же, как позднее предложенная автором система образовательного законодательства – выявить проблемы нормативно-правового регулирования образовательной политики в её широком значении[21].

9. Возвращаясь к государственной образовательной политике, её можно определить как одно из ключевых направлений внутренней политики государства, имеющее целью создание экономических, институциональных и духовно-идеологических условий для осуществления основных функций образования, включая формирование определённого типа (или типов) личности, воспроизводство кадрового потенциала общества и воспитание граждан государства в соответствии с принятой системой ценностей.

В постсоветской России федеральное законодательство, несомненно, оказывало влияние на образовательную политику во всех её проявлениях, однако прежде всего – на её государственный уровень.

1.3. Понятие научно-инновационной политики

По аналогии с понятиями «политика в области образования» и «образовательная политика» следовало бы различать «политику в области науки» и «научную политику», однако в данном случае возникают трудности терминологического свойства. Термин «научная политика» имеет давно и прочно устоявшийся смысл и интерпретируется общественным сознанием как «научно обоснованная политика». В интересующем нас аспекте понятие «научно-техническая политика», широко употребляемое в нормативно-правовых актах, также не может быть аналогом понятию «образовательная политика», ибо, во-первых, строго говоря, не охватывает сферу политики в области гуманитарных наук, а во-вторых, указывает на влияние науки лишь в сравнительно узкой области общественной жизни – в сфере техники и отчасти производства. Ещё менее удачным представляется встречающийся в литературе термин «научно-исследовательская политика»[22], который вызывает ассоциации скорее с исследованиями в области политической науки, чем с политикой по отношению к научным исследованиям.

В связи с этим для целей настоящей работы предлагается использовать понятие «научно-инновационная политика», которое:

а) охватывает не только научно-технические, но и гуманитарные аспекты политики в области науки;

---

[21] См. главы 7, 8

[22] Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели ссылка // Сайт Института культурной политики http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html

б) включает политику стимулирования научных исследований и разработок (включая технические), а также реального использования достижений науки, в том числе в инновациях;

в) указывает на необходимость и характер использования науки для обновления всей общественной жизни, а не только техники и производства;

г) в отличие от понятия «политика в области науки» включает не только комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых субъектами политического действия по отношению к науке как социальному институту, но и воздействие всех основных направлений внутренней политики государства на уровень развития науки, внедрение её достижений и формирование научных представлений в общественном сознании. В этом отношении данное понятие аналогично понятию «образовательная политика».

В первом разделе настоящей работы, где исследуются общие основы стратегии модернизации России, образовательная и научно-инновационная политика будут рассматриваться как комплексный объект, в котором базовую роль играет политика образовательная. В последующих разделах автор намерен сосредоточиться именно на образовательной политике и роли федерального законодательства как фактора её формирования.

В России 1990-х гг. президент, правительство и в меньшей степени парламент гораздо больше внимания уделяли политике в области образования, нежели образовательной политике в её широком значении, и аналогичным образом политике в области науки по сравнению с научно-инновационной политикой. Эта тенденция сохраняется и до настоящего времени.

Наряду с другими факторами, государственная политика вообще, государственная образовательная и научно-инновационная политика в частности, с одной стороны, задают рамки деятельности людей (физических лиц) и организаций (юридических лиц), устанавливают набор вариантов поведения, среди которых возможен выбор. С другой стороны, они во многом определяют и вероятность выбора того или иного варианта поведения большинством участников общественного процесса, а тем самым – доминирующее направление деятельности этих участников.

Подобно иным направлениям внутренней политики, образовательная и научно-инновационная политика устанавливают, по крайней мере, три основные координаты политического пространства и, соответственно, три ограничителя свободы выбора. Эти координаты суть:

- финансово-экономическая, определяющая уровень финансирования науки и образования, распределение и варианты использования финансовых средств;
- правовая, фиксирующая границы разрешённого и запрещённого для субъектов соответствующих видов деятельности и органов управления, своеобразные «флажки», выход за которые не допускается;
- культурно-идеологическая, охватывающая установки и ориентации общественного сознания, которые влияют как на поведение исполнителей, так и вообще на выбор управленческих решений, признаваемых допустимыми или недопустимыми в данной конкретной ситуации.

Для правильного понимания значения терминов «государственная политика в области образования» и «государственная научно-техническая политика», употребляемых в действующих законах, необходимо иметь в виду, что в Российской Федерации государство, согласно Конституции, представлено двумя уровнями: федеральным и субъектов Российской Федерации. При этом в соответствии со статьёй 73 Конституции Российской Федерации «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения

Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти».

Радикальное изменение в 1993 г. конституционных норм, относящихся к местному самоуправлению, а затем принятие Федеральных законов от 04.07.2003 № 95-ФЗ[23], от 06.10.2003 № 131-ФЗ[24], от 22.08.2004 № 122-ФЗ[25] и др. привело к тому, что регулированию с помощью федерального законодательства поддаётся главным образом курс федеральной образовательной и научно-инновационной политики (разумеется, в пределах специфических возможностей российского законодательства вообще), а политика в этих областях субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления – в гораздо меньшей степени (наука вообще отнесена по преимуществу к сфере федеральной компетенции). Соответственно, и в данной работе российская государственная образовательная и научно-инновационная политика рассматривается преимущественно на федеральном уровне.

Повторим: представление об образовательной и научно-инновационной политике как комплексных направлениях внутренней политики государства может стать концептуальной основой системного (в отличие от отраслевого) подхода к управлению образованием и наукой в современных сложно организованных социумах. Однако на практике, по крайней мере в постсоветской России, в абсолютном большинстве случаев преобладает не просто отраслевой, но ведомственный подход, и как когда-то выражался Президент США Р. Рейган, правая рука власти не знает, что делает крайне правая.

---

[23] «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»

[24] «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

[25] «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

§ 2. Образовательная и научно-инновационная политика как факторы модернизации и обеспечения национальной безопасности страны. Проблема социально-образовательного детерминизма

Исследование образовательной и научно-инновационной политики вообще, а в социумах, переживающих радикальные трансформации - в особенности, невозможно без анализа социально-политической роли образования и науки, важнейшими аспектами которой является воздействие этих общественных институтов на процесс модернизации и обеспечения национальной безопасности страны. Влияние образования и науки на процессы модернизации общества, хотя и не получило достаточно полного освещения в литературе, вполне очевидно. Напротив, взаимосвязь образования и науки с национальной безопасностью ещё недавно воспринималась как нонсенс либо интерпретировалась крайне узко (секретные научные разработки, в том числе новых видов вооружений, военная подготовка, обучение специалистов для спецслужб и т.п.).

Между тем, не совпадая ни по объёму, ни по содержанию, ни по аспекту отражения реальности, понятия «модернизация» и «национальная безопасность» с точки зрения их научно-образовательных аспектов имеют между собой много общего, и это не случайно, ибо в современном мире национальная безопасность любого народа может быть обеспечена только на базе успешной модернизации. Модернизация – одно из необходимых условий национальной безопасности, условие интегральное, определяющее, но не исчерпывающее.

2.1. Национальная безопасность в научно-образовательном измерении

Разумеется, при таком подходе проблема национальной безопасности должна быть выведена из плоскости национального вопроса. Национальная безопасность – не безопасность одного из этносов, проживающих на территории данной страны, пусть даже самого крупного, ведущего этноса. Это совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов государства, полноценное развитие общества и всех граждан. Такое понимание национальной безопасности вошло в мировую политику и науку от американского президента Т. Рузвельта, который предложил данный термин, через «школу политического реализма» до современных теоретиков.

Рассматриваемые в контексте воспроизводства человеческого потенциала, образование и наука выступают универсальным фактором как модернизации, так и обеспечения национальной безопасности страны, воздействуя на все без исключения формы организации макросоциальной (социетальной) системы, на все без исключения её структурные элементы, а тем самым – на все уровни национальной безопасности (безопасность общества, государства, личности) и её главные составляющие.

Совершенно очевидно:

1) экономическая и военная безопасность современного государства немыслимы без квалифицированных кадров;

2) технологическая безопасность невозможна без тех же кадров и научных разработок;

3) по поводу экологической безопасности зарубежные и отечественные специалисты по инвайронментальной социологии сходятся во мнении, что без новой культуры выживания, без так называемого инновационного обучения человечество обречено на катастрофу[26]. Спорят лишь о том, сколько времени осталось цивилизации на осознание гибельности технологической экспансии, не подкреплённой духовным совершенствованием;

---

[26] Боткин Дж., Эльманджра М., Малица М. Нет пределов обучению. Доклад Римскому клубу. 1979

4) что касается безопасности культурного развития, выделяемой многими специалистами, то образование как фундамент культуры, несомненно, является её основой, а наука – одним из важнейших компонентов, значение которого нарастает пропорционально уровню развития технологической цивилизации;

5) ни одна общественная система, ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии специфического феномена, «стержня» культуры – системы ценностей, объединяющей её членов. Нация, лишённая своих ценностей, превращается в толпу или хуже – в гигантскую банду. Одно из первых мест в формировании ценностей народа принадлежит образованию[27].

Интересно, что некоторые показатели научно-инновационной политики прочно и достаточно давно введены исследователями в систему параметров национальной безопасности. Так, по мнению Г.В. Осипова, одним из таких показателей является выделение на научные исследования не менее 2% от объёма ВВП[28]. Однако в большинстве работ, посвящённых национальной безопасности, образовательная проблематика вообще не выделяется, а равно отсутствует понимание непосредственной связи уровня национальной безопасности и степени модернизации страны.

В этой связи представляется необходимым в первом приближении сформулировать систему образовательных параметров национальной безопасности. Эта система могла бы отчасти основываться на принятых в международной практике индикаторах, поставленных в иной контекст, и, в частности, включить в себя показатели, фиксирующие:

- долю расходов на образование от ВВП, от расходной части консолидированного бюджета и бюджетов различных уровней;
- среднее число лет обучения населения старше 16 лет;
- средние показатели уровня знаний обучающихся, получаемые при сравнительных международных исследованиях;
- долю выпускников образовательных учреждений среднего (полного) общего образования, учреждений всех уровней профессионального образования (за исключением послевузовского), признанных практически здоровыми по медицинским показателям;
- численность в расчёте на 10 тыс. населения студентов высших учебных заведений, учреждений среднего профессионального образования, а также учащихся в системе начального профессионального образования;
- долю выпускников учреждений среднего (полного) общего и профессионального образования, имеющих положительную социальную мотивацию, выявляемую при социологических опросах.

Совершенно очевидно: отражая основные аспекты проблемы (количественные, качественные, ценностные), данная система показателей отнюдь не является исчерпывающей и нуждается в дальнейшей разработке[29].

2.2. Образование и наука как основа модернизации России

---

[27] Смолин О.Н. Образование и национальная безопасность России. Из доклада на парламентских слушаниях Государственной Думы Федерального собрания России 21 мая 1996 г. // Свободная мысль. – 1996. – № 11. – С. 75-82

[28] Осипов Г.В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – С. 47.

[29] Подробнее см.: Смолин О.Н. Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества. – М.: 2001. – С. 89.

В контексте государственных (национальных) интересов существует целый ряд факторов, объективно превращающих образование и науку в основу модернизации России. Назовём некоторые из них.

1. Высокий уровень развития этих социальных институтов в советский период. Как известно, СССР был второй научной державой мира и располагал одной из лучших систем образования. Популярный тезис о том, что эта система была лучшей в мире, трудно доказуем, однако её передовые позиции в докомпьютерный период подтверждены сравнительными социологическими исследованиями[30].

2. Высокая инерционность систем образования и науки, связанная с характером преемственности в культуре вообще, а также с длительным циклом воспроизводства и особой ролью моральных стимулов к труду в этих сферах общественной жизни, в частности. Эта высокая инерционность проявилась в ходе российских радикальных трансформаций 1990-х гг., когда качественные (по преимуществу деструктивные) сдвиги в области образования и науки (хотя к последней это относится в меньшей мере) были выражены значительно слабее, чем, например, в политической жизни. В то же время чрезвычайно сложными оказались задачи поддержания необходимого уровня названных социальных институтов как ключевых сфер культуры, обеспечивающих преемственность «старой» и «новой» общественных систем.

3. Ограниченность других модернизационных ресурсов, отвечающих требованиям постиндустриальной революции:

- индустрия и сельское хозяйство страны находятся в посткатастрофическом состоянии и нуждаются в модернизации, которая, в свою очередь, может быть осуществлена, прежде всего, на основе развития наукоёмких технологий и кадров высшей квалификации, обладающих значительным творческим потенциалом[31];
- предложения ряда отечественных политических лидеров осуществлять модернизацию за счёт увеличения добычи сырья (например, на основе соглашений о разделе продукции) приведут лишь к досрочному истощению невозобновляемых природных ресурсов и окончательному превращению страны в сырьевой придаток государств «золотого миллиарда».

Ещё более бесперспективной представляется автору объявленная несколько лет назад в высоких российских властных структурах стратегема о превращении страны в энергетическую сверхдержаву. Разумеется, пользуясь благоприятной рыночной конъюнктурой и, в частности, высокими ценами на нефть и газ, можно некоторое время существенно влиять на международную политику в ближнем и дальнем зарубежье. Однако отдалённые последствия такой политики будут аналогичными результатам проведения стратегической линии, описанной выше, а именно:

- ускорение деструкции СНГ;
- более активная переориентация стран СНГ и Евросоюза на других поставщиков энергоносителей и на альтернативные источники энергии;
- неверный выбор инвестиционной стратегии внутри России (стимулирование инвестиций не в высокие технологии и человеческий потенциал, но в топливно-энергетический сектор);

---

[30] Бронфенбреннер У. Два мира детства: Дети в США и в СССР. Пер. с англ. М.: Изд-во «Прогресс», 1976.

[31] Министр финансов России А. Кудрин объявил о том, что к 2007 г. в России достигнут объём ВВП, равный его величине в 1990 г. Правда, экс-советник Президента А. Илларионов назвал другие данные – 85% от уровня ВВП 1990 г. Во-первых, определилась цена отечественных радикальных трансформаций в единицах исторического времени – 17 лет (мировой рекорд продолжительности экономического кризиса в мирное время, по меньшей мере, за четыре века Новой и Новейшей истории человечества); во-вторых, достижение выраженного в денежной форме объёма ВВП 1990 г. отнюдь не означает, что этот объём достигнут и в натуральных показателях, поскольку значительную его часть образуют доходы от нефти, резко выросшей в цене.

• в итоге – консервация догоняющего типа развития с высокими шансами остаться на обочине современного исторического процесса.

В связи с этим создание громадного Стабилизационного (Резервного) фонда на фоне хронического недофинансирования образования, медицины, науки и культуры представляется абсурдом, тогда как его превращение в инвестиционный фонд – «категорическим императивом» для национальной безопасности и модернизации страны. Забегая вперед, стоит заметить: на взгляд автора, не менее половины дополнительных доходов федерального бюджета необходимо инвестировать в «человеческий капитал».

4. Исчерпанность возможностей осуществления «варварской» (т.е. авторитарной и насильственной) модернизации, причём как левого, так и правого толка. История России (и не только России) знает примеры того, как модернизация общества осуществлялась за счёт истощения, частичной деградации или даже частичного уничтожения главного ресурса общественного развития – человеческого.

Однако, во-первых, такой антагонистический характер прогресса был возможен либо на стадии доиндустриальной цивилизации (петровские реформы), либо на стадии экстенсивной индустриализации (сталинский «перелом»). Построение же постиндустриального общества в прямом и переносном смысле на костях миллионов людей представляется невозможным по причинам, связанным, с одной стороны, с принципиальным изменением роли «человеческого фактора» в современных производственных и социальных технологиях, а с другой – с продолжающейся в стране с 1992 г. демографической катастрофой.

Во-вторых, даже «варварские» модернизации в досоветский и особенно в советский периоды во многом базировались на форсированном развитии образования и науки, хотя этому развитию нередко придавался гипертрофированно идеологический характер. Вопрос о том, когда соответствующая необходимость будет практически реализована постсоветской отечественной политической элитой, остаётся открытым.

5. Ключевая роль образования для наращивания человеческого потенциала и его превращения в человеческий капитал. Поскольку данный аргумент является наиболее важным среди всех приведённых, остановимся на нём специально в главе 3.

Из всего сказанного следует, что, во-первых, методы реформирования науки и образования в России не могут быть заимствованы из других сфер общественной жизни, в том числе в силу высокого уровня развития этих социальных институтов в Советском Союзе и их высокой инерционности. Ныне для обеспечения модернизации страны сохранение образовательного и научного потенциала важнее проведения реформ. Эволюция здесь принципиально предпочтительнее революций.

Во-вторых, в любом случае императивом времени является формула: через образование и науку – к реформированию общества в интересах большинства народа.

2.3. Глобальный контекст российской модернизации. Проблема социально-образовательного детерминизма как новой философско-социологической парадигмы

В глобальном контексте роль науки и образования в модернизации и обеспечении национальной безопасности России связана с перспективами её перехода к информационному обществу («обществу профессионалов», «обществу знаний» и т.п.), в связи с чем в общественной жизни лидирующих в экономическом развитии государств происходит ряд качественных изменений.

Так, согласно далеко не полным данным, в начале 1990-х гг. «накопленный человеческий капитал в развитых зарубежных странах превышал объем вещного основного капитала в среднем в 1,5 раза, а вклад знаний и образования в прирост валового

внутреннего продукта (ВВП) оценивался примерно в 60%»[32]. «Удельный вес сферы услуг в ВВП в начале XXI в. варьирует в пределах от 62% в Японии до 72% в США, а в ее составе опережающими темпами развиваются услуги социально-культурного профиля (сферы образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и т.д.)»[33].

Происходящие в современном обществе процессы в определенном смысле аналогичны тому, что совершалось в период индустриализации, хотя и на качественно новом уровне. Как известно, в условиях доиндустриальной цивилизации до 90% населения были заняты в сельском хозяйстве при хронической нехватке продуктов питания и периодически возникающих «голодовках» целых регионов, стран и даже континентов. Однако, как впоследствии выяснилось, условием решения продовольственной проблемы, похоронившим «железный закон» Мальтуса, стало… переселение большей части крестьян в города и, соответственно, их перемещение из сферы сельского хозяйства в промышленное производство. Аналогичным образом, в настоящее время для того, чтобы обеспечить удовлетворение основных рационально обоснованных материальных потребностей человека, большая часть работников должна переместиться из сферы материального производства в производство духовное[34].

Точно так же, если в условиях классической индустриальной экономики ведущую роль в расширенном воспроизводстве играло так называемое первое подразделение первого подразделения (производство средств производства для производства средств производства), то в условиях постиндустриальной системы аналогичная роль обеспечивается воспроизводством человеческого потенциала и прежде всего – образованием[35]. Помимо этого, а отчасти благодаря этому, как было многократно показано отечественными и зарубежными экономистами (С.Г. Струмилин, Э. Денисон), уже в XX в. образование стало областью с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций.

В свете всего сказанного представляется возможным предложить следующую гипотезу: одним из главных философско-экономических оснований стратегии модернизации современного общества (в том числе, разумеется, и российского) должен стать социально-образовательный детерминизм, который выступает не отрицанием, но новой фазой развития детерминизма социально-экономического, ибо означает не отказ от признания определяющей роли экономической сферы в развитии общества, но признание ведущей роли образования в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни.

Забегая вперёд, отметим, что эта гипотеза в случае её принятия в качестве основы управленческих решений предполагает значительные изменения в курсе отечественной социально-экономической политики и внутренней политики в целом.

---

[32] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002-2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. – М.: 2003. – С. 19.
[33] Там же. С. 19.
[34] Бузгалин А., Колганов А. Теория социально-экономических трансформаций. М.: ТЕИС, 2003. – С. 63.
[35] Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: УРФФ, 2004. – С. 83.

§ 3. Парадоксы федеральной образовательной и научно-инновационной политики в постсоветской России

В российском обществознании стало едва ли не общим местом мнение о том, что отечественная социальная реальность – реальность особого рода, которая изобилует парадоксами. Большинство писавших на эту тему, включая столь различных мыслителей, как П. Чаадаев и Н. Бердяев, видели причины такой парадоксальности в особенностях отечественного культурного развития. Намереваясь изложить ниже иную точку зрения, отметим в данном случае, что парадоксами изобилует также отечественная образовательная и научно-инновационная политика постсоветского периода, причём это отнюдь не те парадоксы, другом которых А. Пушкин считал гения. Вот лишь некоторые тому примеры.

Парадокс 1: Утверждение экономического детерминизма в качестве основы отечественной государственной политики посредством критики… «экономического детерминизма»

Общеизвестно: новая экономическая и политическая философия в постсоветской России утверждалась её «отцами-основателями» как противовес официальному «советскому марксизму». Характеристика последнего не входит в задачи автора, хотя, как представляется, именно к нему вполне применимы известные слова К. Маркса, отказывавшегося признать себя «марксистом». В данном случае важно другое: провозглашая основным методологическим пороком отвергаемого марксизма узкоэкономический подход, на месте отвергнутого «экономического детерминизма» его критики утвердили новую версию… экономического детерминизма. Причём в виде двух примитивизированных его разновидностей: монетаризма и концепции собственности как доминирующего (едва ли не единственного) фактора экономической, а также социальной эффективности.

Во-первых, подобно тому, как на рубеже 1920 - 30-х гг. большевики определяли успехи «социалистического строительства» в СССР процентом коллективизации, так и антибольшевики (на самом деле – необольшевики наизнанку) в 1990-х гг. измеряли эффективность рыночных реформ процентом приватизированных отечественных предприятий. Как будет показано ниже, такой подход стал одной из главных методологических основ многочисленных программ приватизации государственных (муниципальных) учреждений образования и науки.

Во-вторых, важнейшим инструментом управления экономикой постсоветскими правительствами было признано регулирование (точнее, предельное ограничение) объёма денежной массы. Тем самым экономический детерминизм, признающий экономику фактором, непосредственно определяющим едва ли не всю общественную жизнь, был не просто сохранён, но редуцирован к детерминизму финансовому. Использование методологии экономического детерминизма, да к тому же в примитивизированной форме, означало, естественно, отнесение образовательной и научно-инновационной политики к периферийным направлениям внутренней политики государства со всеми вытекающими последствиями.

Между прочим стоит отметить, что часть бывших советских марксистов, критикуя «новый» экономический подход и доказывая невозможность механического переноса рыночных отношений с Запада на почву иной культуры, в свою очередь, фактически опиралась на социокультурный детерминизм М. Вебера. Впрочем, с инверсией традиционных методологий и политических платформ в постсоветской России мы ещё встретимся.

Парадокс 2: Коллективный квазиэдипов комплекс в управленческих структурах

Вряд ли в отечественной истории удастся найти другой период, подобный постсоветскому (а в особенности – первой половине 1990-х гг.), когда бы в составе правящей политической элиты было так много людей с учёными степенями (так называемых завлабов) и вместе с тем, когда бы в мирное время наука и образование оказывались в столь критической финансово-экономической ситуации. Сторонник фрейдистской парадигмы мог бы, вероятно, написать научный трактат о том, как и почему представители научного и образовательного сообщества, попадая из академических сфер во властные структуры, будто обуреваемые комплексом Эдипа, способствуют уничтожению тех общественных институтов, кому они обязаны своим рождением в качестве учёных.

К середине 1990-х гг. восходит легенда (впрочем, похожая на правду), согласно которой на одном из заседаний правительства премьер В. Черномырдин задал своим коллегам вопрос: кто из вас имеет ученые степени? – Поднимите руки. А когда выяснилось, что степени имеют все, продолжил риторически: за что же вы так не любите науку, мать вашу?

Впрочем, совершившийся при правительстве Е. Гайдара «поход учёных в политику» быстро сменился на противоположную тенденцию – «поход политиков в науку». Причём принятое ВАК специальное решение особо отслеживать кандидатские, а тем более докторские диссертации парламентариев и высокопоставленных чиновников этого «похода» остановить не смогло. В этой связи предложенный вниманию читателей парадокс мог бы быть сформулирован и иначе: «остепенённые» – против науки!

Представляется, однако, что фрейдизм, вообще мало продуктивный при объяснении макросоциальных процессов, не имеет отношения к парадоксам отечественной образовательной и научно-инновационной политики, объяснение которым будет дано ниже.

Весь мировой опыт XX в., и в особенности второй его половины, свидетельствует: при сколько-нибудь продуктивном экономическом механизме именно инвестиции в образование в долгосрочной перспективе оказывались наиболее эффективными и определяли успех модернизации общества. Практически все страны, сумевшие добиться на определённых этапах экстраординарных темпов экономического развития (так называемого экономического чуда), за несколько лет до этого осуществляли серьёзные финансовые «вливания» в сферу образования, во многом «чудо» и порождавшие. В свою очередь, в индустриально развитых странах экономический подъём и сравнительно высокий уровень жизни относительного большинства населения становились базой стабильности и демократии западного типа. Такая закономерность прослеживается в послевоенной истории Германии, Японии, Южной Кореи, Италии.

В отечественной истории аналогичная закономерность, хотя и с учётом качественных различий между общественными системами, также проявлялась на протяжении ряда десятилетий (1930 - 1960-е гг.). Затем тенденция изменилась в худшую сторону, а в 1990-е гг. стала прямо противоположной.

Так, согласно экспертным оценкам, в начале 1950-х гг. доля расходов на образование в ВВП составляла в СССР около 10%[36]. По оценкам Всемирного Банка, в 1970 г. она равнялась 7%, в США, Франции и Великобритании в середине 1990-х гг. – от 5,3 до 5,5%[37], а в России в 1992 г. – 3,4%[38]. С учётом сокращения ВВП приблизительно вдвое в 1990-94 гг. расходы на образование в реальном исчислении составили в России в

[36] Смолин О.Н. Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2001. – С. 109.

[37] Согласно оценкам авторов проекта Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., в марте 2008 г. эти расходы составляли 4,6% ВВП (в т.ч. 3,9% – расходы бюджетной системы), однако составители доклада Общественной палаты РФ «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее» (М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 75) назвали цифру 3,5% ВВП за счёт бюджета.

[38] Там же.

середине 1990-х гг. не более четверти к уровню расходов 1970 г. Принимая во внимание рост после 17 августа 1998 г. курса доллара почти в 4,5 раза, рост цен – не менее чем в 2,5 раза, при увеличении расходов на образование в федеральном бюджете 1999 и 2000 гг. приблизительно на 75%, а заработной платы работников образования – менее чем на 70%, представляется возможным оценить сокращение реальных расходов на образование в России во второй половине 1990-х гг. приблизительно ещё в 2 раза, а за десятилетие в целом – примерно в 8 раз.

Согласно заявлению председателя правительства РФ М. Фрадкова, к началу 2005 г. ВВП на душу населения в России оказался в 3 - 4 раза ниже, чем в других странах «восьмёрки». При этом на здравоохранение в этих государствах затрачивается 6 - 8% ВВП, а в России – 3%; на образование, соответственно, 4 - 6% и менее 4%.

«Можно ли в таких условиях рассчитывать», – задал риторический вопрос премьер, – что без дополнительных финансовых вложений социальные реформы дадут ожидаемый эффект?»[39]. Увы, этот вопрос не нашёл ответа в федеральных бюджетах на 2006 и 2007 гг. Так, в 2006 г. расходная часть бюджета выросла на 42,7%, а расходы по разделу «Образование» – на 30,5%. Соответственно, в 2007 г. расходы федерального бюджета выросли на 27,9%, а расходы на образование (за вычетом сумм, перенесённых из других разделов) – на 38,1%. Причём эти показатели наращивания финансовых вложений в образование оказались едва ли не рекордными.

В трёхлетнем федеральном бюджете (2008 - 2010 гг.) в том виде, в каком он был принят в 2007 г., расходы на образование предполагалось увеличить крайне незначительно – менее чем на 20% за три года:

2008 г. – 307,2 млрд руб., +7%;

2009 г. – 313,6 млрд руб., +2,1%[40];

2010 г. – 339,9 млрд руб., +8,4%.

Для сравнения: финансирование армии должно было вырасти примерно на 38% (что можно понять с учётом её развала в 1990-х гг.); других силовых структур – почти на 45%. Похоже, российская власть (1) продолжает движение к бюджету полицейского государства и (2) опасается собственного народа больше, чем внешней угрозы. Вряд ли нужно повторять: профилактика преступности – лучший способ борьбы с ней, а потому соотношение показателей роста расходов на образование и правоохранительную деятельность должно быть прямо противоположным.

Ещё более тяжёлые потери понёс в постсоветский период научный потенциал страны. Приведём мнение экспертов.

«По сравнению с 1992 годом численность научного персонала сократилась почти вдвое: с 1532,6 тыс. человек до 870,9 тыс. человек. К началу 2004 г. в научном секторе исследованиями и разработками занималось 866,2 тыс. человек. Численность исследователей снизилась с 804,1 тыс. человек до 414,7 тыс. человек, т.е. также почти вдвое. Таким образом, утверждение об оттоке кадров из науки более чем справедливо»[41]. По другим данным, в России число специалистов в сфере НИОКР сократилось с 1,9 млн в 1990 г. до 772 тыс. в 1999 г., а федеральное финансирование науки в 1990-х гг. – приблизительно в 20 раз.

По данным Мирового банка, за постсоветские годы Россию покинуло более 200 тыс. ученых и инженеров. Ещё около 1 млн ученых за тот же период прекратили занятия наукой и ушли в частный сектор или на госслужбу[42].

---

[39] См. стенограмму пленарного заседания Госдумы 9 февраля 2005 г.

[40] Похоже, именно в этом году правительство собралось «сбросить» на бюджеты регионов очередную «порцию» учебных заведений

[41] Сколько стоит Россия // Под ред. И.А. Николаева. М.: 2004. – С. 220.

[42] Запасной ресурс // Ведомости. – 2009. – № 46. – 17 марта

Несмотря на некоторое расхождение с данными, приведёнными Председателем Правительства РФ М. Фрадковым на упоминавшемся пленарном заседании Госдумы[43], авторы «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации» рисуют в целом ту же картину: «На науку в России в последние годы направляется 1,6% ВВП. В развитом мире – в среднем не менее 2 - 2,2%, на образование – соответственно около 3% и 6%, на охрану здоровья 2,4 - 3,5% и от 8 до 14% ВВП. И это при кратном разрыве в объеме общественного продукта»[44].

Как уже отмечалось, согласно стандартам, принятым в индустриально развитых странах, предельно допустимым для национальной безопасности уровнем расходов на науку принято считать 2% ВВП. Что касается федеральных расходов на научные исследования, то в 1990-х – начале 2000-х гг. они составляли приблизительно 0,3% от ВВП страны. Поскольку в федеральном бюджете, начиная с 2005 г., раздел «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» был упразднён, определение этого показателя стало вообще затруднительным.

Забегая вперёд, отметим: в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» на протяжении восьми лет (1996–2004) действовал норматив об обязанности государства выделять на науку не менее 4% расходной части федерального бюджета, однако в действительности эти расходы не превышали 2%. На совместном заседании Совета безопасности России, Президиума Госсовета и Совета при Президенте РФ по науке и высоким технологиям, которое состоялось 30 марта 2002 г., было принято решение довести расходы федерального бюджета на науку до 4% к 2010 г. (т.е. поэтапно исполнить закон), а также утверждён график наращивания таких расходов по финансовым годам. Однако Федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ (так называемый закон «о монетизации») положение о выделении 4% расходной части федерального бюджета на науку было из законодательства исключено. Почти одновременно Еврокомиссия приняла рекомендацию к странам – членам Евросоюза: увеличить расходы на науку за счёт всех источников до 3% ВВП[45].

Парадокс 3: Попытка вхождения в цивилизацию по попятной траектории

Отечественные политические лидеры (по европейским меркам «новые правые») на протяжении 1990-х гг. постоянно прокламировали намерения «войти в цивилизацию» или догнать её, но в отношении образования и науки стимулировали движение едва ли не в прямо противоположную сторону. Во всяком случае, противоцивилизационные тенденции в политике государства в отношении образования и науки явно преобладали над процивилизационными. Помимо приведённых выше данных о сокращении финансирования образования и науки, а также численности научного персонала, это относится и к такому ключевому направлению политики государства, как отношения собственности.

История образовательной политики индустриально развитых стран, а равно и европейских стран с переходной экономикой, не знает примеров сколько-нибудь массовой

---

[43] См. вводную часть к главе 11

[44] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002 – 2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. М.: 2003. – С.28.

[45] Расходы федерального бюджета России на фундаментальные и прикладные научные исследования и разработки с 2005 г. росли.

В 2005 г. общая сумма таких расходов – 76 909,3 млн. руб. (2,19% от общих расходов бюджета).

В 2006 г. – 97 363,2 млн. руб. (2,27% от общих расходов федерального бюджета).

В 2007 г. – 98 405 млн. руб. (1,81% от общих расходов федерального бюджета).

В 2008 г. – 156 442 млн. руб. (2,38% от общих расходов федерального бюджета).

В 2009 г. – 173 721 млн. руб. (2,37% от общих расходов федерального бюджета).

В 2010 г. – 207 183 млн. руб. (2,56% от общих расходов федерального бюджета).

приватизации образовательных учреждений. Напротив, история постсоветской России примерами попыток такой приватизации изобилует. Так, в первой половине 1990-х гг. правительственными структурами были разработаны не менее пяти законопроектов, направленных на обеспечение «обвальной» приватизации в сфере образования; в 1998 г. – проект приватизации вузов[46]; в 2004 г. – предложения о приватизации учреждений дополнительного профессионального образования[47]. Наконец, фактическая (хотя постепенная и выборочная) приватизация образовательных учреждений при формальном сохранении их государственного статуса предусмотрена ФЗ от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»[48].

Между тем для любого неидеологизированного специалиста последствия массовой приватизации образования очевидны:

- резкое сокращение бюджетного финансирования образовательных учреждений в связи с их превращением в негосударственные и, соответственно, уменьшением государственных обязательств перед ними в юридическом и социально-психологическом плане;
- вследствие этого качественный рост доли платных для гражданина образовательных услуг за счёт бесплатных;
- в связи с крайне низким средним уровнем жизни и узостью средних слоев, представители которых способны оплачивать образование, радикальное сокращение количества обучающихся, превращение образования в привилегию для избранных;
- по причине дефицита финансов и отсутствия государственного управления превращение образовательной деятельности для многих учебных заведений во второстепенную, вытеснение ее коммерческой деятельностью, распродажа имущества, новый передел собственности под видом её раздела, который и составляет «тайну» российской приватизации вообще;
- вследствие всех названных и неназванных причин – разрушение системы образования в короткие сроки.

Парадокс 4. Преумножение критикуемых ошибок прошлого

Чем более новая, постсоветская власть критиковала ошибки прежней, тем более она их повторяла и умножала. В частности, после массированной критики социальной политики советского периода худшие черты её последних лет – «остаточный» принцип финансирования культуры, науки, образования и обесценивание высококвалифицированного труда – оказались не преодолёнными, но доведёнными до логического конца.

Напомню: в 1940 г. зарплата работников образования практически равнялась её уровню в промышленности (97%); в 1970 г. составляла 72,7%; в 1990 г. – 65%[49]; в 2003 г. она опустилась почти до 50%[50]. Даже Президент РФ в Послании Федеральному Собранию 2005 г. отметил: «В то же время реальный уровень оплаты труда в этих отраслях все еще ниже, чем в конце 80-х годов, а средняя зарплата в бюджетной сфере значительно ниже средней зарплаты по стране: из 18 ставок единой тарифной сетки 12 – ниже прожиточного минимума, то есть для большинства работников бюджетных организаций риски попасть в

---

[46] Подробнее см. Смолин О.Н. Знание – Свобода. М.: 1999. – С. 85-87, 106-114.

[47] Подробнее см.: Смолин О.Н. Крестики – нолики // Народное образование. – 2005. – №1. – С. 20-27.

[48] Подробнее см. § 1 главы 13 настоящей книги

[49] См. Смолин О.Н. Знание – Свобода. - М.: 1999. - С. 164.

[50] По данным Федеральной службы государственной статистики в 2003 г. это отношение составило 51%. Выступая 20 декабря 2006 г. на пленарном заседании Госдумы, заместитель Председателя Правительства РФ А.Д. Жуков сообщил: «Результатом дополнительных мер по повышению оплаты труда отдельных категорий работников здравоохранения и образования стало улучшение соотношения между средней заработной платой работников этих отраслей и обрабатывающих производств. В августе текущего года это соотношение составило <…> по образованию – 57 процентов (в прошлом году – 52)».

зону бедности крайне высоки. И столь унизительное положение мешает людям эффективно и творчески работать»[51].

Эксперты отмечали рост отношения средней зарплаты в образовании к её уровню в промышленности к концу 2007 г. до 64%, однако уточняли: с тех пор как статистика позволила выделить в качестве отдельного показателя заработную плату учителя, отношение этой зарплаты к средней по экономике неуклонно падает.

В международных компаративистских исследованиях образования используется такой специальный показатель статуса педагога, как «отношение средней заработной платы учителя с 15-летним стажем к ВВП на душу населения». С качественной точки зрения это некоторый аналог отечественного показателя отношения средней заработной платы в образовании к средней по стране, хотя количественно это отношение выглядит иначе. В индустриально развитых странах названное отношение составляет 1,37, в развивающихся – 2,56 (здесь на фоне массовой нищеты педагог выглядит человеком сравнительно обеспеченным). В России этот показатель – 0,64[52]. Иначе говоря, страна «развивающегося рынка» и невиданного бюджетного профицита, по средним доходам населения далеко отстающая от Европы и Северной Америки, многократно ниже их и по относительному уровню зарплаты педагогов.

Учитывая, что в индустриально развитых странах мира зарплата педагогических работников выше средней по стране, совершенно очевидно, что и в этом отношении российские «реформы» имеют противоцивилизационный характер.

На протяжении всего десятилетия 1990-х гг. среди различных профессиональных отрядов работники образования и науки по уровню оплаты труда входили в первую пятёрку снизу, наряду с работниками здравоохранения, культуры и сельского хозяйства.

Как известно, на съезде профсоюза работников образования и науки 4 апреля 2005 г. министр А. Фурсенко говорил о двукратном повышении зарплаты педагогов в течение трёх лет. Через три недели, 25 апреля, Президент уточнил: «считаю необходимым в течение трех лет добиться повышения доходов «бюджетников» в реальном выражении не менее чем в 1,5 раза. То есть в ближайшие годы зарплаты «бюджетников» должны расти как минимум в 1,5 раза быстрее, чем цены на потребительские товары»[53].

Однако в действительности в последние годы темп «роста» номинальной зарплаты интеллигенции постоянно замедляется, а в реальном выражении (по отношению к товарам первой необходимости) она практически не увеличивается[54].

Соответственно, оплата труда в сфере науки после катастрофического падения в 1990-х гг. лишь к концу первой «пятилетки» XXI в. превысила среднюю по стране. В апреле 2004 г. её уровень составил около 8 тыс. рублей или 124% среднего уровня по экономике[55]. Процитируем ещё раз всё тот же источник.

«Небезынтересно вспомнить, что в Советские времена самую высокую официальную зарплату получал Президент академии наук СССР: 700 рублей по должности плюс 500 рублей за звание академика, так называемую академическую стипендию. Итого получалось 1200 рублей. Если учесть, что средний оклад у Первых секретарей обкомов в то время был 500 - 600 рублей в месяц, становится понятным уровень материального благополучия главного Академика. Но тогда и простые ученые хорошо зарабатывали. Сейчас с начала 2003 г. академическая стипендия составляет

---

[51] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. – Москва. Кремль. – 25 апреля 2005 г.

[52] Агранович М. Зачем, сколько и за что надо платить учителю? // Тенденции развития образования: придут ли новые учителя в школу? Мат. V междунар. науч.-практ. конф. М.: Логос, 2008. – С. 122

[53] Цит. по: president.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml

[54] Подробнее см. § 1 главы 12

[55] Сколько стоит Россия // Под ред. И.А. Николаева. М.: 2004. - С.222.

20 тыс. рублей в месяц (постановление Правительства РФ от 24 октября 2002 г. № 770). Академики РАН не обделены вниманием: надбавка превышает среднюю зарплату в отрасли почти в 3 раза!»[56].

К сказанному стоит прибавить, что, во-первых, зарплата профессора вуза в советские времена составляла 500 рублей, т.е. была сравнима с официальной зарплатой первого секретаря обкома, а во-вторых, что 20 тыс. рублей даже в 2003 г. представляли собой достаточно скромный доход менеджера средней руки в более или менее успешно работающей московской фирме.

Предложенный автором в качестве социально-философского основания стратегии модернизации России социально-образовательный детерминизм среди прочего предполагает и более высокий (по сравнению с теми, кто создает вещное богатство) уровень оплаты труда тех, кто формирует человеческий потенциал как главный двигатель постиндустриальной экономики.

Парадокс 5: Инверсия политических противоположностей – синдром «казарменного» либерализма и «либерального» социализма

Согласно стандартным представлениям (впрочем, справедливым лишь отчасти), в условиях классической расстановки политических сил, социалисты, руководствуясь принципом справедливости, стремятся к созданию социальных гарантий для большинства населения путём перераспределения доходов граждан через бюджет (как иногда говорят, предпочитают делить «рыбу»). Напротив, согласно тем же представлениям, либералы ориентируются на стимулирование экономической активности граждан, создавая им возможности самостоятельно зарабатывать деньги (в аналогичных терминах – раздают «удочки»).

В противоположность этому в постсоветской России образовательная и научно-инновационная политика правящей элиты, регулярно прокламирующей проведение радикальных либеральных реформ, тяготела скорее к принципу: ни «рыбы», ни «удочек». В то же время представители левой (в том числе социалистической) оппозиции регулярно отстаивали свободу для участников образовательной и научно-инновационной деятельности, включая свободу экономическую. Предвосхищая будущий анализ, приведём лишь один пример.

Как известно, в индустриально развитых странах организации, отнесённые к некоммерческому сектору, включая образовательные и научные, налогов не платят вовсе либо пользуются широким спектром налоговых льгот. Среди прочего такие льготы используются в целях привлечения в некоммерческий сектор частных инвестиций и создания тем самым системы многоканального финансирования образования и науки. Напротив, отечественные «радикальные реформаторы» на протяжении 1990-х гг. пытались ликвидировать (а в начале XXI в. в значительной степени ликвидировали) систему налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций, восходящую в России к указам Петра I. В постсоветский период эта система была предложена и долгое время защищалась парламентскими комитетами по образованию и науке, которые по составу депутатов и персоналиям руководителей представляли преимущественно левую политическую оппозицию.

Между прочим, как подробно будет показано в главе 14, рассчитанный Комитетами по образованию и науке Госдумы второго и третьего созывов на основе результатов голосований по всем законам и законопроектам, связанным с образованием, рейтинг поддержки образования депутатскими объединениями оказывается неизменно высоким в левой части политического спектра (постоянно лидировала фракция КПРФ) и столь же неизменно низким в его правой части (последние места регулярно занимали фракции «партии власти»).

---

[56] Там же. – С. 222

При этом деление на левых и правых осуществлялось в соответствии не с самоидентификацией политических течений, но на основе их реальной политики (так, например, если оценивать не PR-декларации, а политические инициативы и результаты голосований, партия «Единая Россия» оказывается заметно правее, чем «Союз правых сил», не говоря уже о «Яблоке»)[57]. Именно голосами фракций «Единство» – «Единая Россия», «Отечество» – «Единая Россия», ЛДПР, а временами и «Союза правых сил» и др. в Третьей Госдуме, а также фракции «Единая Россия» – в Госдуме четвёртого созыва были приняты все законы, направленные на ликвидацию налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций, и, соответственно, отклонены поправки, призванные обеспечить сохранение таких льгот.

Заслуживает внимания ещё одно обстоятельство: представление о том, что все должны платить одинаковые налоги, наряду с квазиэгалитарной ваучерной приватизацией, выступает как очевидная политическая инверсия и пример того, как стереотипы примитивного «казарменного» коммунизма могут использоваться для введения не менее примитивного «дикого» капитализма с его колоссальным социальным неравенством.

Парадокс 6. Сочетание юридического фетишизма с юридическим нигилизмом

На протяжении 1990-х гг. и в первые годы XXI столетия корни многочисленных проблем в образовательной и научно-инновационной политике массовое сознание (в том числе общественное мнение соответствующих профессиональных сообществ) нередко склонно было видеть в отсутствии или недостатках законодательной базы. На те же недостатки обычно ссылались и представители исполнительной власти, по большей части игнорируя в то же время действовавшие законы.

Так, все минимально необходимые для развития систем образования и науки законодательные решения были приняты ещё в 1990 - 1996 гг., причём на уровне как парламентской, так и президентской ветвей власти. Однако они и не исполнялись, и не отменялись. Постоянно провозглашая приверженность правовому государству, исполнительная власть делала вид, что законы для неё не писаны, либо объявляла эти законы «популистскими», «неисполнимыми», «некачественными» и т.п. Сказанное относится, прежде всего, к большинству норм и нормативов финансового характера, а также норм социозащитного характера в отношении обучающихся и работников обеих систем.

Ситуация изменилась лишь в начале XXI в. с появлением в Третьей Госдуме достаточно прочного проправительственного большинства (так называемая большая четвёрка, включавшая фракции «Единство», «Отечество – вся Россия», депутатские группы «Народный депутат» и «Российские регионы», а также по обыкновению примыкавшую к правительственному блоку фракцию ЛДПР). В этот период исполнительная власть могла уже позволить себе в значительной степени отказаться от юридического нигилизма, введя практику ежегодного приостановления всех предусмотренных законами, но не финансируемых, социальных обязательств при принятии федерального закона о федеральном бюджете на очередной год.

---

[57] Подробнее о рейтингах поддержки образования и результатах голосования по соответствующим законам, законопроектам, поправкам см. главу 14 настоящей книги.
Смолин О.Н. Знание – Свобода. – М..: 1999. – С. 43-53.
Смолин О.Н. Излом: иное было дано? – М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001. – С. 278-295.
Смолин О.Н. Чего стоит депутатская любовь к образованию? (рейтинг фракций и групп Государственной Думы третьего созыва) // Русский мир. – 2003. – № 6. – С. 10-18.
Смолин О.Н. Стратегии образования: различия позиций депутатских объединений Государственной Думы // Социс. – 2003. – № 4. – (в соавторстве с Комаровым А.Е.).
Смолин О.Н. Образовательная политика в Госдуме второго и третьего созывов: реальные позиции фракций и депутатских групп // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 25-33.

Однако лишь вступление в силу ФЗ от 22.08.2004 № 122 придало действиям федерального правительства легальный характер, разумеется, не путём поэтапного исполнения действовавших законов, но посредством их отмены[58].

Возвращаясь к предыдущему парадоксу, стоит заметить, что ФЗ № 122 разрушил одновременно и социальные, и общедемократические (либерально-демократические) основы образовательного законодательства и законодательства в области науки. В результате его принятия из соответствующих законов были «вычищены» нормы не только «защитного» характера, но и положения, гарантировавшие академические свободы участникам образовательного процесса и экономические свободы образовательным учреждениям и научным организациям.

Логика авторов закона оказалась не социальной, не либеральной и даже не бюрократической в смысле веберовской «рациональной бюрократии». Эта логика знаменует реинкарнацию бюрократии азиатской и отражает процесс «негативной конвергенции», т.е. объединения пороков (вместо достоинств) основных общественных систем XX в. (бюрократического социализма и первоначального и не менее бюрократического капитализма).

Итак, спустя почти 15 лет постсоветской истории парадокс сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом ушёл в прошлое, однако образовательная и научно-инновационная политика от этого не выиграли: курс на понижение (или, в лучшем случае, торможение развития) уровня человеческого потенциала отныне проводится в стране не вопреки закону, но на законном основании.

Парадокс 7: Консерватизм как фактор модернизации

В результате реализации принципов радикального экономического детерминизма во внутренней политике государства в постсоветский период российская наука и система образования оказались в более тяжёлом финансово-экономическом положении, чем многие отрасли экономики и социальные институты. Однако уровень их деструкции значительно меньше, а эффективность – существенно выше по сравнению с аналогичными социальными системами. В своё время это было признано такими организациями, как Мировой банк, специалисты которого в 1994 г. отмечали более высокий в среднем уровень знаний российских школьников в области естествознания и математики, чем во многих государствах Организации экономического сотрудничества и развития, а также ЮНЕСКО, под эгидой которой на базе российских вузов выполнялся целый ряд международных проектов в рамках всемирного десятилетия образования.

В связи с этим вполне обоснованным представляется следующий тезис: помимо исходного высокого уровня в советский период, помимо специфической мотивации и исключительного чувства ответственности учёных и педагогических работников, сформированного, в частности, полутрадиционной авторитарной советской общественной системой, именно инерционность, консерватизм данных социальных институтов, обеспечивая сохранение духовного потенциала нации, оставляет России шансы на модернизацию в будущем. Напротив, радикальная революционная ломка образовательных и научных институтов привела бы к безнадёжному отставанию от наиболее передовых стран. Видимо, отечественная образовательная и научно-инновационная политика – это тот редкий случай, когда справедливой оказывается формула Франца Йозефа Штрауса: быть консерватором – значит маршировать во главе прогресса!

---

[58] См. § 1 главы 9.

Глава 2. Радикальные преобразования российского общества как контекст трансформаций образования и науки: политико-философский аспект

Состояние образования и тенденции российской образовательной политики 1990-х гг. определяли три группы внутренних для России, но внешних для системы образования и науки условий:

1) революционный характер и содержание социально-политического процесса;

2) динамика, глубина и длительность системного (прежде всего социально-экономического) кризиса;

3) уровень развития демократии вообще, характер политических режимов и соотношение полномочий различных ветвей власти – в особенности.

Первая группа условий определяла главным образом общее направление курса образовательной и научно-инновационной политики, её идеологию и отношение к прежней (советской) системе образования и науки. Вторая группа – преимущественно финансовое состояние систем образования и науки, изменения в материально-техническом обеспечении, кадровом потенциале и т.п. Условия третьей группы устанавливали прежде всего роль и пределы возможностей законодательного регулирования, а также степень и каналы воздействия общественного мнения и общественных настроений на образовательную и научно-инновационную политику.

§ 1. Ключ к парадоксам. Российская социально-политическая трансформация как революционный процесс

Как уже отмечалось, современные исследователи в большинстве случаев ищут ключ к объяснению противоречий отечественного политического процесса, включая образовательную и научно-инновационную политику, в российской культурной традиции в широком смысле этого слова.

Так, один из крупнейших специалистов по истории и теории культуры, сторонник семиотического подхода Ю. Лотман отмечал: «Идея самостоятельности экономического развития в Западной Европе органически связывалась с постепенным развитием во времени, с отказом от «подстёгивания истории». В наших условиях этот же лозунг отягощен идеей государственного вмешательства и мгновенного преодоления пространства истории в самые сжатые сроки... Даже постепенное развитие мы хотим осуществить, применяя технику взрыва. Это... – суровый диктат бинарной исторической культуры»[59].

Не подвергая сомнению справедливость подобного утверждения, хотелось бы заметить вместе с тем, что сама отечественная ментальность («бинарная культура») во многом сформировалась под действием катастроф, включая войны и революции. Следовательно, путь выхода из логического круга лежит через поиск тех социально-исторических причин, которые обусловили одновременно и обилие революций, и соответствующий национальный менталитет.

1.1. Революция как историческая ситуация

Политико-ситуационный анализ

Изучение политических процессов в обществах, переживающих радикальные трансформации, требует не только критического использования основных парадигм социогуманитарной науки и применения известных научных методов, но и разработки

[59] Лотман Ю.М. Культура и взрыв. - М.: Гносис, издательская группа «Прогресс», 1992. - С. 270.

новых методов, соответствующих объекту и предмету исследования. Одним из них может служить специально разработанный автором метод политико-ситуационного анализа, который, в частности, предполагает:

- выявление характеристик и закономерностей исторических ситуаций (наряду с закономерностями исторического процесса как целого и закономерностями различных социальных систем);
- определение множеств таких характеристик и закономерностей, каждое из которых описывает определённый тип исторических ситуаций и никакой другой;
- использование одного из таких множеств в качестве критерия отнесения исследуемой исторической ситуации к определенному типу;
- прогнозирование на основе параметров и закономерностей данного типа исторической ситуации основных сценариев ее развития и наиболее вероятного из них.

Именно этот метод автор использовал для анализа отечественного политического процесса первой половины 1990-х гг., что позволило сделать нетривиальный вывод о характере отечественного политического процесса – вывод, который в последнее время находит все большее признание, подтверждая справедливость гегелевского замечания: истина рождается как ересь и умирает как предрассудок.

Реформа или революция

На рубеже веков официальные оценки отечественного политического процесса исходили из следующих постулатов:

1) в 1990-х гг. Россия пережила период реформ;

2) по характеру и перспективам эти реформы следует признать демократическими;

3) избранный вариант реформ был единственно возможным, и альтернативы ему не существовало[60].

На самом же деле приведенные постулаты представляли собой скелет новой социальной мифологии и изображали реальный процесс в искаженном, едва ли не перевернутом виде. Курьёзным с точки зрения элементарной логики выглядит сочетание двух утверждений политических лидеров начала 1990-х гг.: с одной стороны, о том, что прежняя система не поддавалась реформированию, а с другой – что в России наступила эпоха реформ. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что совместить то и другое невозможно.

Официальное отвержение (скорее даже низвержение) этих постулатов произошло в период парламентско-президентской избирательной кампании 2007-2008 гг. и выглядело вполне трагикомически:

- на «лихие 90-е» – время Б. Ельцина – обрушился его преемник, не только сам являющийся продуктом 1990-х, но и не задолго перед тем наградивший первого Президента России высшей государственной наградой;

- критика «смутного времени» была прямо связана с политической борьбой против «Союза Правых Сил», однако при этом экономический курс правительства продолжал оставаться более «гайдаровским», чем современная позиция самого Е. Гайдара или другого правого либерала А. Илларионова, признавших дальнейшее накопление Стабилизационного фонда бессмысленным даже с монетаристской точки зрения[61].

---

[60] Официально этот идеологический постулат был подвергнут сомнению лишь правительством Е. Примакова, который заявил о неприемлемости «реформ без населения».

[61] Логика монетаристов 1990-х гг. в данном случае была вполне очевидной: нет денег в стране – необходима жесточайшая экономия; появились деньги – нужно пускать их в дело.

Наряду с господствующей оценкой российского социально-политического процесса 1990-х гг. в качестве периода реформ в литературе встречаются следующие его характеристики:

- революция (с различными, подчас противоположными определениями);
- контрреволюция[62];
- реставрация[63];
- антиреволюция;
- смута
- и др.

Помимо идейно-политических воззрений авторов, придающих понятиям «революция», «контрреволюция», «реставрация», «реформы» ярко выраженный аксиологический аспект, помимо сложности и незавершённости самого процесса, такая разноречивость оценок обусловлена тем, что при кажущейся терминологической очевидности в эти понятия вкладывается весьма различное содержание.

По количеству определений термин «революция» вряд ли может сравниться с такими социально-философскими понятиями, как «общество», «цивилизация», «культура» или «личность», однако термин этот весьма многозначен, причём различные его значения наиболее четко раскрываются при логическом анализе понятия революции в парах с соотносительными категориями.

На общефилософском уровне исследования в паре «революция – эволюция» первая выступает как скачок-переворот (взрыв), как быстрое, стремительное, качественное изменение, преобразующее сущность системы; вторая – как постепенное количественное изменение при сохранении сущности или как постепенное качественное изменение[64]. С этой точки зрения социально-политический процесс в России 1990-х гг., как и аналогичные процессы в бывших социалистических странах, несомненно, представляет собой революцию. Достаточно указать на:

- применение «шоковой терапии», в результате которого произошло «взрывное» движение от сверхцентрализованной экономики к практически нерегулируемой;
- обвальный характер приватизации, темпы которой на порядок превосходили по интенсивности аналогичные процессы в индустриально развитых странах (например, в Великобритании в период правления М. Тэтчер) при противоположном социально-экономическом результате;
- разрушение прежней государственности (Советского Союза);
- политические перевороты, а также малую гражданскую войну в Москве (октябрь 1993) и две локальные гражданские войны в Чечне (декабрь 1994 – август 1996 и август 1999 – март 2000), которые обычно являются верными спутниками революций, и т.п.

На уровне политологического анализа в паре «революция – реформа» выделяется целый ряд характеристик, по которым различаются эти категории:

- революция – коренное преобразование, реформа – частичное;
- революция радикальна, реформа более постепенна;
- революция (социальная) разрушает прежнюю систему, реформа сохраняет её основы;

---

[62] См.: Воля. Свободное издание. Спецвыпуск.— 1992.— апрель.— № 1 (6). — С. 1

[63] См.: Кутырев В. Перестройка, реставрация, эволюция... Опыт философско-исторического осмысления // Диалог.— 1992.— № 4—5. — С. 28

[64] См.: Селезнев М. А. Социальная революция (Методологические проблемы).— М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 78

• революция осуществляется в значительной мере стихийно, реформа – сознательно (следовательно, в известном смысле реформа может быть названа революцией «сверху», а революция – реформой «снизу»).

С теоретической точки зрения важным во всех этих определениях является однозначная характеристика реформ как переустройства отдельных сторон, элементов системы, не затрагивающего ее основ, очевидная для подавляющего большинства специалистов. Впрочем, те же специалисты, переходя к анализу политических процессов в постсоветской России, дружно называли реформами (а многие называют и до сих пор) коренную ломку предшествующего общественного строя.

С точки зрения историко-социологической в паре «революция – реставрация» революция интерпретируется как переход к новому типу общества (социетальной системы, цивилизации, формации), а реставрация – как возвращение к его прежнему типу. В этом смысле российские «реформы» 1990-х гг., если и не представляли собой прямую попытку реставрации дооктябрьской общественной системы, то, по крайней мере, содержали ярко выраженные реставрационные тенденции, по силе соперничавшие с модернизационными, а иногда их превосходившие.

Эти реставрационные тенденции проявлялись прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам:

• возвращение дореволюционного флага и герба;

• восстановление топонимов;

• коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей, несмотря на прокламируемые демократические ценности, из «дьяволов» в «героев», а большинства генеральных секретарей – из «героев» в «дьяволов»);

• восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т.п.

При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, полукурьёзный, а то и трагикомический характер, лишний раз доказывающий справедливость гераклитова афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Хорошо известно, например, что станции московского метро никогда никаких названий, кроме советских, не имели. Топонимы же типа Санкт-Петербург в Ленинградской области либо Екатеринбург Свердловской области невольно вызывают в памяти сатирико-фантастический рассказ о том, как в славном городе Старосибирске улица Красных партизан была переименована в Белобандитский проспект. Не менее странно выглядит строительство «новоделов» на фоне продолжающегося разрушения старинных храмов.

Ещё более парадоксальны попытки восстановления существовавших в дооктябрьской России социальных отношений и институтов – от сословий до монархической власти. Разумеется, мало кто станет возражать против освоения и развития культурного наследия дворянской интеллигенции или традиций казачества как особого российского субэтноса. Но когда поднимается вопрос о придании дворянам или казакам статуса сословий в качестве условия развития «новой России», то полезно чаще вспоминать азбучные истины социологии, согласно которым сословный тип социальной стратификации является признаком доиндустриальной средневековой цивилизации (феодализма), тогда как руководство постсоветской России неоднократно заявляло о намерении двигаться к цивилизации постиндустриальной.

В историко-аксиологическом аспекте в паре «революция – контрреволюция» первое из этих понятий означает прогрессивное преобразование, качественный скачок в движении общества вперед, тогда как второе – преобразование регрессивное, откат назад. Поскольку возникновение качественно новой общественной системы – не всегда прогресс, а восстановление прежней – не всегда регресс (революции тоже бывают

консервативными), понятия реставрации и контрреволюции взаимосвязаны, но не тождественны. Последнее, подобно понятиям «прогресс» и «регресс», имеет ярко выраженный аксиологический акцент. В силу этого оценка тех или иных исторических событий как революционных или контрреволюционных является относительной и определяется двумя группами факторов: во-первых, объективными последствиями этих событий для общества, которые нередко выявляются спустя многие десятилетия; во-вторых, мировоззренческими и научными позициями исследователя, включая его отношение к проблеме общественного прогресса и методам преобразования общества.

Предприняты попытки, рассматривая проблему на политико-философском уровне, вынести её решение за рамки традиционной «системы координат», введя для обозначения событий 1985-1991 гг. в Восточной Европе и Советском Союзе понятие «антиреволюция». При этом главный аргумент в пользу введения нового термина заключается в том, что эти события не только положили конец революционному циклу, связанному с Октябрем 1917 г., но и завершили целую эпоху революционности, порождённой Просвещением, более того, положили конец самой логике просветительской модернизации и связанной с ней революционности.

«Изживание «просветительного революционизма», – отмечает Р. Саква, – означает отнюдь не то, что больше не будет восстаний, переворотов, мятежей и бунтов, а то, что изменился философский смысл подобных событий»[65], а именно: «отсутствует универсальная система светских догматов, которая могла бы подкрепить надежды на то, что политический переворот откроет путь в царство справедливости, заложит основы лучшего мира»[66].

При этом, согласно Р. Сакве, «отказ от революционного социализма был не «революцией наоборот».., или, сокращенно, контрреволюцией, а «противоположностью революции».., т.е. оппозицией революционному процессу как таковому»[67]. Аргументируя данный тезис, автор концепции называет два, по его мнению, кардинальных различия между антиреволюциями и контрреволюциями: «во-первых, они (антиреволюции – *О.С.*) пытались преодолеть реальные революции, происшедшие в соответствующих странах в 1917 и 1945-48 гг., и, во-вторых, они полностью отвергли всю логику революционного мышления, подчинявшую себе воображение европейцев на протяжении почти двух столетий»[68].

Другие отличия новейших «антиреволюций» от классических революций прошлого, по мнению Р. Саквы, состоят в том, что «антиреволюции»:

- ✓ затрагивают урбанизированные общества в условиях мира[69];
- ✓ сняли противоположность революции и реформы, будучи тем и другим одновременно и в то же время - ни тем, ни другим[70];
- ✓ представляли собой революции маневра, поскольку «поиски модели лучшего мира велись не в будущем, а в прошлом или настоящем с вариациями по временной и пространственной осям»[71];
- ✓ в известном смысле были «договорными революциями», для исследования которых может быть использована теория игр[72] и др.

---

[65] Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989-1991 годов // Полис. – 1998. – № 5. – С. 24.
[66] Там же.
[67] Там же. С. 30.
[68] Там же. С. 26.
[69] См.: Там же. С. 25.
[70] См.: Там же. С. 26.
[71] См.: Там же. С. 27.
[72] См.: Там же. С. 28.

Позиция Р. Саквы приведена здесь столь подробно не только вследствие её оригинальности, но и для того, чтобы предоставить возможность читателю самостоятельно убедиться в не слишком высоком качестве её аргументации.

Во-первых, едва ли не единственным реальным основанием этой концепции служит сравнительно мирный, «бархатный» путь осуществления большинства революций 1989 - 1991 гг. Однако этого явно не достаточно для радикальных выводов об «антиреволюционных революциях», ибо возможность мирного осуществления революций признавалась и прежде, в том числе даже такими радикальными революционерами, как основатели марксистской теории. Сказанное в значительной мере относится и к тезису о снятии противоположности между реформами и революцией. Такая противоположность в качестве абсолютной существовала лишь в головах революционеров-догматиков, тогда как в реальной жизни реформы нередко перерастали в революцию и практически всегда её сопровождали, завершая в постреволюционный период процесс трансформации одной общественной системы в другую.

Во-вторых, не более убедительными выглядят аргументы в защиту отличий антиреволюции от контрреволюции: достаточно напомнить, что те, кого Ж. Кондорсе в конце XVIII в. именовал контрреволюционерами, также искали свои социальные идеалы не в будущем, но в прошлом (своей страны) или настоящем (феодальной Европы).

В-третьих, осуществление новейших революций в индустриальных обществах и к тому же в мирное время действительно отличает их от большинства предшественниц. Однако отсюда вовсе не следует, будто эти революции кладут конец просветительскому пониманию модернизации. Скорее наоборот: их лидеры почти повсеместно выдвигали лозунг «возвращения в цивилизацию», представляющий собою по сути вариант хрущевского призыва «Догнать и перегнать», но не за счёт более быстрого развития системы, а путём кардинального изменения типа общественного развития.

Логика поведения новейших российских «антиреволюционеров» по всем остальным параметрам, включая готовность к применению насилия, воспроизводила логику поведения их предшественников, несмотря на противоположную направленность социального действия и бесконечные заявления о разрыве с традициями прошлого. Возможно, именно эти заявления Р. Саква и принял за сущность процесса. Более того, утверждение о преодолении просветительской логики представляется безнадёжно оптимистичным и в отношении политических лидеров индустриально развитых стран: войны в Югославии, Афганистане и Ираке убедительно показали, что и среди них преобладает революционно-просветительское стремление «железной рукой загнать человечество к счастью».

Наконец в-четвёртых, что касается лёгкости осуществления «договорных революций», то она находит своё вполне реалистическое объяснение в бюрократическом характере этих революций.

Термин «смута», нередко используемый для характеристики постсоветского периода российской истории (в особенности в 1990-х гг.), не может быть определён через оппозицию к термину «революция», хотя некоторые авторы располагают его в категориальном треугольнике: «революция – инволюция – смута»[73].

В действительности термин «смута», во-первых, представляет собой скорее образную характеристику, чем научную категорию, либо понятие, характеризующее совокупность конкретных исторических событий, но не категорию политической или социологической науки. Во-вторых, при самых разнообразных трактовках применение данного термина к постсоветскому периоду российской истории некорректно, ибо это явно период революции либо инволюции (деградации, разложения). По логике вещей, смута должна заканчиваться восстановлением статус-кво с незначительными

[73] См. Ландау Г. Революция, бунт, смута // Новое время. – 1994. – № 40. – С.43-45.

отклонениями в ту или иную сторону. В России же восстановление прежней системы невозможно.

Как уже отмечалось, в 90-е гг. XX в. термин «революция» для характеристики происходивших в стране процессов практически не применялся. Однако в начале нового века отказ от использования термина сменился его апологией, причём инициатива исходила как раз от тех, кто 10 - 15 лет назад не только в значительной степени определял характер трансформационных процессов, но и присвоил им наименование реформ, утверждая, что «Россия лимит на революции исчерпала».

Так, бывший помощник первого Президента России М. Краснов, отвечая на вопрос - «что произошло в России в последнее десятилетие XX века?» заявлял: «Произошла революция. Причем Великая революция, т.е. масштабная смена общественного и государственного строя, всего уклада жизни»[74]. Ему вторил Г. Сатаров, другой помощник Б. Ельцина, отмечавший, что «общество, которое не умеет вовремя осуществить эволюцию, заслуживает революции», называвший события конца XX в. «наша великая буржуазная российская революция» и прогнозирующий ввиду её незавёршенности новые революции[75].

Обращение к термину «революция» объясняется в данном случае следующими причинами:

а) период революционных преобразований в России завершён, наступил период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима. В новых исторических условиях правящей элите нет необходимости скрывать характер произошедшей в стране трансформации. Не случайно Президент РФ В. Путин в одном из телевизионных выступлений в октябре 2002 г. уже назвал события начала 1990-х гг. «бархатной» революцией;

б) если в конце 80-х – первой половине 90-х гг. прошлого века был дискредитирован термин «революция», то к началу XXI в. дискредитированным оказался и термин «реформа». Ныне в массовом сознании этот термин прочно ассоциируется прежде всего с ухудшением социально-экономического положения большинства народа.

Итак, популярное на рубеже 1980 - 90-х гг., особенно в зарубежной публицистике, выражение «вторая русская революция»[76] гораздо точнее отражает характер российского социально-политического процесса, чем термин «реформы». Самой слабой частью этой характеристики является порядковое числительное, ибо в зависимости от принятой системы отсчёта и объёма понятия (революция социальная или только политическая, предполагающая смену лидеров или резкий поворот политического курса) «вторая русская революция» может оказаться как третьей (после 1905 и 1917 гг.), так и шестой (после 1905, февраля 1917, октября 1917, перехода к нэпу и сталинского перелома), а скорее всего должна рассматриваться в контексте революционной эпохи (1917 – 1997 гг.).

Сущность и типологические признаки революции

Суть любой революции как исторической ситуации (независимо от конкретной расстановки общественных групп и их интересов) в её чрезвычайном и первоначально деструктивном характере, который жёстко навязывает участникам событий определённые направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений, но вместе с тем может содержать в себе колоссальные инновационные потенции. Пока революция не началась, пока всё идёт «штатно», деятельность людей подчинена обычным нормам и происходит под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как

---

[74] Эволюция российской государственности. М., 2001.- С.9.
[75] Там же. - С. 44, 45.
[76] Они о нас. Перед судом истории // Правда. – 1991. – 20 декабря.

только «механизм революции» запущен, привычные законы человеческой деятельности или работают «вхолостую», или подвергаются отрицанию, реализуясь с точностью до наоборот. Неким слабым аналогом могло бы быть сравнение работы человеко-машинных систем в привычном режиме и в режиме аварийном. Иначе говоря, у революции свои признаки и законы, принципиально отличные от параметров функционирования социальных систем и существенно отличные от признаков и закономерностей революционной ситуации, предшествующей революции во времени.

Чаще всего общие ситуационные закономерности революций – системно или бессистемно, в «сборе» или по отдельности, с теоретическим обоснованием или без него – уже назывались в работах теоретиков левого и правого направлений, убеждённых адептов «религии революции» или её не менее убеждённых противников. Однако именно в силу политической остроты вопроса, во-первых, существует сравнительно мало примеров объективного, неидеологизированного его изучения, а во-вторых, общие ситуационные закономерности революций обычно принимаются за конкретно-исторические и довольно часто – сознательно или бессознательно – приписываются лишь той (или тем) революции, идеология которой противоречит убеждениям аналитика. В особенности это относится к так называемым первородным грехам революции, которые легко и уверенно прозреваются сквозь толщу десятилетий (или даже столетий), но никак не обнаруживаются в революции, современником которой является тот или иной автор. Впрочем, теоретики в данном случае идут за политиками и подчиняются той же ситуационной закономерности.

Подобно другим типам исторических ситуаций, революции обладают повторяемостью как в синхроническом (по «горизонтали»), так и в диахроническом (по «вертикали») плане. Последний, «диахронический» аспект повторяемости имеет в данном случае особое значение, поскольку, во-первых, в силу чрезвычайного характера данного типа исторических ситуаций и других факторов социокультурные особенности данной системы сказываются в эти периоды значительно меньше, чем во времена спокойного развития. Во-вторых, «жёсткость» ситуационных закономерностей во время революции значительно возрастает. Именно поэтому Франция 1789 - 94 гг. по многим параметрам политического процесса гораздо более походит на Россию 1917 - 1921 гг., чем на современные ей (Франции) Германию или Великобританию.

Согласно разработанному автором политико-ситуационному подходу - любая социально-политическая революция в качестве исторической ситуации обладает определённым набором признаков и может рассматриваться как:

- бифуркация;
- катастрофа (или серия множественных катастроф);
- радикальное отрицание;
- всеобщий конфликт;
- аномия;
- «праздник»;
- фактор глобальной мифологизации массового сознания;
- процесс смены политических элит;
- трансформация политического режима революционной демократии в режим революционного (или постреволюционного) авторитаризма.

При этом необходимо иметь в виду, по крайней мере, три обстоятельства.

Во-первых, каждая из названных характеристик и закономерностей с той или иной степенью интенсивности проявляется в любой революции нового и новейшего времени, т е в тех типах социальных революций, которые включают в себя революции политические.

Во-вторых, ни один из этих параметров не может считаться исключительной принадлежностью данного типа исторических ситуаций. Напротив, некоторые из них в отдельности или в определённой избирательной совокупности наблюдаются и в других

типах исторических ситуаций (ситуации кризисов, войн, реформ, катастроф и т.п.). Так, бифуркации в истории человечества могут быть связаны не только с социальными и политическими, но и с технологическими революциями; отрицание ярко проявляется в периоды реформ, смены культурных стилей или научных парадигм; аномия – в периоды войн, катастроф, разложения прежней системы; выдвижение мифов и утопий – во время генезиса новой социетальной системы и опять-таки в периоды реформирования.

В-третьих, полным набором названных характеристик и закономерностей не обладает ни один другой тип исторических ситуаций. В совокупности эти параметры дают то системное качество, которое характеризует только данный тип исторических ситуаций и никакой другой.

1.2. Революция: политико-ситуационные характеристики

Революция как бифуркация

Термин «бифуркация» (от лат. bifurcus – раздвоенный) – разделение, разветвление, в социальных науках употребляется для обозначения апогея кризиса системы, после которого возможно её развитие в различных направлениях, вплоть до полного уничтожения[77]. Очевидно, что любой революционный кризис такому пониманию бифуркации вполне отвечает, и тем более, чем он глубже.

После каждой революции возникает новый этап, новая линия в развитии общественной системы, и это не случайно. В условиях «спокойного» функционирования данного социума, циклического воспроизводства его отношений и институтов социальные инновации, разумеется, возникают, но они всегда достаточно жёстко ограничены существующими условиями. Возможность инноваций, выходящих за рамки системы, является здесь, скорее, абстрактной.

Совершенно иначе выглядит ситуация революционного кризиса: все или большинство социальных институтов разрушены или расшатаны; вера в прежние ценности ослабевает, как и контроль за соблюдением социальных норм; более того, людьми овладевает желание отринуть прежнюю систему любой ценой, а новизна, независимо от того, ведёт она к лучшему или к худшему, превращается в самоценность и обретает неодолимую притягательную силу. В этих условиях общественные группы, выступающие как субъект истории, при поддержке широких масс действительно способны направить развитие событий в то или иное русло (хотя отнюдь не всегда – в желаемое), а возможность появления принципиально новой социальной системы из абстрактной превращается в реальную.

В этой связи представляет интерес новый вариант решения старого теоретического спора о том, расширяется или ограничивается свобода выбора в революционных условиях. Это решение выглядит парадоксальным: качественное расширение альтернативности развития при количественном ограничении свободы выбора управленческих решений. Анализ отечественной реальности 1990-х гг. подтверждает, что возрастание альтернативности в революционных условиях обусловливается:

- расшатыванием или разрушением социальных институтов прежней системы, устанавливавших границы деятельности и поведения людей;
- возможностью появления принципиально новой системы. Иначе говоря, растёт не количество альтернатив, а их качество. В обычных условиях альтернативы существуют в рамках данной системы, в условиях революции – альтернативы между различными типами систем.

---

[77] Словарь иностранных слов. М., 1989. – С. 84

В свою очередь, ограничение свободы выбора политико-управленческих решений в условиях революции является результатом:

- массового, а иногда и всеобщего отторжения старого, резко снижающего вероятность возврата к прошлому (даже после поражения революции, что бывало отнюдь не редко, прежняя система практически никогда не восстанавливалась в дореволюционной форме);
- сужения поля выбора количества более или менее эффективных управленческих мер в условиях чрезвычайной ситуации;
- резкого снижения вероятности выбора промежуточных путей («золотой середины») по мере радикализации политических сил, возрастания вероятности реализации радикальных (левого или правого) политических курсов.

Революция как радикальное отрицание

Реализуясь в точке бифуркации (она же – граница меры, момент скачка), революция вместе с тем выступает как отрицание, причём не только в общефилософском, но также в социально-психологическом и политическом смысле. В кругах представителей радикальной революционной мысли широко распространено представление, согласно которому, чем глубже и решительнее производится разрушение прежней социальной системы, тем быстрее будет происходить и последующее движение вперёд, к новому социуму[78]. На самом же деле более радикальные революции, как правило, являются и более масштабными катастрофами, разрушая не только отжившие социальные отношения и институты, но также на некоторое время и основы общецивилизационного развития.

Будучи по социально-политической и идеологической направленности отрицанием прежней общественной системы, революционный процесс в России в полной мере подтвердил наличие известного феномена «маятника» в качестве одной из необходимых характеристик революции как исторической ситуации. При этом колебания революционного «маятника» качественно отличаются от обычных циклов, хорошо изученных социальными науками, как «рваным» ритмом, почти не поддающимся математической формализации, так и особенно – амплитудой (по принципу: «из крайности – в крайность»). Суть представленной логики исторического развития в том, что чем дальше революция выходит за пределы решения исторически возможных задач, тем больше последующий откат назад, затем – новый цикл, и так до тех пор, пока не установится некое подвижное равновесие и события не войдут в нормальное при данном уровне цивилизации русло.

Так, во Франции в конце XVIII в. революция сначала шла до отказа влево, вплоть до якобинской диктатуры, затем – вправо: через термидорианский переворот и режим Наполеона к реставрации монархии Бурбонов; и снова влево: через революции 1830 и 1848 гг. до Парижской коммуны и её подавления. Лишь затем началось более или менее нормальное буржуазное развитие. По аналогичной синусоиде развивалась и советская история: «военный коммунизм» – нэп – сталинский «перелом» – хрущёвская «оттепель» – брежневский «застой» – перестройка и постперестроечные потрясения.

Стремясь разрушить прежнюю систему, на начальном этапе субъекты революционного действия заходят гораздо дальше реальных возможностей её отрицания, что проявилось и в России практически во всех областях общественной жизни начала 1990-х гг. Затем под давлением объективных обстоятельств «маятник» частично возвращается назад. Это наблюдалось во второй половине 1990-х, однако лишь временно и в незначительных масштабах (так называемый малый застой при правительстве

---

[78] См.: Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 36. С. 205.

В. Черномырдина, а особенно – попытка проведения социал-демократической политики при правительстве Е. Примакова).

Изменение политического курса властвующей элиты в начале XXI в., объявленное либеральными средствами массовой информации чуть ли не возвратом к тоталитарному режиму, в действительности представляет собой попытку своеобразной «конвергенции» радикально-либеральной экономической политики в духе правительства Е. Гайдара и усиления авторитарных тенденций, т.е. означает сдвиг не влево, но вправо.

Понятно, что подобная «конвергенция наизнанку», или, в более строгой терминологии, негативная конвергенция, объединяет не достижения, но пороки обеих эпох и систем.

Революция как всеобщий конфликт

Понятия «революция» и «конфликт» по объёму взаимопересекаются. Революция – это конфликт:

1) открытый – прямое столкновение борющихся сторон;

2) по преимуществу внутренний, т.е. обусловленный внутренними противоречиями системы и призванный в той или иной форме их разрешить;

3) всеобщий и многомерный, т.е. проявляющийся во всех основных сферах жизни общества, вовлекающий в противоборство все основные социальные группы и политические организации, реализующийся как по «горизонтали» (внутри социально-политических структур), так и по «вертикали» (между подчинёнными и руководящими структурами на всех уровнях организации управления);

4) конфликт в одной из его наиболее острых форм, отличающийся от функциональных конфликтов и конфликтов внутрисистемного развития крайне низкой эффективностью применения «цивилизованных» (т.е. выработанных современной цивилизацией) средств и методов, включая механизмы легитимации конфликта, либо превращением этих средств и методов в собственную противоположность.

В условиях любой революции факторы, вызывающие обострение конфликтов, явно доминируют над факторами их сглаживания (погашения). Применительно к новейшей революции в России среди первых заслуживают особого внимания:

- спад производства и потребления товаров, острые проявления дефицита в натуральной либо денежной форме;
- рост напряженности в межнациональных отношениях вплоть до разрушения прежней государственности, этнократическая политика в бывших республиках СССР, проявляющаяся, в частности, в виде «великодержавного сепаратизма» (т.е. стремления отделиться от более крупного государственного образования, одновременно пресекая подобные тенденции со стороны этнических меньшинств на собственной территории);
- борьба за власть и собственность между различными эшелонами управленческого аппарата, общесоюзной и республиканскими, а затем общероссийской и региональными элитами;
- скачкообразный рост социального неравенства, дифференциация по доходам, значительно превысившая уровень не только Западной Европы и Японии, но и США;
- количественный и качественный рост социальных различий между общественными группами, выделяемыми по большинству других оснований социальной стратификации;
- глубокий субкультурный, в том числе ценностный, разрыв между разновозрастными когортами, «конфликт поколений», усиленный, среди прочего, ускорением исторического времени, более быстрой адаптацией молодёжи к новым условиям и более глубокой аномией в молодёжной среде;

• борьба между «олигархами», т.е. крупнейшими финансовыми и финансово-промышленными группами, за перераспределение собственности и влияния на власть во второй половине 1990-х гг.;

• рост зарегистрированной и скрытой безработицы;

• усиление отчуждения народа от власти после провала робких попыток создания некоего аналога «демократии участия» в конце 1980-х гг.;

• идеологический раскол общества, в т.ч. по линиям «правые – левые», «либералы – государственники», «западники» – «патриоты» и т.п.

Динамика конфликтов в России конца 1980-х – 1990-х гг. показывает, что после победы антикоммунистической революции в августе 1991 г. наиболее существенным (отражающим сущность процесса) конфликтом, интегральным, ведущим противоречием стала борьба не между социалистическими и рыночными (буржуазными) тенденциями, но между сторонниками различных моделей рынка (промышленно-рациональной и торгово-криминальной).

На рубеже тысячелетий после смены первого Президента России его преемником, когда оппозиция всех направлений в значительной мере оказалась маргинализованной и не способной реально претендовать на власть, этот конфликт модифицировался в противостояние компаний, допущенных «к телу» власти (как правило, сырьевых), и группировок, от него «отлучённых» либо по каким-то причинам власти себя противопоставивших. В итоге, как известно, «бандитский капитализм» был побеждён государственно-криминальным.

Революция как аномия

Аномия (от греч. anomos – безнормный и фр. anomie – отсутствие закона, организации) – понятие, обозначающее нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы ценностей, обусловленным кризисом общества или одной из его основных сфер.

В этом отношении наиболее важными являются следующие политико-ситуационные характеристики революционных процессов.

Во-первых, качественный рост несанкционированной, деструктивной аномии и разного рода девиаций, что обусловливается, прежде всего, глубиной революционной катастрофы.

Во-вторых, как следствие отрицания и других атрибутов революции – проявление предписанной аномии, когда аномия (т.е. безнормность) сама становится нормой, углубление дисфункций в прежней системе выступает как одна из функций революции, отказ от системы прежних норм и ценностей сам становится системой, а не исключением, как это обычно имеет место. Такой отказ воспринимается как обязательный для представителей революционных групп и их лидеров.

В-третьих, если принять в качестве рабочей гипотезы концепцию Р.К. Мертона, согласно которой основными формами аномии выступают конформность, ритуализм, ретритизм, инновация и мятеж[79], становится очевидным, что в революционных условиях происходит рост и модификация всех этих форм проявления, однако особую роль играют две последние. Большинство революций нового и новейшего времени прокламировали намерение сохранить общецивилизационные (общечеловеческие) компоненты нормативно-ценностной системы, решительно заменив при этом компоненты формационные (идеологические) и обеспечив тем самым подъём общества на новый уровень цивилизации. Следовательно, в отличие от обычной инновационной аномии

[79] См.: Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. – 1992. – № 2, 3, 4.

количество новых элементов нормативно-ценностной системы в данном случае должно перейти в её собственное новое качество.

В-четвёртых, поскольку каждая революция отрицает специфические нормы и ценности прежней системы, поскольку она разрушает эту систему с помощью насилия в той или иной форме, т.е. методами, по обычным, нереволюционным меркам противозаконными, каждая революция в этом смысле выступает как криминальная.

Наконец в-пятых, естественным продолжением, дополнением, а отчасти и следствием нового качества аномии становятся революционные социопатии. Если в обычных условиях с социологической точки зрения аномия – это нормальная реакция нормальных людей на ненормальные обстоятельства (Р.К. Мертон[80]), то в революционных условиях речь в известном смысле идёт уже и о «ненормальных» людях с «ненормальной» реакцией, иначе говоря, о превращении аномии в социальную психопатологию.

Если по первым двум из названных характеристик отличия новейшей российской революции от своих предшественниц несущественны, то по трём другим – весьма значительны. Так, её идеологи не предложили никакой новой системы ценностей, в отличие от французских и американских революционеров конца XVIII в., выдвинувших в качестве таковых идеи индивидуальной свободы и прав человека, равно как и от российских революционеров 1917 г., предложивших в качестве основы новой нормативно-ценностной системы идею социального равенства. В отличие от тех же революций, где социопатии возникали, как правило, на почве левого радикализма, новейшая революция в России породила социопатии противоположного толка, возникающие на основе радикального правого либерализма.

Наконец, подобно предшественницам, дополняя, так сказать, исторический «криминал» обыденным, новейшая отечественная революция стремилась возвести этот обыденный криминал в ранг исторического, в том числе посредством частичной криминализации не только оперативного, но и официального кода морали. В начале 1990-х гг. как средства массовой информации, так и официальные лица поразительным образом сочетали призывы к соблюдению христианских заповедей даже не с их нарушением на практике (что характерно и для высокоразвитых индустриальных стран), но с пропагандой прямо противоположных ценностей, утверждая, будто в криминальном характере новейшего российского капитала нет ничего плохого, поскольку все страны прошли тем же путём и при этом потомки вчерашних пиратов и «разбойников с большой дороги» быстро цивилизовались, превратившись в двигатель прогресса.

При этом главной формой предписанной аномии, а вместе с тем и главным фактором криминализации общества стала избранная ваучерная модель приватизации. Благодаря ей, с одной стороны, не приходилось выдвигать лозунг «грабь награбленное», ибо разделяемая собственность была в подавляющей своей части не отобрана у бывших владельцев, а создана трудом миллионов всеми презираемых «гомо советикус». С другой стороны, уже накопившееся в условиях «развитого социализма» отчуждение работника от собственности, а равно и иллюзии её равного раздела на всех, до минимума свели сопротивление работников предприятий, которые в других условиях, несомненно, претендовали бы на совладение ими. Уникальность ситуации заключалась, следовательно, в том, что расхищение государственной собственности было временно возведено в ранг официальной государственной политики.

Революция как праздник

---

[80] Мертон Р.К. Указ. соч. // Социс. – 1992. – № 3. – С. 120-121.

Революции как исторической ситуации присущи (с теми или иными модификациями) все основные культурологические атрибуты праздника. К числу таких атрибутов могут быть отнесены следующие.

1. Карнавализация[81], включая использование революционерами нового и новейшего времени исторических «костюмов» героев иных эпох: во Франции в конце XVIII в. и в России в 1825 г. – древнеримских; во Франции в 1848 – 1850 гг. и в меньшей степени в России в 1917 - 1920 гг. – периода Великой французской революции XVIII в. и т.п. В период новейшей российской революции карнавализация проявлялась слабее, чем раньше, однако отечественные политики (сами либо при помощи идеологов и журналистов) регулярно примеряли «костюмы» Петра I, Столыпина, Пиночета и даже Наполеона[82].

2. Ощущение почти неограниченной свободы, всплеск народной площадной стихии в противовес жёстким рамкам ролевого поведения в обычной (непраздничной) жизни. Свобода – универсальный революционный лозунг с наиболее высоким мобилизационным потенциалом. Не случайно он выдвигался как в наборе с равенством, братством и отменой частной собственности, так и в прямо противоположном наборе – с частной собственностью, неравенством (ликвидацией уравнительности) и индивидуализмом. Более того, ситуативное расширение негативной свободы (свободы от) действительно происходит в обстановке революции, хотя оно имеет волнообразный характер и отнюдь не обязательно сопровождается увеличением пространства свободы позитивной.

Негативная свобода достигает пика в первый период революции – период революционной демократии (или анархии), сводится до минимума в её второй период – период революционной или постреволюционной диктатуры, а затем вновь постепенно расширяется. В этом среди прочего проявляется и феномен «маятника». Напротив, позитивная свобода для широких слоёв народа обычно приближается к нижней критической границе как раз в период революционной катастрофы, которая, в свою очередь, может достигать наибольшего размаха как при революционной демократии, так и при революционной или постреволюционной диктатуре. Обычно наибольшая глубина падения приходится на конец первого из этих периодов и начало периода второго, тогда как экономический подъём, как правило, приводит не только к расширению позитивной свободы, но и к краху постреволюционной диктатуры, раздвигающему вместе с тем и границы свободы негативной.

По сравнению со своими предшественницами (например, революцией 1917 г.) новейшая российская революция гораздо меньше ограничивала негативную свободу граждан, используя в качестве главного средства управления не столько прямое насилие, сколько средства массовой информации. Однако с точки зрения позитивной свободы её результаты для большинства населения при сопоставлении за конкретный исторический период относительно мирного постреволюционного развития значительно проигрывают.

Помимо этого, в отличие от предшественниц, революции конца 80-х-90-х гг. XX в., в том числе и российская, резко расширили границы позитивной свободы для богатых и значительно – для обеспеченных, столь же существенно ограничив её для малообеспеченных и бедных. Характеристика У. Пальме неоконсервативной волны на Западе в качестве «бунта богатых» в несомненно большей степени относится к новейшим революциям в Восточной Европе и России.

3. «Обратная иерархия» (М.М. Бахтин), т.е. замена привычной системы социальных статусов, ролей, норм и ценностей принципиально иной, вплоть до противоположной, что уже рассматривалось при характеристике революции как аномии.

---

[81] Здесь и далее использованы идеи книги Бахтина М.М. Дополнения и изменения к Рабле // Бахтин М.М. Сочинения: в 7 т. М., 1996. Т. 5.

[82] Именно с Наполеоном сравнил В. Путина по его исторической роли А. Собчак.

4. Приобщение народа к историческому действию, преодоление обыденности, ощущение себя маленьким человеком в качестве субъекта истории, «сродни всему большому» (М.М. Бахтин). Хотя это ощущение сравнительно мало зависит от содержания революции, действительная роль «маленького человека» в исторических ситуациях данного типа весьма противоречива. Активной части народа принадлежит главная роль в разрушении дореволюционной системы, и в этом смысле «маленькие люди», принявшие участие в таком разрушении, безусловно, становятся субъектами исторического действия. Не случайно впоследствии именно этот момент чаще всего фиксируется в исторической памяти народа как праздник. Несравненно меньше роль человека из народа в создании системы постреволюционной.

Во-первых, результаты революции сплошь и рядом бывают неожиданными даже для революционных вождей, более того, противоположными первоначальным лозунгам. В таких условиях чувство субъектности, возникшее у «маленького человека» в период разрушения прежней системы, нередко превращается в иллюзию либо через некоторое время может смениться разочарованием и ощущением своей полной подвластности враждебной среде.

Во-вторых, хотя ведущая роль в создании постреволюционной системы всегда принадлежит экономической и политической элите и выполняющей её волю бюрократии, степень реального участия «простых» граждан в этом процессе, их реальная историческая субъектность во многом зависят от того, интересы каких общественных групп представляет новая элита и в каких группах она видит свою социальную и политическую опору. Критикуя старую бюрократию и рекламируя бизнесменов как носителей будущего процветания, российская революционная власть быстро превратила «олигархов» и чиновничество в главную опору, породив глубокую апатию и разочарование в широких слоях народа.

5. Необъяснимый с рациональной точки зрения революционный оптимизм, крутой эмоциональный подъем, когда даже катастрофа воспринимается как «веселая и обновляющая мир» (М.М. Бахтин). Такой оптимизм, с одной стороны, во многом помогает людям перенести катастрофические последствия революций и нередко сопровождающих их гражданских войн, а с другой – в психологическом плане нередко оказывается сродни опьянению, заставляет не только массы, но и лидеров многократно преувеличивать реальные возможности и совершать стратегические ошибки.

Без учёта этого фактора невозможно объяснить, почему широкие слои народа почти безоговорочно верят в скорое наступление лучшей жизни, которое обещают им революционеры разных эпох и народов (включая программы типа «500 дней»), а также массовую поддержку, которую получают революционные лидеры, несмотря на первоначально катастрофические результаты их деятельности (включая голосования за лидеров одного и того же направления в России 1991, 1995 - 1996, 1999 - 2000, 2003 - 2004 гг.).

М. Джилас обосновал вывод о длительности революционно-оптимистических настроений в качестве одной из особенностей коммунистических революций[83]. Помимо привлекательности идеи социальной справедливости и массированной пропаганды, эта длительность подкреплялась реальным движением общества вперёд, повышением уровня цивилизации, несмотря на колоссальные жертвы и разрушения. От противного концепция Джиласа подтверждается непродолжительностью революционно-оптимистических настроений в России конца 1980-х – 1990-х гг., которая вызвана тремя причинами. Среди них:

[83] Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. – С. 191

- глубина и длительность всеобщего кризиса, явное преобладание антимодернизационных, противоцивилизационных тенденций над тенденциями модернизаторскими, процивилизационными;
- относительная меньшая жёсткость внедрения новой идеологии в массовое сознание (при очень высокой плотности информационных потоков плюрализм отчасти сохранялся, а насилие имело гораздо меньший размах и несравненно более мягкие формы);
- отсутствие привлекательной идеологии, масштабного и продуктивного исторического мифа.

Ремифологизация массового сознания

Революция является одним из типов исторических ситуаций, которые особенно активно порождают мифологизацию массового сознания и распространение социально-политических утопий, причём данная характеристика революции напрямую связана с другими её параметрами. Так, всеобщее некритическое отрицание прошлого, наряду с глубокой и почти универсальной аномией, стремительно разрушает прежние мифологемы и тем самым расчищает место для новых.

Человек, оказавшийся в условиях революционной катастрофы, как правило, стремительно переходит от отчаяния к надежде и обратно, при этом надеяться нередко приходится лишь на фантастические варианты спасения, что создаёт благодатную почву для новых мифов. Ощущение социальной бифуркации рождает массовую тягу к конструированию будущего, к созданию огромного количества проектов желаемого общественного устройства, в большинстве своём утопических. В свою очередь, присущие революции как празднику чувства свободы, оптимизма и социального творчества способны создавать иллюзорные представления о методах и сроках реализации этих идеальных проектов.

Выделим следующие основные параметры революционно-мифологического сознания, ярко проявившиеся и в условиях новейшей российской революции.

1. Стремительное разрушение прежней мифологии (псевдокоммунистической) и столь же стремительная замена её новой, противоположной по содержанию (псевдолиберальной).

2. Обилие политических мифов. При этом ключевым в их системе стал миф о суверенитете («независимости») России.

Процитирую одно из своих исследований:

«Однако вершиной новейшего российского революционного мифотворчества… должен быть признан миф о «независимости России» <…> автор этой книги принадлежал к числу очень немногих российских депутатов, не голосовавших 12 июня 1990 г. за государственный суверенитет России и верховенство ее законов над законами Советского Союза. Аналогичную позицию в отношении Беловежских соглашений официально, через голосование, выразить не удалось, поскольку вопрос рассматривался только Верховным Советом, а не съездом народных депутатов России. <…>

Вообще-то создание новых мифов в революционную эпоху — вещь столь же обычная, как и разрушение старых, но здесь мы имеем дело с мифом уникальным по своей нелепости и претенционности. В самом деле, каким самомнением должны обладать политические лидеры, чтобы всерьез заявить, будто только они дали независимость государству, существовавшему более тысячи лет! Какое «помутнение умов» должно произойти в обществе, чтобы оно поверило таким заявлениям! Если Россия получила независимость, то спрашивается, от кого? Говорят, от горбачевского руководства. Но разве это руководство было немецким или китайским? И как быть с тем, что именно это руководство обвиняли в «русификаторстве», «русском империализме», «оккупантстве» чуть ли не все новые республиканские лидеры, кроме команды Бориса Ельцина?

Не менее нелепо выглядит версия независимости России от Украины, с которой она воссоединилась в результате Переяславской Рады, от Грузии, которая вошла в состав Российского государства по Георгиевскому трактату, равно как от Средней Азии или Прибалтики, которые были Россией завоеваны.

От чего на самом деле стала «независимой» Россия, так это от целого ряда исторически принадлежавших ей территорий, от 25 миллионов наших соотечественников, превратившихся в иностранцев, от стратегического паритета, от космодрома «Байконур» и Черноморского флота и т. д. и т. п. Кому только на пользу такая «независимость»?»[84]

3. Крайнее упрощение системы политических мифов и их поляризация, пропорциональная поляризации интересов общественных групп и обострению политической борьбы. При этом господствующему мифу радикальных революционеров о «светлом будущем» обычно противостоит, как это было и в постсоветской России, миф радикальных консерваторов о не менее «светлом прошлом».

4. Значительная доля утопий и антиутопий в составе политических мифов. При этом под утопией автор понимает такой вид политического мифа, который отличается, по крайней мере:

- объектом отражения (утопия – отражение не существующей, но желаемой реальности, тогда как миф может отражать в фантастической форме и вполне реальные объекты);
- полнотой конструкции (социальные и политические утопии охватывают обычно целую систему представлений, выраженную в логически или художественно законченной форме, тогда как миф вместе с тем может быть отражением определенной стороны, элемента этой системы);
- прямым побуждением масс людей (по крайней мере, в революционные и иные переломные моменты истории) к политическому действию[85].

Другими словами, всякая социальная и (или) политическая утопия, пока она не реализована, есть миф, но отнюдь не всякий политический миф может быть назван утопией.

Роль утопии как предшественницы проекта[86] в революциях весьма противоречива. Не только массы, но и политические элиты, действуя исключительно на основе рациональных мотивов, скорее всего не смогли бы свершить, а возможно, и не решились бы начать революционное действие, будь они наперёд способны с точностью рассчитать глубину катастрофы, размах насилия и непосредственные результаты собственного исторического деяния, как правило, противоположные первоначальным лозунгам.

Утопичность революционного сознания выражается в представлениях не только об идеальном будущем, но и об идеально коротких сроках его пришествия. При этом утопическое сознание выступает не только как отражение реального ускорения исторического времени, когда дни революции с точки зрения развития общества действительно оказываются важнее годов спокойного функционирования[87], но и как фактор такого ускорения, поскольку великие и в большинстве своём утопические цели рождают у субъектов исторического действия ощущение праздника и энергию, неведомую в обычное время.

Следовательно, в революционную эпоху полное освобождение массового сознания от социально-политических мифов вообще и утопий, в особенности, не только не всегда возможно, но и не всегда необходимо, а иногда вредно, особенно если это утопии продуктивные, а не контрпродуктивные, относительные (нереализуемые при данных условиях), а не абсолютные (нереализуемые в принципе). Новейшая российская

---

[84] Смолин О.Н. Образование. Революция. Закон. Проблема законодательного обеспечения российской государственной образовательной политики 90-х годов. Часть I. Новейшая революция в России. Опыт политико-ситуационного анализа. М.: ООО «ИТПК «Логос» ВОС, 1999. – С. 199-200.

[85] Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 113-169.

[86] Алексеев Н.Г. Философия образования и технология образования (материалы заочного круглого стола «Философия образования: состояние, проблемы и перспективы») // Вопросы философии.— 1995.— № 11. — С. 16

[87] Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 30. С. 312

революция, среди прочего, проигрывает своим великим предшественницам и потому, что не выдвинула относительной продуктивной утопии, способной мобилизовать широкие слои народа.

Закон смены политических элит

Революционный характер российского социально-политического процесса 1990-х гг. с точки зрения её соответствия закону смены политических элит, сформулированному классиками политологии, проявлялся в своеобразной форме. В отсутствие оформленной контрэлиты названная смена выразилась в том, что первый эшелон политических лидеров был оттеснен вторым, союзная политическая элита — элитами республиканскими и т.п. Образная характеристика этого феномена достаточно удачно выражается формулами Э. Лимонова «Революция замов и экспертов» и А. Солженицына «Преображенская революция» (подразумевая мгновенное преображение радикальных коммунистов в столь же радикальных антикоммунистов) и т.п.

Более строгими являются термины «бюрократическая революция» или «революция управляющих». На возможность таких революций указывали, с одной стороны, сторонники классического марксизма, увязывая их с перерождением постреволюционных режимов в условиях свёртывания демократии и характеризуя термином «контрреволюция», а с другой – создатели технократической идеологии, полагая их прогрессивными и рассматривая как естественное следствие революций технологических.

Доказательства бюрократической природы новейшей российской революции содержатся в ответе на древний вопрос: *кому выгодно*? Главные из них состоят в следующем:

- численный рост управленческого аппарата в постсоветский период (в центре – примерно в три раза, в регионах – в полтора-два раза)[88];
- радикальное улучшение положения управленцев по отношению к общественным группам, получающим доходы от исполнительской деятельности, а в большинстве случаях – и по отношению к советскому уровню их собственных доходов с учётом инфляции при одновременном росте затрат на обслуживание управленческого аппарата и так называемых привилегий. Например, в СССР, как и в индустриально развитых странах Запада, зарплата профессора была приблизительно равна заработной плате депутата парламента (Верховного Совета СССР) и немногим менее зарплаты министра. В настоящее же время разница между бюджетной зарплатой профессора и депутата Государственной Думы (не говоря уже о министре) составляет приблизительно семь раз;
- предельное ослабление контроля над управленческим аппаратом как «сверху», так и «снизу» вследствие, с одной стороны, исчезновения партийно-идеологического контроля, а с другой – свёртывания демократии и нарастания авторитаризма;
- присвоение в процессе приватизации непропорционально большой доли бывшей государственной собственности, что по значимости на порядок превосходит все остальные доказательства вместе взятые.

Гипотеза, согласно которой управленческий аппарат (бюрократия) выступал в качестве одной из главных движущих сил новейших революций, не только объясняет «бархатные», «договорные» формы их реализации, но и является ключом к пониманию процесса разрушения СССР: именно стремление второго эшелона государственной бюрократии избавиться от власти эшелона первого, стремление республиканских политических элит «освободиться» от элиты союзной (а не «заговор русофобских сил» –

---

[88] http://www.hrm.ru/db/hrm_old/CB709ED83C0F960FC3256AAB00424299/category.html

ибо не одному заговору в истории не под силу уничтожить целую цивилизацию) стало главным непосредственным фактором разрушения прежней государственности.

Вопросы о революционных катастрофах и о смене революционной демократии революционным (или постреволюционным авторитаризмом) ввиду их особой важности для понимания образовательной политики специально будут рассмотрены в следующих параграфах настоящей главы.

Ключ к парадоксам

Представляется, что именно концепция революции как исторической ситуации и соответствующая интерпретация отечественного социально-политического процесса первой половины 1990-х гг. более полно и глубоко, чем другие концептуальные объяснения, позволяет понять причины описанных выше парадоксов образовательной и научно-инновационной политики. Например:

- множественные революционные катастрофы (прежде всего экономическая и финансовая), а также закон смены политических элит и характер его проявления в России, в значительной мере объясняют квазиэдипов комплекс в управленческих структурах, т.е. обвальное сокращение уровня государственной поддержки образования и науки;
- именно логика революционного отрицания даёт ключ к пониманию попытки догнать цивилизацию по попятной траектории и инверсии политических противоположностей, включая феномен «казарменного либерализма». Тот же феномен, связанный с нарастанием бюрократизации квазилиберальной политики, объясняется закономерностью смены революционной демократии постреволюционным авторитаризмом;
- всеобщее радикальное отрицание прошлого в сочетании с мифологизацией массового сознания даёт возможность истолковать феномен смены «советского марксизма» новыми разновидностями радикального экономического материализма, включая монетаризм;
- революционная аномия, наряду с другими ситуационными характеристиками революции, выступает причиной парадоксального сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом и т.д. и т.п.

Особенность развития отечественных систем образования и науки заключалась в следующем: несмотря на деструктивное воздействие социальной реальности, в первой половине 1990-х гг., в отличие от социума в целом, они переживали не революцию, но реформы. Помимо отмеченной уже высокой инерционности этих общественных институтов, одним из факторов, смягчивших последствия «второй русской революции», в данном случае стало законодательство.

Хотя правовые механизмы воздействия на образовательную и научно-инновационную политику всегда ограничены экономическими, институциональными, политическими и нравственно-идеологическими рамками (а в ситуации революции ограничены вдвойне), в 1990-х гг. законодательство в сфере образования и, в меньшей степени, науки сыграло роль буфера между революционно изменяющейся социальной и инерционной образовательной системами. В частности, принятые федеральные законы, несмотря на хроническое неисполнение содержащихся в них норм, позволили в целом удержать образовательную и отчасти научно-инновационную политику в рамках реформ и тем самым защитили обе системы от революционного разрушения, которому подверглись многие отрасли производства и социальные институты.

В действительности именно сохранение реформистского характера образовательной и научно-инновационной политики в рамках революционного изменения социально-экономической и политической системы в целом объясняет тот отмеченный

выше общепризнанный факт, что состояние российского образования и науки в настоящее время лучше, чем большинства других социальных институтов, и представляет собой главный результат деятельности законодателя.

Тем не менее, результаты социально-политической революции в стране отразились на отечественном образовании самым непосредственным и далеко не лучшим образом.

Так, согласно результатам известного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2006, Россия оказалась в третьей (нижней) группе, т.е. среди 32 стран, результаты которых статистически значительно ниже средних результатов стран ОЭСР (наряду с США, Испанией, Италией, Норвегией, Грецией, Латвией, Бразилией и др.)[89].

Эти данные**,** как правило, интерпретируются в отечественной литературе трояким образом, причём две трактовки, мягко говоря, не отличаются глубиной. Согласно одной из трактовок, низкий уровень ответов российских школьников является доказательством необходимости максимально быстрой перестройки отечественной системы образования по западным образцам. Согласно другому мнению, (1) школьники многих развитых стран потому имеют более высокие показатели по сравнению с российскими сверстниками, что система заданий ориентирована именно на западные образовательные программы, и (2) сами задания сформулированы крайне некорректно[90]. Третье, наиболее взвешенное объяснение состоит в том, что «в настоящее время, обеспечивая учащихся значительным багажом предметных знаний, российская система обучения не способствует развитию у них умения выходить за пределы учебных ситуаций, в которых формируются эти знания»[91].

Совершенно очевидно: сторонники первого подхода «забывают» о том, что отечественная система школьного образования ещё 12 - 15 лет назад давала высокий уровень знаний, особенно в области естественно-математических дисциплин; сторонники же второй интерпретации полученных результатов, напротив, не учитывают того факта, что качество образования на фоне множественных катастроф не может оставаться неизменным; наконец, обе позиции неожиданным образом совпадают в том, что ориентируются на существующие (или существовавшие) модели образовательных систем без учета нового темпа изменения реальности.

В настоящее время этот темп таков (причём он всё более ускоряется), что если прежде происходило устаревание профессионального образования в течение каждых 5 - 10 лет, то перед современным и будущими поколениями открывается реальная перспектива устаревания образования общего (школьного) и, соответственно, необходимость обновления в течение всей жизни таких знаний и умений (компетенций), которые необходимы любому гражданину, потребителю услуг, пользователю технических систем и т.п.

В этой связи повторим ещё раз: в России «революция знаний» возможна исключительно на базе эволюционных (но не революционных) изменений в образовательной политике государства.

---

[89] www.centeroko.ru/pisa06/pisa06_res.htm

[90] Например: X живет от города на расстоянии 2 км, а Y – на расстоянии 3 км. На каком расстоянии X живет от Y? (Совершенно очевидно, что расстояние определить невозможно, ибо в задании не указано, в каком направлении от города живут оба лица).

[91] www.centeroko.ru/pisa06/pisa06_res.htm

§ 2. Российская революционная катастрофа конца XX века

2.1. Понятие катастрофы. Проблема типологизации катастроф

Всякая революция – катастрофа, хотя не всякая катастрофа – революция. Подобно многим другим, термин «катастрофа», широко применяемый в настоящее время для характеристики различных типов исторических ситуаций (войны, революции, экономические кризисы и т.п.), первоначально использовался в естествознании. Так, в 1812 г. французским исследователем Ж. Кювье для объяснения процессов смены флоры и фауны на Земле была предложена «теория катастроф», согласно которой на нашей планете периодически повторяются события, внезапно изменяющие рельеф земной поверхности и в значительной мере уничтожающие жизнь в ее прежних формах. Соответственно, термин «катастрофизм», обозначающий аналогичные концепции эволюции, был введён в 1832 г. английским математиком и историком науки В. Уэвеллом.

Современные толковые словари русского языка дают понятию «катастрофа» следующие определения.

«Катастрофа – событие с трагическими последствиями»[92].

«Катастрофа – внезапное бедствие, событие, влекущее за собой тяжелые последствия»[93].

«Катастрофа – внезапное крупное бедствие, событие с трагическими последствиями, а также крупное изменение, потрясение, влекущее за собой резкий перелом в общественной или личной жизни»[94].

Таким образом, авторы словарей толкуют катастрофу как событие, основными признаками которого являются внезапность и негативные (трагические) последствия, иногда добавляя к этим признакам крупномасштабность.

В социогуманитарных науках в настоящее время понятие «катастрофа» не имеет общепринятого определения, да и сам этот термин в подавляющем большинстве философских, политологических и социологических словарей отсутствует. Связано это, с одной стороны, с тем, что объектом внимания обществоведов катастрофы стали сравнительно недавно. С другой же стороны, в российском официальном обществознании исследовательская ситуация в отношении этого явления аналогична отношению к проблеме революции: чем глубже и многочисленнее катастрофы, тем меньше желания их изучать.

Отечественные исследователи чаще всего опираются на определение математика В.И. Арнольда, который характеризует катастрофы как «скачкообразные изменения в системе, возникающие в виде ее внезапного ответа на плавные изменения внешних условий»[95]. Однако это определение представляется дискуссионным, оставляя открытыми, по меньшей мере, следующие вопросы:

1) всегда ли катастрофа внезапна, или же её возникновение подчиняется определённым закономерностям и, следовательно, поддаётся прогнозированию?

2) обязательно ли катастрофа вызывается внешними факторами, или она может быть продуктом внутренних для системы процессов?

3) почему факторами, вызывающими катастрофу в системе, признаются именно плавные изменения внешних условий её существования, и не может ли она быть вызвана внезапными изменениями за пределами системы или в более широкой системе?

---

[92] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1999. – С. 271.
[93] Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 2000. – С. 269.
[94] Лапатухин М.С., Скорлуповская Е.В., Снегова Г.П. Школьный толковый словарь русского языка. М.: «Просвещение», 1984. – С. 143.
[95] Арнольд В.И. Теория катастроф. М., 1990. – С. 8.

В свете этих соображений предложенное В.И. Арнольдом определение, как минимум, не может быть некритически перенесено в область социогуманитарного знания.

Иное определение даёт Е.М. Бабосов, характеризующий катастрофу как «резкое, скачкообразное превращение системы в результате чрезмерного нарастания внутренней и (или) внешней напряженности из устойчивого положения в неустойчивое, угрожающее разрушением ее важнейших компонентов либо переходом в другое качественное состояние»[96].

С точки зрения социогуманитарных наук это определение выглядит предпочтительнее хотя бы потому, что, во-первых, рассматривает катастрофу в качестве не любого внезапного изменения в системе, но лишь такого, которое угрожает её разрушением, а во-вторых, признаёт факторами, способными вызвать катастрофу, внутренние процессы, по меньшей мере, наравне с внешними. Однако и такой подход представляется не вполне удовлетворительным, поскольку, с одной стороны, связывает катастрофу преимущественно с изменениями качественного состояния одной и той же системы или угрозой разрушения её основных компонентов, не указывая прямо на возможность полного разрушения системы в целом и замены её новой системой. С другой стороны, недостаточно учитывается аксиологический аспект понятия «катастрофа» в социогуманитарных науках.

Фактически в большинстве случаев вне зависимости от определения или отказа от его использования **под катастрофой в общенаучном смысле понимается процесс стремительного разрушения системы (либо одного или нескольких основных элементов этой системы), способный привести как к её полному уничтожению, так и к переходу в новое качественное состояние**.

Соответственно, понятием «социальная катастрофа» обозначаются аналогичные процессы в обществе, приводящие к большим людским, материальным и (или) культурным потерям. По смыслу и лингвистическому значению этот термин явно содержит аксиологический (ценностный) аспект: в социокультурной сфере катастрофа в ценностном плане ассоциируется с разрушением, гибелью, уничтожением в противоположность созиданию, творчеству и т.п., т.е. воспринимается явно негативно.

Публикации отечественных исследователей содержат опыт построения типологии катастроф по различным основаниям. Так, по объектам катастрофического развития и степени его социальности чаще всего выделяют катастрофы природные, экологические, технологические, социальные, личностные. С небольшими модификациями этой позиции придерживаются Е.М. Бабосов, А.И. Пригожин, В.К. Левашов[97].

Учитывая, что построение универсальной типологии катастроф выходит за рамки задач настоящей работы, сформулируем лишь некоторые основные подходы к этой проблеме.

Во-первых, такая типология должна быть многомерной, выполненной, как минимум, по трём основаниям:

1) по генезису, главному детерминирующему фактору катастрофы можно подразделить на

- натурогенные (природного происхождения),
- техногенные,
- социогенные;

2) по основным сферам проявления они могут быть

- природными,

---

[96] Бабосов Е.М. Катастрофа как объект социологического анализа // Социс. – 1998. – № 9. – С. 20.

[97] См., например: Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность // Социс. – 2002. – № 3. – С. 23; Пригожин А.И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 117-118.

- экологическими (лежащими на стыке природы и социума),
- общественными;

3) по масштабу (охвату территории и (или) численности пострадавших) катастрофы делятся на

- планетарные,
- континентальные,
- национальные (в политическом смысле, т.е. происходящие в границах одного государства),
- региональные,
- местного значения,
- групповые,
- личностные;

4) с точки зрения последствий (меры разрушения системы, подсистемы, элемента) катастрофы бывают

- абсолютными,
- относительными.

В первом случае система разрушается полностью и не восстанавливается в результате естественного развития процесса. Во втором случае разрушения системы имеют частичный характер, а сама она способна восстановиться в прежнем виде либо на новом уровне организации.

Во-вторых, предложенная классификация охватывает лишь основные элементы, «скелет» системы и поддаётся усовершенствованию в самых различных направлениях. С одной стороны, практически каждый тип катастроф подразумевает дальнейшее деление на их виды. Например, видами общественных катастроф могут быть экономическая, финансовая, социальная в узком смысле слова, политическая, военная и т.п. С другой стороны, некоторые типы катастроф, выделяемые по определённой «оси координат», требуют усложнения типологии по другим основаниям. Так, по-видимому, катастрофы групповые и личностные по масштабу могут быть не только натуро-, техно- и социогенными, но также и психогенными, производными от факторов индивидуальной или групповой психологии (например, психологическая несовместимость в семье, приводящая иногда к преступлениям или самоубийствам).

В-третьих, в целом предложенная «четырёхмерная» классификация позволяет найти для каждой катастрофы «ячейку» в системе координат. Так, например, Вторая мировая война была катастрофой планетарной по масштабу, социогенной по происхождению, а по сфере проявления - преимущественно общественной, включая не только собственно военную, но и экономическую, социальную, демографическую, нравственную и другие виды общественных катастроф. Очевидно, что операциональные и прикладные возможности предложенной классификации катастроф должны быть проверены в ходе дальнейших исследований. Особое место в системе социогенных и общественных катастроф принадлежит социально-политическим революциям.

2.2. Революция как вид катастрофы. Множественные катастрофы в постсоветской России

Социально-политическая революция обычно возникает в результате глубокого и длительного общественно-политического кризиса и неминуемо вызывает катастрофические последствия. Разрушая прежнюю общественную систему, любая революция, даже «бархатная», представляет собой катастрофу и обладает всеми её общими признаками. Однако это особый вид катастрофы, для которого наряду с общими

признаками характерны и специфические особенности, совокупность (система) которых отличает его от других видов исторических ситуаций данного типа.

1. По происхождению революция есть катастрофа социогенная. Оставляя в стороне многовековую дискуссию о причинах и природе социально-политических революций[98], отметим, что и при марксистском подходе, интерпретирующем революцию как результат конфликта между производительными силами и производственными отношениями, и при функционалистской её трактовке как следствия неравновесия (дисфункций) в системе, и при всех субъективистских истолкованиях, включая «теории заговора», абсолютное большинство исследователей сходятся в том, что революцию вызывают именно факторы социального характера.

2. С точки зрения сферы проявления, революция может сопровождаться всеми видами катастроф (за исключением, пожалуй, природных), однако в сущности своей это катастрофа общественная, хотя различные подсистемы социума разрушаются ею в разной степени. В отношении специфически формационных элементов прежней системы революция содержит явные признаки катастрофы абсолютной, поскольку многие из них разрушаются полностью и навсегда уходят в историю. Однако по отношению к общецивилизационным элементам социальной системы, включая уровень производства и культуры, а равно и по отношению к обществу в целом, революция, несомненно, выступает как катастрофа относительная. Более того, разрушая отжившие элементы прежнего социума, действительно великие революции открывали дорогу интенсивному общественному прогрессу.

3. По масштабу распространения и последствиям революционные катастрофы могут быть:

национальными – Нидерланды конца XVI в., Куба 50-х гг. XX в.;

региональными (чаще всего континентальными) – латиноамериканские революции первой половины XIX в., европейские революции 1848 - 1850 гг.;

трансконтинентальными (мировыми) – революции второй половины 1940-х гг. XX в. в Европе и Азии, серия «антиреволюций» второй половины 1980-х – первой половины 1990 гг. в Восточной Европе, бывшем СССР и Монголии.

4. Социально-политическая революция как историческая ситуация представляет собой период и серию множественных катастроф. Будучи порождена именно системным кризисом, она в той или иной степени с неизбежностью подвергает разрушению все основные подсистемы социума, вызывая катастрофические последствия, соответственно, во всех важнейших сферах общественной жизни.

Социально-политические процессы в России 1990-х гг. полностью соответствуют характеристике революции как исторической ситуации. В последнее десятилетие прошедшего века в России совпали (точнее, слились и, вызывая эффект резонанса, взаимно стимулировали друг друга) пики падения по нескольким циклам развития: технологическим, экономическим, национальных отношений, циркуляции элит и т.п. В результате возникли множественные катастрофы, социогенный характер которых мы будем подчёркивать, в необходимых случаях предваряя наименование разрушаемой подсистемы социума соответствующим определением.

Главными в «пакете» российских революционных катастроф стали: социально-экономическая, финансовая, социотехнологическая, социальная в узком смысле (т.е. катастрофа в социальной сфере), социально-нравственная, социально-демографическая и геополитическая.

<u>Катастрофа социально-экономическая</u>: рекордный по глубине и продолжительности для мирного времени в мировой истории XX в. экономический кризис и «обвал» в ключевых отраслях производства.

---

[98] См. об этом, например: Гидденс Э. Теории революции // Диалог. – 1992. – № 6-7. – С. 57-65.

По оценкам группы учёных во главе с В.А. Коптюгом[99], в 1985 - 1995 гг. сельскохозяйственное производство в России упало в 3,6 раза, промышленное – в 5,3, в том числе в лёгкой промышленности и оборонном комплексе практически в 10 раз[100]. Хотя официальные данные, характеризующие спад производства, много ниже, неидеологизированные отечественные и зарубежные специалисты признают, что это абсолютный мировой рекорд, значительно превосходящий показатели «Великой депрессии» 1930-х гг. в США и Западной Европе.

Несмотря на начавшийся в 1999 г. экономический рост и благоприятные погодные условия, к 2002 г. по сравнению с 1990 г. сельское хозяйство оказалось отброшенным назад на более чем 40 лет:

поголовье скота сократилось вдвое, до уровня 1946 года;

потребление молока на душу населения – в 2 раза;

потребление мяса – с 75 до 43 кг на человека;

посевные площади уменьшились на 30 млн. га;

сбор зерна – со 116 млн. т в 1990 г. до 85 в 2001 г.;

сбор сахарной свеклы – в 2,5 раза;

сбор подсолнечника – на 30%.

В начале XXI в. на 1 га пашни в России вносилось в 20 раз меньше удобрений, чем в Западной Европе, а обеспеченность сельхозтехникой составляло 40-60%[101] от потребностей.

Последующий экономический рост не приблизил страну к обеспечению продовольственной безопасности. Так, по оценкам экспертов, в 2007 г. доля импортного продовольствия составляла в среднем по России 45%, хотя ещё в 2004 г. была на уровне 20%, при этом в крупных городах до 70% продовольствия и выше импортного происхождения[102].

Кризис поразил и те отрасли, которые являлись для России источником поступления валюты. За 1990 – 1996 гг. добыча нефти уменьшилась на 44%, угля – на 38%, выработка электроэнергии – на 25%[103]. К началу 2002 г. загруженность мощностей отечественных промышленных предприятий составляла 52-55%[104].

В 1990 гг. Россия сократила объём валового внутреннего продукта примерно с 1 трлн. до 350 млрд. долларов, тогда как Китай за тот же период увеличил ВВП примерно с 350 млрд. до 1 трлн. долларов.

По общему объёму ВВП СССР был второй державой мира, а по его производству на душу населения занимал 22 - 24 место, существенно отставая от наиболее развитых стран, но далеко опережая средне- и слаборазвитые. В результате революционной катастрофы, по данным Мирового банка, в 2000 г. бывшая сверхдержава, занимая 11,47% территории земной суши, создала лишь 1,63% мирового ВВП и опустилась по этому показателю на 23 место в мире, а по основным экономическим показателям на душу населения оказалась

---

[99] Президент Сибирского отделения Российской Академии наук, рано ушедший из жизни.

[100] В.А. Коптюг, В.М. Матросов, В.К. Левашов, Ю.Г. Демянко. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. Москва – Новосибирск: Изд. СО РАН, 1996. – С.42-43.

[101] См.: Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы. – 2002. – 25 сентября. Выступление руководителя Агропромышленной группы Н. Харитонова.

[102] Немцов Б., Милов В. Путин. Итоги. Независимый экспертный доклад – М., 2008.

[103] Гундаров И.А. Парадоксы российских реформ. М.: «УРСС», 1997. – С. 19.

[104] Здесь и далее статистические материалы, в отношении которых не приведены ссылки на опубликованные работы, заимствованы из базы данных Государственной Думы ФС РФ, из стенограмм её пленарных заседаний и парламентских слушаний.

между уровнем средне- и слаборазвитых стран, в том числе на 25-30% ниже таких государств, как Алжир, Сирия, Тунис[105].

По оценкам международных экспертов, для того, чтобы достичь пятидесятипроцентного уровня производительности труда стран-членов ЕС, России потребуется 36 лет. В то же время, по самым оптимистическим прогнозам, Россия способна догнать по этому показателю самую отсталую страну Евросоюза – Португалию – лишь в 2032 г.!

Катастрофа финансовая*:* многократное сокращение бюджета, лавинообразный рост внешнего долга, гиперинфляция в революционный период, вывоз капитала, на протяжении ряда лет сопоставимый с величиной федерального бюджета.

В конце 1990-х гг. федеральный бюджет России, пересчитанный в доллары, стал меньше бюджета Греции или Финляндии, в 2 раза меньше бюджета Швеции, в 3,5 раза – бюджета Голландии.

При этом внешний долг страны вырос в 1990 гг. приблизительно с 70 до 158 млрд. долларов (зафиксированный в федеральном бюджете пик российского долга и абсолютный мировой рекорд). Точными данными о его размерах не располагало даже Правительство РФ, во всяком случае, оно не смогло представить их Государственной Думе – расхождения в оценках составляли около 1,5 млрд. долларов. В 1998 г. на обслуживание внешнего долга уходил каждый четвёртый рубль из федерального бюджета России, в 1999 г. – каждый третий рубль, а в 2000 г. – уже два из каждых пяти рублей. При этом в ряде отраслей народного хозяйства заработная плата не выплачивалась многими месяцами, а детские пособия и долги перед промышленностью по оборонному заказу – годами.

Несмотря на некоторое сокращение внешнего долга России, в конце 2002 г. он всё ещё составлял 123,7 млрд. долларов, т.е. более 800 долларов на душу населения. По признанию правительства, необходимость обслуживания внешнего долга не позволяла, по крайней мере, до 2006 г., существенно повысить уровень жизни населения. Ситуация существенно улучшилась лишь к окончанию второго срока полномочий Президента В. Путина: согласно принятым законам, предельные размеры государственного долга были установлены:

- на 1 января 2007 г. в сумме 79,2 млрд. долларов США[106];
- на 1 января 2008 г. – 46,7 млрд. долларов (т.е. 300 долларов США на душу населения)[107].

Однако вследствие отказа правительства от предоставления отечественному бизнесу льготных кредитов и отсутствия по этой причине в стране «длинных денег» стремительно растёт внешний долг российских государственных предприятий и предприятий с государственным участием, достигший нескольких сот млрд долларов.

Катастрофический характер приобрели в 1990 гг. инфляционные процессы, сравнимые по уровню разве что с гиперинфляцией в Германии после I мировой войны. За это десятилетие цены на товары выросли, а курс рубля по отношению к доллару, соответственно, упал более чем в 30 тыс. раз (с учётом деноминации рубля – не менее чем в 30 раз). В результате трудовые сбережения десятков миллионов людей (в основном ветеранов войны и труда), накопленные к началу 1990 гг., были фактически экспроприированы новой экономической и политической элитой и превратились в прах.

Одна из главных бед российской экономики в 1990-х гг. и начале XXI в. – вывоз капитала за границу. Экспертные оценки объема вывоза в разные годы колебались от 21 до 50 млрд. долларов, но никогда не опускались ниже 20 млрд. долларов в год. Это

---

[105] Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 6.
[106] Статья 87 Федерального закона от 26 декабря 2005 г. № 189-ФЗ «О федеральном бюджете на 2006 год»
[107] Статья 97 Федерального закона от 19 декабря 2006 г. № 238-ФЗ «О федеральном бюджете на 2007 год»

подтвердил и Президент в Послании Федеральному Собранию в апреле 2001 г. В последующие годы вывоз капитала существенно сократился, однако оставался значительным. Так, в 2005 г., по различным данным, он составил от 10 до 15 млрд. долларов США.

Катастрофа социотехнологическая: опережающее падение уровня инвестиций, выбытие основных фондов и рост аварийности.

В отличие от других, эта катастрофа наиболее ярко проявилась в постреволюционный период и стала результатом, с одной стороны, экономического и финансового кризисов, а с другой – инвестиционной политики правящей элиты. На протяжении 1990-х гг. страна, не создавая почти ничего, лишь «проедала» и занималась переделом того, что было создано трудом предыдущих поколений. За некоторым исключением (банковский сектор, строительство офисных зданий фирмами-экспортерами природных ресурсов и т.п.) уровень инвестиций в 1990-х гг. упал не в несколько раз (как уровень производства в промышленности и сельском хозяйстве), но в десятки раз.

На рубеже XXI в. выбытие основных фондов в стране превышало их приращивание примерно в 5 раз. По оценкам Российского Союза товаропроизводителей, 68% всего промышленного оборудования в России было признано устаревшим. Доля же оборудования, эксплуатируемого до пяти лет, составляла менее 10% против 65% в США[108]. По расчётам С. Глазьева (2002 г.), для того чтобы обеспечить простое воспроизводство основных фондов, России необходимо было увеличить инвестиции, по крайней мере, в 3 раза.

Особенно тяжёлое положение сложилось в сельском хозяйстве и коммунальной сфере. Если в 1990 г. на каждый выбывающий комбайн приходилось 3 вновь поступающих, то в 2000 г. на 1 поступающий – 6 выбывающих. В результате производительность труда в сельском хозяйстве в конце 1990 гг. составляла 1,2% от максимального в мире показателя, которого добилась Голландия[109].

По официальным данным, на рубеже веков из бюджетов всех уровней на нужды ЖКХ выделялась лишь треть необходимых средств. Большая часть предприятий этой сферы (равно как и в сельском хозяйстве) оказались фактическими банкротами: общая сумма их долгов составляла в конце 2000 г. около 260 млрд. рублей. В результате во второй половине 1990-х гг. уровень аварийности в жилищно-коммунальной сфере вырос в 10 раз. По данным Госстроя РФ, в начале XXI в. 2,5 млн. граждан проживали в ветхом и аварийном жилье, 11% жилищного фонда требовали капитального ремонта. В целом же износ основных фондов в системе ЖКХ на октябрь 2002 г. составлял 70 - 75%. Многие эксперты считают эти данные заниженными. В таких условиях удивляться тому, что зимой замерзали не отдельные дома, а целые регионы, не приходится.

Аналогичная ситуация сложилась в электроэнергетике. Согласно заявлению заместителя министра экономического развития и торговли А. Шаронова, износ основных фондов в РАО ЕЭС России составлял в 2002 г. свыше 52%, а вывод мощностей в электроэнергетике превышал их ввод почти в 5 раз.

Инвестиционная политика начала изменяться к лучшему лишь в 2006 - 2007 бюджетных годах, когда обрисованная выше картина стала ещё более мрачной.

Катастрофа социальная (в узком смысле слова): падение уровня жизни; обесценивание честного труда; рост социального неравенства; распространение бедности; массовая детская беспризорность; массовая безработица.

По расчётам названной выше группы соавторов В. Коптюга, в 1985 - 95 гг. средняя заработная плата в стране упала более чем в 3 раза (со 199 до 62 рублей с учётом

---

[108] Иноземцев В.Л. Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. – 2000. – № 6. – С. 36.

[109] Андриянов В.Д. Россия: экономический и инвестиционный потенциал. М., 1999. – С. 194.

инфляции); средняя пенсия – в 2,5 раза (с 74,5 до примерно 30 рублей)[110]. После нового кризиса 1998 г. показатели падения выросли, по меньшей мере, в 2 - 2,5 раза. Таким образом, к концу века средний уровень жизни упал в 4 - 5 раз, а у некоторых групп населения – в 7 раз и более.

Несмотря на заметное экономическое оживление, в 2002 г. эксперты продолжали спорить о том, восстановлен ли так называемый докризисный (т.е. первой половины 1998 г.) уровень пенсий и зарплаты. Так, по оценкам лидера Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) М. Шмакова, в 1998 г. средняя зарплата в стране составляла 170 долларов, тогда как в октябре 2002 г. – 130 долларов. Это в 8 - 10 раз ниже, чем в индустриально развитых странах, в «клуб» которых стремится Россия. Отметим, между прочим, что в действительности средней заработной платы в 130 долларов нет ни в одной из развитых стран, где этот показатель не опускается ниже 2500 долларов.

Согласно заявлению министра финансов А. Кудрина на пленарном заседании Госдумы[111] 22 сентября 2005 г. (впрочем, заявлению чрезвычайно оптимистическому), средняя зарплата в России примерно в три раза ниже, чем в странах Евросоюза. В советский период, по оценкам объективных экспертов, различие в уровне жизни граждан СССР и индустриально развитых стран не превышало двух раз.

Честный труд вообще, труд большинства квалифицированных специалистов – в особенности, в 1990-х гг. обесценился, как никогда, причём ниже всего оказалась заработная плата работников оборонных предприятий, медицины, науки, образования, культуры и сельского хозяйства.

Если социальное расслоение в развитых странах Запада, с точки зрения соотношения высшего, среднего и низшего классов, обобщенно выглядит как 10%:60%:30% населения, то в России это соотношение составляет 5 - 7%:15 - 20%:75 - 80%. Другими словами, на фоне всеобщих призывов представителей властвующей элиты воссоздать в стране средний класс фактически он был резко сокращён, едва ли не ликвидирован. Врачи, педагоги, инженеры, квалифицированные рабочие и другие слои, образующие основной массив среднего класса в индустриально развитых странах, а равно и в СССР (при более низком уровне жизни), в результате «реформ» по уровню доходов переместились в низший класс, а то и вообще оказались за чертой бедности.

Социальное неравенство в России, стремительно возникший разрыв между тонким слоем богатых и обнищавшим большинством населения выступает не как производная общего роста благосостояния (как, например, в Китае), но, напротив, как следствие распространения бедности. По данным директора Института социально-политических исследований РАН Г. Осипова, децильный коэффициент (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан) возрос с 5 в СССР до, как минимум, 12 - 15 уже в середине 1990 гг.[112], что превышает аналогичные показатели стран Западной Европы и США. Другие эксперты дают более высокие оценки уровня социального неравенства (от 26 до 50 раз)[113]. В среднесрочных программах Правительства РФ сокращение показателей неравенства доходов неизменно фигурирует в качестве одной из стратегических целей. Однако, подводя итоги реализации этих программ, эксперты правительства практически ежегодно фиксируют рост соответствующих показателей.

По данным правительства, бедные в России (т.е. лица, имеющие доход ниже официально установленного прожитого минимума) составили в конце 2001 г. 24%.

---

[110] Коптюг В.А. и др. Указ соч. – С. 42-43.

[111] См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 22.09.2005 (вопрос: «О проекте федерального закона № 211446-4 «О федеральном бюджете на 2006 год»).

[112] Осипов Г.В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.- С. 47.

[113] Так, например, В. Костиков в статье «За что обижаешь, барин?», опубликованной в газете «Аргументы и факты» (№ 10 за 2008 г.), сообщает: «В России средний богатый богаче среднего бедняка в 41 раз».

Однако А. Дворкович (в то время заместитель министра экономического развития и торговли) одновременно признал на парламентских слушаниях 18 февраля 2002 г., что в «адресной» социальной помощи нуждались не менее 50% населения! Это не случайно, ибо потребительская корзина в России рассчитана по нормам Организации Объединённых Наций, предназначенным для развивающихся стран Азии и Африки.

По данным Министерства экономического развития и торговли РФ, число бедных в стране неуклонно сокращалось и в 2007 г. составляло менее 15% населения. Однако, согласно международнопризнанным критериям, бедность определяется как душевой доход менее двух долларов США в день, а такой доход в России имели 53% населения, что, видимо, и было основанием для упомянутого выше заявления А. Дворковича[114].

Сказанное в целом подтверждается и данными опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Так, во втором квартале 2002 г. 65% опрошенных заявили, что им приходится отказываться от лечения, поскольку на это не хватает средств. Почти половина населения испытывала трудности даже с приобретением продуктов питания. Лишь 13-15% могли позволить себе не экономить на товарах и услугах, привычных для человека развитых стран. 70% вынуждены были постоянно экономить на отдыхе. И только 8% могли себе позволить отдыхать, как считают нужным.

Согласно другому опросу ВЦИОМ, в начале 2001 г. 23% населения России относили себя к группе, которая едва сводит концы с концами; 42% — к группе, у которой хватает средств на продукты питания, но покупка одежды вызывает проблемы; 28% — к группе, которая не испытывает проблем с деньгами на покупку продуктов питания и одежды, однако покупка товаров длительного пользования вызывает проблемы; наконец, только 1% опрошенных заявили, что не испытывают проблем с деньгами[115].

По данным организации «European children's trast», в конце 1990-х гг. в 10 посткоммунистических странах Восточной Европы и бывшего СССР за чертой бедности оказались 160 млн. человек (около 40% населения). Среди них примерно 50 млн. детей, в том числе 40 млн. — в странах бывшего СССР. За 10 лет количество таких детей выросло в 10 раз. По оценкам Комитета по делам женщин, семьи и молодежи Госдумы третьего созыва, в 2002 г. среди 24 млн. российских семей с детьми 22 млн. имели доходы ниже прожиточного минимума. Не удивительно, что в начале того же года количество беспризорных детей в России оценивалось экспертами Минобразования приблизительно в 1 млн., Генпрокуратурой — около 2 млн., а независимыми экспертами — от 3 до 5 млн., что сравнимо с уровнем беспризорности после гражданской или Великой Отечественной войн, а, возможно, и превышает его!

Социальное неравенство увеличивается также и в региональном аспекте. Исследования показали, что в начале XXI в. в Москве люди живут приблизительно как в Чехии, в Санкт-Петербурге – как в бывших прибалтийских республиках СССР, а в Тыве – как в Монголии.

Ещё один показатель социальной катастрофы — массовая безработица. По оценкам ФНПР, в России в середине 1998 г. насчитывалось около 2 млн. зарегистрированных безработных, около 8,5 млн. ищущих работу, а с учётом скрытой безработицы общее количество безработных составило около 20 млн. человек. Несмотря на существенный рост производства в 1999-2001 гг., безработица в начале 2002 г. оценивалась экспертами в 8% и оставалась серьёзной социальной проблемой. По прогнозам Минтруда (а затем – Минздравсоцразвития) России, в краткосрочной перспективе в связи со структурными реформами количество официально зарегистрированных безработных будет расти.

В июне 2002 г. зарубежные и отечественные средства массовой информации практически одновременно передали два сообщения:

---

[114] http://www.moscow2000.com/news/view2.asp?Id=145206&IdType=5

[115] Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 2002. – С. 6-7.

1) США признали Россию страной с рыночной экономикой;

2) Генеральный секретарь ООН Кофи Анан и американский президент Джордж Буш включили Россию в список 19 стран, где торгуют людьми. При этом, согласно законодательству США, против таких стран могут применяться экономические санкции.

Оба факта в совокупности наглядно символизируют крайнюю противоречивость последствий новейшей российской революции и огромную социальную цену экономических преобразований.

Катастрофа социально-нравственная*:* криминализация общества; наркотизация населения; эпидемии болезней, вызываемых антисоциальным поведением; замещение в массовом сознании социальных и патриотических ценностей антисоциальными и антипатриотическими.

В конце 1990-х гг. по уровню коррупции Россия вошла в число самых криминальных стран, заняв, согласно одному из международных опросов, 76-е место среди 85 государств. Согласно данным «Transparency international» по этому показателю среди 159 стран, в 2004 г. Россия занимала 90-е место рядом с Индией, Непалом и Танзанией. Однако в 2005 г. страна переместилась с 90-го на 126-е место рядом с такими странами, как Сьерра-Леоне, Нигер, Албания. В 2007 г. место России в аналогичном списке оказалось 143-м.

По оценкам фонда ИНДЕМ, объём коррупционных сделок в России в 2001-2007 гг. вырос с менее 40 млрд долларов до более 300 млрд долларов в год[116].

На протяжении всего революционного и постреволюционного периода через электронные средства массовой информации бездуховность насаждалась «верхами», которые не только заполнили эфир воинствующей пошлостью, но открыто заявляли, что «деньги не пахнут», и сами подавали пример. В значительной степени эта тенденция сохранилась и в настоящее время. Впервые о необходимости сохранения традиционных российских ценностей было заявлено лишь в 12-м по счёту послании Президента страны[117].

За исключением кратких исторических периодов, страна никогда не чуждалась алкоголя. Однако лишь в постсоветский период массовый алкоголизм соединился с массовой наркоманией. В это время потребление алкоголя в пересчёте на чистый спирт составило в России от 14 до 18 л на человека, включая новорождённых и больных, при критическом для национальной безопасности уровне в 8 л[118]. Это один из самых высоких показателей в мире, а в отдельные годы Россия выходила в абсолютные лидеры. Чрезвычайный характер сложившейся ситуации признан в проекте Концепции государственной алкогольной политики, подготовленном рабочей группой Госсовета, а позднее – президентом Д.А. Медведевым[119].

Одновременно, по данным Управления по борьбе с таможенными правонарушениями Государственного таможенного комитета России, в конце 1990-х гг.

---

[116] Немцов Б., Милов В. Путин. Итоги. Независимый экспертный доклад. – Коррупция разъедает Россию – М., 2008

[117] Подробнее см. главу 10

[118] В.А. Коптюг и др. Указ соч. С. 40-42

[119]Процитируем отрывок из его выступления на совещании о мерах по снижению потребления алкоголя в России (12.08.09, г. Сочи): «Если говорить откровенно, алкоголизм приобрёл в нашей стране характер национального бедствия. Напомню, что, по данным Минздравсоцразвития, в России на каждого человека, включая младенцев, сегодня приходится около 18 литров чистого алкоголя, потребляемого в год. Сами можете пересчитать это в количество бутылок водки – дух захватывает. Это более чем в два раза превышает уровень, который Всемирная организация здравоохранения определила как уровень, опасный для жизни и здоровья человека. И естественно, что этот уровень просто грозит деградацией нашей стране, нашему народу».
http://archive.kremlin.ru/appears/2009/08/12/1608_type63374type63378type82634_220787.shtml

оборот наркотиков в стране составлял около 2 млрд. долларов, что было сравнимо с федеральными расходами на медицину. По данным Минздрава России, употребление наркотических средств и психотропных веществ в 1990-х гг. выросло более, чем в 20 раз. Согласно информации МВД России, в октябре 2002 г. в стране в немедицинских целях употребляли наркотики 3,5 млн. человек, из них зарегистрированные наркоманы составляли около 317 тыс. В 2004 г., согласно Росстату, на учёте состояли уже 326 тыс. наркоманов. В 2005 г. от наркотической передозировки погибли 100 тыс. граждан[120]. По данным заместителя директора ФСКН РФ генерал-полковника В. Зубрина, приведённым Российским информационным агентством «Новый регион» 5 марта 2008 г., независимый мониторинг установил, что количество лиц, употребляющих наркотики, составляет 5 млн. 100 тыс. человек[121].

Наркотизация общества напрямую разрушает его производственный и интеллектуальный потенциал, социальные связи и духовные ценности.

Россия переживает одну из последних в мире эпидемию СПИД, причём в то время, когда показатели распространения этого синдрома в индустриально развитых странах заметно снизились. С 1 января 1987 г. по октябрь 2002 г. в стране официально было зарегистрировано около 180 тыс. лиц с диагнозом «ВИЧ-инфекция». Реальное же их число в начале XXI в., по данным Всемирной организации здравоохранения, составляет около 700 тыс., по данным Российской академии медицинских наук (РАМН), около 1 млн., по данным американской разведки, от 1 до 2 млн. При этом, например, за 2000 г. СПИДом в России заболели больше людей, чем за предыдущие 10 лет. По оценкам президента РАМН В. Покровского, возможен рост числа ВИЧ-инфицированных до 4 млн.[122]

СПИД превращается в мощный фактор депопуляции. При неблагоприятном развитии эпидемии СПИД к 2025 г. средняя продолжительность жизни в России может снизиться до 56 лет. Эпидемия угрожает отрезать поражённые ею страны от глобальных процессов перехода к новой цивилизации. В ближайшем будущем не предвидится ни вакцины, предотвращающей заболевание СПИД, ни эффективного лекарства. В среднем курс лечения одного больного от СПИД в развитых странах обходится в 15 тыс. долларов. До начала реализации так называемого национального проекта «Здоровье» российское правительство выделяло в среднем на одного больного от 3 до 6 долларов – т.е. в 2500 - 5000 раз меньше, чем требуется[123].

Не менее опасно и разрушение системы жизненных ценностей, традиционных для России. Социологические исследования второй половины 1990-х гг. показывают: свыше 50% молодёжи признавали, что главным для них в жизни являются деньги. При этом 20% считали «возможным» и «нормальным» вступление в брак по расчёту, 20% — получение взятки, около 10% – взять деньги силой или «взять, что плохо лежит». В этот период в сознании 17-летних криминальный авторитет оценивался выше милиционера, профессия телохранителя – выше офицера вооружённых сил и депутата законодательного органа, а эти профессии, в свою очередь, – выше профессии инженера, научного работника, рабочего[124]. С тех пор радикальных изменений в массовом сознании не произошло.

Небезынтересно отметить, что спустя почти 20 лет после начала социально-нравственной катастрофы она была признана на официальном уровне Комитетом Госдумы пятого созыва по делам женщин, семьи и детей. Вот некоторые дополнительные данные, взятые автором из текста утвержденной упомянутым думским комитетом

---

[120] Mednovosti.ru, 16.02.2006.

[121] http://www.nr2.ru/health/167535.html

[122] http://www.vz.ru/society/2008/2/16/145528.html

[123] Подробнее об этом см.: ВИЧ/СПИД в странах Восточной Европы и Содружества Независимых Государств. Как обратить эпидемию вспять: Состояние проблемы и возможные решения. Программа развития ООН. Братислава, 2004.

[124] Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социс. – 1998. – № 5. – С. 93-94.

«Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности»:

- с начала 1990-х гг. наша страна оказалась на 1 месте в мире по уровню абортов и является единственной, где до недавнего времени на 100 рождённых младенцев приходилось 120 абортов;
- страна стала абсолютным лидером: в Европе – по смертности от убийств, а в мире – по смертности от алкогольных отравлений;
- в течение последних лет Россия постоянно занимает 2 место в мире по количеству самоубийств на 100 тыс. жителей.

Ситуация с детьми аналогична и потому должна вызывать ещё большую тревогу:

- в России самый высокий в мире процент социальных сирот – более 700 тыс., среди которых 90% имеют живых родителей;
- в последнее десятилетие средний возраст начала употребления наркотиков снизился с 18 до 14 лет;
- соответственно, алкоголь начали употреблять не с 16, а с 13 лет. На январь 2006 г. официально признаны алкоголиками около 60 тыс. детей;
- за 10 лет средний возраст начала курения упал с 15 до 11 лет. Более 60% детей курят;
- в 2006 г. число доставленных в органы внутренних дел несовершеннолетних правонарушителей составило более 1 млн. 130 тыс. человек. В прежние же годы количество зарегистрированных преступлений, совершённых несовершеннолетними или с их участием, изменялось следующим образом: 1987 г. – 116149 преступлений, 1993 г. – 225740, 2002 г. – 139681, в 2003 г. – 145368 преступлений;
- как показывают социологические опросы, 55% детей готовы преступить через моральные нормы для того, чтобы добиться личного успеха[125].

На протяжении б*о*льшей части постсоветского периода Россия оставалась страной с низким уровнем патриотического сознания молодежи. Несколько лет назад под руководством экс-министра образования Е. Ткаченко выполнено крупное исследование. Согласно опросу 42 тыс. учащихся ПТУ, примерно 31,2% детей не хотели бы родиться и жить в России и еще 21,6% затруднились с ответом на этот вопрос[126].

В период второго срока полномочий Президента В. Путина в стране наметился явный подъём национального самосознания молодежи, однако, по преимуществу в форме не цивилизованного патриотизма, но ксенофобии: по отношению к «инородцам» – внутри страны, к политике США – на международной арене. Так, социологические опросы показывают, что лозунг «Россия – для русских» в той или иной форме поддерживают более половины населения, а США уверенно занимают первое место в списке государств, которые граждане России считают враждебными.

Подобная ситуация прогнозировалась автором ещё в начале 1990-х гг.[127], но стоит заметить, что, помимо революционного «маятника», национализм и ксенофобия продуцируются ещё и недостатком патриотического воспитания в его цивилизованном виде, представляя собой по сути своеобразный эрзац патриотизма. Ряд политологов либеральной ориентации неоднократно высказывали в печати и электронных СМИ предположение о том, что политическое руководство страны в лице администрации

---

[125] Подробнее о концепции см. статью автора «Духовная катастрофа: симптомы и диагноз», размещённую в приложении к книге

[126] Воспитательная работа в новых условиях (опыт учреждений профессионального образования). Науч.-метод. сборн. Авт.-сост. Смирнов И.П., Ткаченко Е.В. М.: Изд. отдел НОУ ИСОМ, 2003. – С. 26.

[127] Смолин О.Н. Современная Россия: политические альтернативы на завтра // Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы. Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономическая демократия. 1995. – С. 207-223

Президента, как минимум, не препятствует нарастанию ксенофобии в политических целях. Цели же эти, по мнению приверженцев этой точки зрения, заключались в том, чтобы в очередной раз на выборах 2007 - 2008 гг. предложить обществу ложную дилемму, на сей раз в виде альтернативы: «Единая Россия» или фашизм.

Очевидно, что подобная стратегия крайне опасна, ибо именно лозунг «Россия – для русских», как когда-то лозунг государственного суверенитета Российской Федерации, способен вызвать новую деструкцию страны по границам тех или иных национальных республик[128].

Катастрофа социально-демографическая – «русский крест». Эта катастрофа производна от других и, быть может, наиболее опасна.

Неблагоприятные демографические тенденции наблюдались в СССР с середины 1960-х гг. Во второй половине 1980-х гг. эти тенденции явно изменились к лучшему, что связывается большинством экспертов с проводившейся в этот период антиалкогольной кампанией. Однако, начиная с 1992 г., демографический кризис приобрёл катастрофический характер. В стране произошло резкое снижение рождаемости и одновременно – рост смертности, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте (так называемый русский крест). Несмотря на приток беженцев и переселенцев из бывших республик СССР, с 1992 по 1999 население России сократилось со 148,3 млн. до 145,5 млн., причём это явление было характерно почти для всех регионов. Если в 1990-м г. «естественная убыль» населения зафиксирована только в 9 республиках, краях, областях, то в 1999-м г. – в 74. Только за три года (1998 - 2000) в России стало на 4 млн. меньше детей.

Весьма примечательна дискуссия по вопросу о связи демографической катастрофы 1990-х гг. с революционной катастрофой как таковой. Отечественные неолибералы многократно утверждали, что такая связь отсутствует, и даже высмеивали своих оппонентов, утверждая: спад рождаемости в 1992 г. не мог быть связан с реформами Гайдара, поскольку большинство родившихся детей были «запланированы» в 1991 г.

Однако ключевая проблема демографической катастрофы – не столько рождаемость, сколько смертность. Процитируем в этой связи исследование британских учёных Л. Кинга и Д. Стаклера под характерным названием «Массовая приватизация и рост смертности в посткоммунистических странах»: «Мы обнаружили, что при прочих равных, для стран, в которых неолибералам удалось провести программы массовой приватизации, характерны более низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни, чем для стран, которые выбрали другие способы приватизации. Это объясняет значительную часть вариации, хотя при различных статистических тестах степень тесноты связи и объем объясняемой вариации менялись. Самая консервативная оценка эффекта от массовой приватизации на снижение в ожидаемой продолжительности жизни составляет 0,86 лет, самая же высокая – 5,14 лет»[129].

Иначе говоря, ускоренные «реформы» (т.е. новейшая буржуазная революция) для населения бывших соцстран вылились в сокращение средней продолжительности жизни, округлённо, он одного до пяти лет. И если колоссальные жертвы периода Великой Отечественной войной обычно называют ценой Победы, то в данном случае приходится говорить лишь о цене поражения.

Хотя данные переписи населения 2002 г. отразили замедление демографического спада (в стране оказалось не 143,5, как прогнозировали, а 145 млн. человек), общей картины это не меняет. По данным бюллетеня Росстата, численность населения в России

---

[128] Во время переговоров с канцлером ФРГ А. Меркель В. Путин назвал себя в хорошем смысле «русским националистом» и аналогичным образом оценил взгляды Президента Д. Медведева.

[129] Кинг Л., Стаклер Д. Массовая приватизация и рост смертности в посткоммунистических странах // Мир России. – 2007. - № 3. – С. 112

на 1 января 2008 г. оценивалась уже в 142,0 млн. человек, ежегодная убыль населения в начале XXI в. составляла приблизительно 700-800 тыс. человек в год, за 2007 г. составила 237,8 тыс. человек с учётом роста за год миграционного притока, который компенсировал половину естественной убыли.

По самым оптимистическим прогнозам, при сохранении современных тенденций население России в ближайшие 25 лет сократится на 10 - 15 млн. человек. Согласно одному из прогнозов Росстата, к 2025 г. численность населения страны не будет превышать 100 млн., к 2050 г. – 75 млн., а к 2075 – 50-55 млн. человек. Пожалуй, самыми пессимистическими данными располагает заведующий кафедрой демографии социологического факультета МГУ А. Антонов: к середине XXI в. россиян останется только 40 млн.[130] Неожиданную актуальность приобрело предостережение Владимира Набокова о том, что Россия может разделить судьбу Древнего Рима: культура останется, а народ исчезнет[131]!

Учитывая, что, по прогнозам ООН, население Китая составит к 2025 г. 1,5 млрд. человек, Индии – 1,6 млрд., что численность населения США также возрастёт на 50 млн. и составит 325 млн. человек, можно с уверенностью предположить возникновение новых трудно разрешимых геополитических проблем.

На взгляд автора, известные демографические инициативы президента способны замедлить процесс депопуляции, но вряд ли смогут его остановить[132].

Катастрофа геополитическая: крушение сверхдержавы; формирование однополярного мира; перекрестные угрозы национальной безопасности.

В результате новейшей революции была разрушена одна из ведущих мировых цивилизаций – Советский Союз (Большая Россия, евразийская цивилизация, российский суперэтнос и т.п.). Российской Федерации (усечённой России), которая утратила статус сверхдержавы, предстоит сложная борьба за сохранение статуса одной из великих держав. При этом, по оценкам Г. Осипова, в 1996 г. «По 24 основным показателям страна вышла за пределы допустимого критического уровня, за которым начинается распад общества и государства, физическая и нравственная деградация человека»[133].

Так, о падении военной мощи говорят следующие показатели: в 1990 - 2000 гг. личный состав военно-морского флота сократился в 2 раза, количество подводных лодок – на 50%, морская авиация – на 53%. Аналогичная ситуация сложилась в других родах войск.

Как ни парадоксально, в условиях экономического роста ситуация с поставками вооружений отечественной армии даже ухудшилась. По данным Совета по национальной стратегии, опубликовавшего в ноябре 2007 г. доклад «Итоги с Владимиром Путиным: кризис и разложение Российской армии», в 2000 - 2006 гг. в вооружённые силы было поставлено всего 27 межконтинентальных баллистических ракет (27 боевых частей) — при списании 294 МБР (1779 боевых частей). Тогда как даже в «безденежные» 1992 - 1999 гг. – 92 МБР (92 боевые части). Аналогичным образом с 2000 г. армии были поставлены всего 3 новых самолёта, один «Ту-160» и два «Су-34», в 1990-е – до 100 самолётов. Показатели закупки танков выглядят следующим образом: 2000 - 2007 гг. – немногим более 60 танков «Т-90», 1990-е – 120. Наконец, в 1990-е ВМФ и морские части погранвойск получили более 50 надводных и подводных кораблей и катеров, в 2000-е – менее 10.

---

[130] http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=22&idArt=858

[131] О демографической ситуации в стране в связи с проблемами развития человеческого потенциала см. также § 1 главы 3.

[132] См. статью автора «Послание будущим детям?», опубликованную в приложении к книге

[133] Осипов Г.В. Указ соч. С. 26.

При этом если в 1990-е Россия экспортировала оружия в среднем чуть более чем на 1 млрд долларов в год, то в 2007 г. объём доходов от экспорта вооружений составил 7 млрд долларов[134].

По сообщению BBC, ведущая британская газета «Guardian» в марте 2001 г. оценивала затопление космической станции «Мир» как падение независимости России на её самой высокой границе. Согласно опросам, одобрили такое затопление лишь четверть граждан страны.

В постсоветскую эпоху мир фактически стал однополярным, а границы политического влияния и экономического господства единственной сверхдержавы — США — значительно расширились. Союз НАТО превратился в самый мощный в истории военно-политический блок. Обещание не расширять его, данное в период объединения Германии, ныне грубо нарушено. В Североатлантический блок приняты три бывших союзника СССР по Варшавскому договору – Чехия, Венгрия и Польша, а также бывшие советские прибалтийские республики. О намерении вступить в НАТО заявили Украина и Грузия. Даже Президент Белоруссии, разочарованный колебаниями российской внешней политики, некоторое время высказывался в пользу пересмотра отношений с НАТО.

Никакие заверения зарубежных политиков о том, что расширение НАТО России не угрожает, не могут успокоить отечественное общественное мнение. Не случайно бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в статье «Цели НАТО под вопросом» писал о том, что «любое расширение НАТО неминуемо приведет к проведению новых линий разделов», т.е. к ещё большей изоляции России. Эту мысль разделяет и известный американский исследователь С. Коэн. Цитирую его интервью газете «Известия» (18 марта 2008 г.): «США необходимо прекратить политику расширения НАТО. Без этого не может быть хороших отношений между Россией и США. Поэтому разговоры в Вашингтоне о включении Грузии и Украины в альянс должны немедленно прекратиться»[135].

Неопределённые обещания допустить Россию в Североатлантический блок в отдалённом будущем вряд ли могут восприниматься всерьёз, учитывая её положение на стыке трёх цивилизаций: западной, которая, как выяснилось, не готова принять бывшую сверхдержаву как полноценного и равноправного члена; китайской – потенциального лидера XXI в.; мусульманской – наиболее активной (пассионарной) и на этой почве нередко порождающей исламский фундаментализм.

На смену дипломатии, когда это выгодно Западу, приходят силовые решения. Разгром Югославии и война в Ираке знаменуют разрушение существовавшей с 1945 г. системы международных отношений и международного права. Согласно его нормам, военные действия против независимого государства без санкции Совета Безопасности ООН не могут оцениваться иначе, как агрессия. Однако США и их союзники ссылаются на необходимость защиты прав человека посредством «гуманитарной интервенции», доказывая справедливость старой формулы: желающих освобождать часто бывает больше, чем желающих освобождаться.

Невыразительная позиция российской дипломатии по ключевым вопросам международной политики (французская «Le Monde» даже окрестила президента В. Путина за его заявления по иракскому вопросу эквилибристом), появление американских баз и военных контингентов в Средней Азии и Грузии – всё это шаги в направлении превращения России в страну с ограниченным суверенитетом, едва ли не автоматически следующую в кильватере внешней политики США.

Как уже отмечалось, это отнюдь не мешает отечественной властвующей элите активно использовать антиамериканизм в конъюнктурных внутриполитических целях, получая на выборах голоса не только патриотов, но и националистов. Одновременно

---

[134] В плену мифа. Российская армия: возрождение или деградация // Время новостей. – 2008. – 12 февраля
[135] http://www.izvestia.ru/dipclub/article3102825

закрыты российские базы в Комране (Вьетнам), Лурдасе (Куба) и Грузии, Китаю по договору переданы острова на Амуре, а Японии предложено вести переговоры о Курилах на основе Декларации 1956 г., также предусматривающей территориальные уступки в виде двух островов Малой Курильской гряды.

Вопреки оптимистическим ожиданиям конца 1980-х – начала 1990-х гг., которые разделяли многие выдающиеся учёные и политики (например, академик А. Сахаров), в результате разрушения Советского блока не сократилось, но значительно возросло количество региональных вооружённых конфликтов, которые фактически стали частью затяжной войны между богатым Севером и бедным Югом, между западной и мусульманской цивилизациями и т.п. При определённых условиях эти локальные конфликты вполне способны перерасти в конфликт глобальный[136].

«Операция по принуждению к миру» в Южной Осетии в августе 2008 г. (а фактически грузино-российская война) поставила Россию в состояние такой международной изоляции, какой не было, пожалуй, со времён 1917 - 1922 гг. Несмотря на сравнительно лёгкую победу, война выявила:

- колоссальные проблемы боеготовности армии, связанные с недостатком современных высокоточных вооружений, а особенно – средств связи;
- полное отсутствие военных союзников (не считая самой Южной Осетии и Абхазии);
- почти полное отсутствие союзников дипломатических (в течение полугода после провозглашения независимости Южной Осетии и Абхазии эти республики не были признаны даже Беларусью, Венесуэлой и Кубой, не говоря уже ни об одном государстве – члене Шанхайской организации сотрудничества – ШОС).

Заслуживает внимания мнение политолога С. Белковского[137], согласно которому стратегия т.н. великой энергетической державы, проводившаяся президентом В. Путиным, привела лишь к утрате Россией даже статуса региональной державы на пространстве бывшего СССР. Другими словами, «величайшая геополитическая катастрофа XX века» (по выражению того же В. Путина), постигшая нашу страну в 1990 гг., в XXI в. не только не была преодолена, но, скорее, углубилась.

* * *

Количество фактов, иллюстрирующих катастрофичность непосредственных результатов революции, без труда можно увеличить на несколько порядков. Все они убедительно доказывают, что и в данном отношении российская социально-политическая ситуация 1990-х гг. подпадает под общую типологическую характеристику революционной катастрофы.

---

[136] Высказывается даже мнение, что в результате множественных катастроф произошла «зоологизация» исторического процесса. Другими словами, на смену социальным закономерностям более высокого порядка пришли закономерности, возникающие из биологической природы человека (примитивный национализм, расизм и т.п.).

[137] http://www.apn.ru/publications/article19239.htm

§ 3. Демократические и авторитарные тенденции в российском политическом процессе

Каковы бы ни были ситуационно-типологические и специфические характеристики новейшей российской революции, связанные с ними процессы привели к зарождению элементов демократии в советский период, которые сохранились и трансформировались в период постсоветский. Однако революционный характер политического процесса породил глубокие противоречия и мощные «откатные» тенденции, идущие в направлении восстановления авторитаризма.

В принципе смена отечественных политических режимов после 1985 г. вполне укладывается в схему, хорошо известную ещё античным мыслителям: авторитаризм – попытка создания «демократии без берегов» (охлократии) – новое нарастание авторитарных тенденций. Эта логика соответствует описанному выше «закону маятника» и представляет собой одно из его проявлений.

Социально-политические революции (т.е. социальные революции, осуществляемые посредством политического переворота, предполагающие слом прежней политической системы, смену политических элит и т.п.) по самой их природе вообще редко совместимы с более или менее последовательной демократией. Это подтверждает и статистический анализ: в подавляющем большинстве случаев новая власть либо с самого начала устанавливается как авторитарная, либо на смену периоду относительной революционной демократии приходит период революционного (постреволюционного) авторитаризма, а нередко и диктатуры.

В ситуациях даже подлинно великих и прогрессивных социальных революций на практике до сих пор нигде не удавалось разрешить противоречие между демократической природой такой революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Коренная ломка одной макросоциальной (социетальной) системы и замена её другой, как правило, невозможна без сильной власти. Такой власти требуют:

- множественные катастрофы и мобилизационная экономика, с помощью которой их обычно приходится преодолевать;
- необходимость регулирования и подавления социальных конфликтов, угрожающих полным разрушением общественной системы;
- деструкция социальных институтов, связанная с нею аномия и политическая анархия и т.п.

Однако, как показывает исторический опыт, сила власти легко превращается во власть силы: «диктатура пролетариата» – в диктатуру бюрократии, «диктатура закона» – в закон диктатуры, а харизматические лидеры – в вождей авторитарных или тоталитарных режимов.

Теоретические ключи к решению данной проблемы хорошо известны. Главный из них – развитие «демократии участия» (партисипаторной демократии), «базисной демократии», «самоуправления трудящихся» и т.п. Однако на практике с помощью этих ключей «дверь» в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

Именно революционный характер социально-политического процесса стал главной причиной срыва попыток заключения пакта о гражданском согласии, неоднократно предпринимавшихся в России в 1990-х гг. по аналогии с пактом Монклоа, обеспечившим в Испании плавный переход от авторитаризма к демократии.

Возможность такого перехода определяли три основные особенности испанского политического процесса:

- постепенность;

• легальность (законность), которая не противопоставлялась, как в России, легитимности в её веберовском понимании, но выступала её основой (законы, принятые в период авторитаризма, соблюдались до тех пор, пока не отменялись законным же порядком);

• опережение экономических реформ политическими.

Характер политического процесса в большинстве постсоциалистических стран был совершенно иным:

• не постепенным (эволюционным), но революционным; основанным главным образом не на легальности, но на «революционном правосознании», готовности следовать праву лишь в той мере, в какой оно не противоречило «интересам реформ»;

• не последовательным, но параллельным во всех сферах общественной жизни.

Последнее было обусловлено тем, что в Испании авторитарный режим сменялся демократическим при сохранении типа экономической системы общества (рыночно-капиталистической), тогда как в Восточной Европе и бывшем СССР главной составляющей процесса стала именно смена типа общественно-экономической системы.

Сопоставление испанских реформ с опытом Китая, где, напротив, экономические реформы осуществлялись в условиях относительной политической стабильности, указывает на закономерность более общего характера, а именно: вероятность одновременных успешных преобразований всех сфер жизни общества достаточно низка.

Революционный характер политического процесса в странах бывшего СССР и Восточной Европы с неизбежностью породил:

✓ острые конфликты между политическими субэлитами и ветвями власти, особенно вновь избранными президентами и парламентами, – конфликты, разрешаемые с помощью политического и военного насилия, включая малые гражданские войны; создание в большинстве постсоветских стран с переходной экономикой суперпрезидентских республик;

✓ незаконный роспуск парламентов как «тормоза реформ»; продление президентских полномочий путём референдумов (Беларусь, Казахстан, Узбекистан) либо передачу власти политическим приемникам при формальном соблюдении демократических процедур (Азербайджан, Россия);

✓ в ряде случаев – ущемление в правах национальных меньшинств;

✓ замену выборности всеобщим назначением руководителей исполнительной власти;

✓ ограничение роли власти судебной и т.д., и т.п.

Исключение из правила составляют либо малые страны с европейским типом политической культуры (Чехия), либо страны с чисто декоративной парламентской властью (Туркменистан).

В условиях новейших революций в большинстве стран бывшего СССР существовало, как минимум, три основных политических фактора (или группы факторов), которые, при всех различиях в интенсивности их проявления, непосредственно определяли нарастание авторитарных тенденций:

1) широкое использование плебисцитарных механизмов легитимации власти новой политической элиты;

2) подавление законодательной власти исполнительной властью вообще и президентской властью – в особенности;

3) крушение попыток создания новых массовых движений левой, левоцентристской или вообще социальной направленности[138].

---

[138] В своё время автор определили три названных фактора нарастания авторитарных тенденций как три трагедии российской демократии и посвятил им специальную работу (См.: Смолин О.Н. Три трагедии российской демократии. М.: ООО ИПТК «Логос», 1999).

Именно эти факторы резко ограничили возможность воздействия законодательства на политический курс в целом и на образовательную политику, в частности. Рассмотрим их специально.

3.1. Плебисцитарные механизмы легитимации власти постсоветской политической элиты

При всём разнообразии концепций демократии и их классификаций для понимания российского политического процесса наиболее важно подразделение этих концепций в зависимости от преобладания идей прямой или представительной демократии на:

а) репрезентативные (представительные), которые интерпретируют демократию как компетентное и ответственное перед народом представительное управление, видя в парламентской демократии защиту от сиюминутных массовых настроений и увлечений, иррациональных и эгалитарных тенденций массового сознания и связывая эффективность управления с разделением труда и компетентностью специалистов;

б) плебисцитарные, которые ориентируются непосредственно на волю народа, отвергают легитимность конфликта интересов и исходят из предположения, что воля народа выражается непосредственно на народных собраниях или в результате всеобщего голосования, а реализовать её может не обязательно сам народ, но также уполномоченный им лидер или партия.

На протяжении последнего столетия отечественной истории своеобразной экспериментальной апробации в России были подвергнуты две концепции: марксистская, авторы которой принадлежали к числу наиболее радикальных сторонников представительной демократии (но отнюдь не предполагали ею ограничиваться), и концепция М. Вебера, представляющая собой своеобразную интерпретацию идеи о непосредственном народном волеизъявлении. По иронии истории, но в точном соответствии с ситуационными закономерностями революции, обе эти теории дали результаты, прямо противоположные ожидаемым.

По замыслу авторов марксистской концепции демократии, её реализация уже в сравнительно короткий период диктатуры пролетариата должна была привести к демократии нового типа, обеспечивающей власть трудящихся, а затем к постепенному отмиранию государства вместе с демократией как его политической формой. Однако на практике страна получила продолжительную серию сменяющих друг друга тоталитарных и авторитарных режимов.

Аналогичным образом, согласно замыслу М. Вебера, разработанная им концепция плебисцитарной демократии должна была обеспечивать харизматическому лидеру свободу от сковывающего влияния бюрократии и тем самым – возможность стратегического прорыва в переходных обществах. Поскольку понятия типа «народный суверенитет», «народовластие» и т.п., согласно Веберу, утопичны, немецкий политолог предлагал ограничить роль народа в политическом процессе избранием сильного авторитарного лидера, который в свою очередь должен ограничить дальнейшее вмешательство народа в политику, вместе с тем защитив его от бюрократии. Однако в России 1990-х годов эта концепция была использована как главный механизм легитимации результатов «революции управляющих»[139].

Система, созданная по модели Макса Вебера, может более или менее успешно функционировать, не вырождаясь в чистый авторитаризм, лишь при определённых условиях.

---

[139] Мигранян А. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера: временный политический процесс // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 148-158.

Первое из них – *гражданско-демократический тип политической культуры* вообще *и развитые демократические традиции* – в особенности. Только лидер, который на уровне культурных архетипов впитал уважение к закону и правам граждан, получив на выборах большую власть, способен воздерживаться от того, чтобы узурпировать её целиком. Только граждане, воспитанные в тех же традициях, не позволят избранному ими лидеру это сделать. Поэтому подобная система сравнительно успешно функционирует в США или Франции, но в большинстве случаев рождает авторитаризм в Латинской Америке или в государствах бывшего СССР.

Второе условие – *сильная политическая оппозиция*, имеющая доступ к средствам массовой информации. В противном случае общественным мнением зачастую удаётся манипулировать в направлении, выгодном для правящей политической элиты. Если в предыдущих революциях преобладающими были методы принуждения, включая прямое насилие, то в новейших революциях конца XX в., включая российскую, преобладало именно политическое манипулирование (впрочем, в постреволюционный период оно вновь соединилось с административным ресурсом).

Разумеется, подобные методы широко используются во всех странах, в том числе самых демократических. Однако для России и других стран, переживших новейшую революцию, особую важность имеет как раз смена методов политического управления, их новизна, поскольку в предыдущий период большинство граждан привыкли принимать навязанное им мнение за своё собственное.

Третье и, по-видимому, главное условие эффективности плебисцитарных механизмов – *относительная общественная стабильность*. В обстановке высокой социальной напряжённости, а тем более глубоких политических и экономических кризисов лишь немногие граждане способны сохранить здравый смысл и делать свой выбор вполне осознанно. В революционных же условиях, когда политически активное меньшинство народа, движимое ненавистью к прежней системе и надеждами на лучшую жизнь, с одной стороны, разрушает привычные устои экономического и духовного бытия, а с другой – страдает от возникающего хаоса, избирателям вдвойне труднее принять.

Немаловажно и то, что в такой исторический период новые иллюзии множатся почти столь же быстро, сколь низвергаются старые. Исключающие друг друга результаты референдумов и прямых выборов, с лёгкостью достигавшиеся правящими политическими элитами России и стран СНГ в 1990-х гг., как раз и отражают нестабильность в обществе, зигзаги революции.

Разрабатывая данную концепцию в качестве элемента стратегии антибюрократического прорыва, М. Вебер, во-первых, явно имел в виду не социальную революцию, противником которой он был, но политическую реформу; во-вторых, даже в исторической ситуации реформы риски, связанные с реализацией веберовской концепции (авторитаризм, злоупотребление властью и т.п.), существенно превышают шансы на осуществление прорыва к более высокому типу рациональности.

Всё сказанное относится в основном и к иным плебисцитарным моделям и механизмам легитимации власти, и, в частности, к использованию референдумов при принятии политических решений.

Анализ ситуации в развитых индустриальных странах показывает, что даже при наличии названных выше условий в статистически значимом большинстве случаев референдум выиграет тот, кто его проводит. Если же такие условия отсутствуют, плебисцитарная демократия, которая, на первый взгляд, представляется высшим воплощением народовластия, на самом деле даёт политической элите чрезвычайно широкие возможности манипулирования волеизъявлением народа. Причём данный вид манипулирования с аксиологической точки зрения едва ли не худший, ибо его можно

характеризовать, перефразируя известную формулу К. Маркса, как манипулирование народом посредством самого народа.

Очевидно, что в России и бывших республиках СССР все три описанных выше условия эффективного функционирования механизмов плебисцитарной демократии отсутствуют. Вместе с тем именно на постсоветском политическом пространстве использование этих механизмов приобрело чрезвычайно широкий размах. Так, за 1991 - 2000 гг. на территории бывшего СССР было проведено 111 референдумов и опросов, в т.ч. 1 общесоюзный, 57 республиканских, 9 – в непризнанных республиках, 27 – в автономных образованиях Российской Федерации, 15 – в других субъектах РФ и 2 региональных референдума в субъектах других республик бывшего Союза (в случае вынесения на референдум нескольких вопросов одновременно, референдум по каждому из них рассматривался как самостоятельный политический акт)[140].

Анализ итогов референдумов показывает, во-первых, чрезвычайно высокий процент плебисцитов, выигранных организаторами. Среди исследованных 111 референдумов 83 могут быть однозначно оценены как выигранные инициаторами (74,8%); 21, на которых был получен отрицательный ответ или которые не состоялись, условно могут быть оценены как проигранные (18,9%); в 7 случаях однозначная оценка итогов референдума в категориях «победа» или «поражение» организаторов затруднена.

Во-вторых, выявляется чёткая зависимость последствий референдума от того, соответствовали или не соответствовали намерения его организаторов господствующей исторической тенденции и прежде всего закономерностям революции как исторической ситуации. Помимо описанных выше условий эффективного функционирования плебисцитарной демократии, именно такое соответствие обеспечило, например, правящей политической элите победу в апреле 1993 г. на референдуме по вопросу «Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?» в ситуации колоссального падения производства и жизненного уровня. Именно такое несоответствие обусловило нежелание и неспособность союзной политической элиты обеспечить реализацию результатов референдума 17 марта 1991 г. Особую роль сыграло использование плебисцитарных механизмов при принятии Конституции РФ 1993 г.

Если даже исходить из общетеоретических соображений, совершенно очевидно, что референдум по проекту Конституции в целом, а также по проекту основных её положений «в пакете» является отнюдь не актом сознательного выбора модели общественного и государственного устройства, но всего лишь актом выражения доверия или недоверия правящей политической элите и (или) политическому лидеру:

во-первых, на таком референдуме гражданам по существу предлагается дать единственный ответ на несколько десятков (или сотен) разнородных вопросов, однако с рациональной точки зрения такой однозначный ответ невозможен;

во-вторых, подавляющее большинство населения в любой стране (а тем более в кризисной, революционной России) проектов Конституции вообще не читает, в т.ч. и тех, которые выносятся на референдум;

в-третьих, большинство из абсолютного меньшинства граждан, прочитавших проект Конституции, не имеет достаточной политико-юридической квалификации для его глубокого осмысления.

Однако и вариант референдума по основным положениям Конституции, когда гражданам приходилось бы голосовать за них не «в пакете», а за каждое в отдельности, отнюдь не избавил бы организаторов и население от трудностей, средоточием которых оказывается «вопрос о вопросах» (т.е. о том, какие вопросы выносить на референдум и

---

[140] Автор выражает глубокую благодарность политэксперту А. Глубоцкому за большую помощь в создании базы данных о референдумах.

как их формулировать?), причём эти трудности условно могут быть разделены на три основные группы:

- политико-юридические – в случае весьма вероятного утверждения не всех, а лишь части концептуальных положений новой Конституции, работу над её проектом по сути пришлось бы начинать сначала;
- политико-морального характера – какие именно основы общественного и государственного устройства должны считаться устоявшимися, самоочевидными, и о каких следует спрашивать мнение народа, ставя их тем самым под сомнение (обычно политические элиты выносят на референдум лишь такие вопросы и в таких формулировках, по которым поддержка народа была бы в высокой степени гарантирована, и нет никаких оснований полагать, что российская элита стала бы исключением из этого правила);
- политико- и юридико-технические – даже при подлинном желании не манипулировать населением, а выявить его действительное мнение – весьма сложно найти формулировки, позволяющие получить результат, который нельзя было бы интерпретировать различным образом.

Что касается конкретно-исторических условий принятия российской Конституции в декабре 1993 г., то референдум проводился не только по самой недемократической модели (голосование за Конституцию в целом), но и в ситуации, близкой к чрезвычайному положению, при фактической делегитимизации всех основных институтов государственной власти, что нашло отражение в соответствующем решении Конституционного суда. Действительно, Президент Российской Федерации Б. Ельцин:

- не имел права указом отменить прежнюю Конституцию, однако отменил;
- не имел права распускать Съезд народных депутатов России, однако сделал это;
- не имел права назначать референдум, однако назначил;
- назначил выборы в двухпалатный парламент до того, как конституционное решение о его создании было формально «узаконено» референдумом;
- приостановил деятельность Конституционного суда;
- не имел права указом отменить множество законодательных актов, однако аннулировал их действие;
- не включил в число отменённых законов действовавший закон «О референдуме РСФСР», и, следовательно, даже по революционной (нелегальной, противозаконной) законности этот закон продолжал действовать, а результаты референдума необходимо было определять исключительно в соответствии с ним.

Таким образом, посредством использования плебисцитарных механизмов Конституция РФ приобрела псевдолегальный (псевдозаконный) характер и окончательно установила демократический по форме, но авторитарный по содержанию политический режим. Не случайно в исследованиях по проблемам трансформации российского общества в конце XX в. этот режим определяется как «управляемая демократия», «фасадная демократия», «полудемократия», «мнимый конституционализм», «выборное самодержавие» и т.п. Ни один из 332 авторов, упомянутых в составленной В. Григорьевым и А. Тимкиной библиографии работ по данной тематике, не квалифицирует возникший в России режим как однозначно демократический[141].

Мнение политологов, более или менее соответствует и оценкам организации «Фридом Хаус», относившим Россию в 1990-х гг. к группе «частично свободных», а в середине первого десятилетия XXI в. – к категории «несвободных» стран[142].

---

[141] Гуторов В.А. Современная российская идеология как система и политическая реальность // Полис.- 2001.- № 3.- С. 73.

[142] http://www.ria-arbitr.ru/wrong.htm?id=411

Более того, в период стабилизации и реформирования постреволюционного режима, когда новая политическая элита консолидировалась, а её власть стала достаточно прочной, руководство страны резко сократило сферу и возможность использования механизмов плебисцитарной демократии.

Первым наглядным проявлением этой тенденции стало ***принятие*** в сентябре 2002 г. ***Федерального конституционного закона, запрещающего инициирование и проведение в РФ референдумов*** в период выборов Федерального Президента и Государственной Думы, а также в течение последнего года полномочий этих федеральных органов власти. Учитывая, что инициирование референдума требует определённого времени, а президентские выборы проходят примерно через четыре месяца после парламентских, запрет на референдумы введён примерно на полтора года из каждых четырёх.

За запрет референдума решительно выступили практически все группы новой российской политической элиты. Соответствующий законопроект был поддержан лидерами не только проправительственных фракций Госдумы Третьего созыва («Единство – Единая Россия», «Отечество – Единая Россия», «Народный депутат»), но и партий, относящих себя к демократическим («Союз Правых Сил» и «Яблоко»).

В результате давления на депутатов со стороны правительства и администрации Президента (достаточно отметить, что, вопреки думскому регламенту, голосование по законопроекту проводилось четырежды в течение одного дня) закон был принят сразу в трёх чтениях. Между тем, левые и правые противники ограничения права на референдум (от Г. Зюганова и С. Глазьева до Ю. Афанасьева, С. Ковалёва и С. Юшенкова) указывали на следующие пороки принятого закона:

- *антидемократический характер*. Ограничение права на референдум в период президентских и парламентских выборов явно противоречит мировой практике. В целом ряде стран, напротив, избирательные кампании стремятся совместить с кампаниями по проведению референдума в целях экономии средств и облегчения гражданам политического выбора. До принятия закона право на референдум в России ограничивалось лишь периодами чрезвычайного либо военного положения, а также тремя месяцами после их отмены;
- *двойной стандарт*. В период парламентских выборов 1999 г. бывший Союз Правых Сил активно совмещал избирательную кампанию со сбором подписей в поддержку референдума по четырём вопросам, включая создание профессиональной армии и отмену депутатской неприкосновенности. С другой стороны, по инициативе Администрации Президента и в новый закон была внесена поправка, разрешающая проводить в России референдумы, предусмотренные её международными договорами, например, договором о создании Союзного государства с Белоруссией. Тем самым фактически признавалось наличие различных подходов к референдуму в зависимости от его инициатора.

Вторым доказательством отказа от механизмов плебисцитарной демократии стало ***изменение порядка избрания губернаторов и переход к их фактическому назначению***. Парадоксально, что поводом к принятию данного закона была объявлена «необходимость усиления борьбы с терроризмом»[143]! Однако, как и следовало ожидать, предложение Ю. Лужкова и М. Шаймиева вернуться к выборности губернаторов, «озвученное» в достаточно спокойном 2008 г., встретило жёсткую отповедь со стороны представителей федеральной власти, включая пропагандиста свободы Президента Д. Медведева, и было отвергнуто.

---

[143] Подробнее см. статью автора «Клин – блином!» в приложении к книге

Третье свидетельство ограничения сфер прямой демократии представляет собой ***отказ от мажоритарных выборов***, предложенный также в качестве средства борьбы с терроризмом! В развитии этой инициативы Государственной Думой был принят закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ». Содержание закона хорошо известно:

- отныне выборы в российскую Госдуму проводятся только по партийным спискам. Выборы по одномандатным округам отменены;
- проходят в парламент лишь те партии, которым удалось преодолеть 7-процентный барьер. Прежде он был установлен на уровне 5%;
- если две партии-победительницы набирают менее 60% голосов, к ним присоединяется третья, не набравшая 7%, и так до тех пор, пока искомые 60% не будут набраны;
- министры и губернаторы вправе возглавить федеральный и региональные списки партии, а затем вновь вернуться на свои должности, освобождая места для следующих «списочников».

Сторонники перехода к чисто пропорциональной избирательной системе (т.е. выборам по партийным спискам) ссылаются на зарубежный опыт и утверждают, что она способствует ускоренному формированию мощных политических партий, повышению их ответственности перед населением и т.п. Однако аргументы противников закона представляются куда как убедительнее. Некоторые из них и были «озвучены» автором в Госдуме при обсуждении закона.

Приведу отрывок из собственного депутатского отчета:

«1. Можно до бесконечности спорить о юридических преимуществах мажоритарной (по округам), пропорциональной (по партийным спискам) или смешанной избирательных систем. Нельзя только закрывать глаза на одно обстоятельство: абсолютное большинство стран с пропорциональной системой (за исключением, пожалуй, Бразилии) – это небольшие государства, где действует модель так называемой консенсусной демократии (демократии согласия). Иначе говоря, это страны с сильной оппозицией и богатыми традициями политической культуры, которые впитываются населением, что называется, с молоком матери. В таких странах правящие партии и оппозиция участвуют во власти, принимая главные решения на основе компромисса, а правила «политической игры» всеми соблюдаются неукоснительно. Так, время, предоставляемое партиям в электронных СМИ, как правило, пропорционально их результатам на предшествующих выборах, а во время самих выборов равенство возможностей в эфире отслеживается чуть ли ни с секундомером.

Отечественная ситуация отличается от описанной, как земля от неба: население воспитано в традициях покорности власти, а правила честной политической конкуренции исполняются по известному принципу: закон – что дышло… Напомню, что, согласно рейтингу организации «Репортеры без границ», по уровню свободы печати Россия занимала в 2004 г. 140 место из 167.

Напомню: на последних думских выборах государственные каналы львиную долю времени отдали двум партиям, с той лишь разницей, что одну («Единая Россия») все время «пиарили», а другую (КПРФ) – «мочили», где и как могли, разве что не в популярном с некоторых пор «сортире». Наследники уэлловского «большого брата» со всех экранов дружно утверждали: самый «олигархический» список в Думу представила КПРФ. Лишь через полтора года в газетах был опубликован список из 32 мультимиллионеров в парламенте: 10 – в Совете Федерации, 22 – в Госдуме. Во фракции КПРФ ни одного из них не оказалось, и не удивительно – сумасшедших среди них нет. Кому же хочется подвергаться бесконечным налоговым проверкам, преследованиям прокуратуры, а то и просто разделить судьбу М. Ходорковского? Не зря старая пословица звучит теперь иначе: язык до Краснокаменска доведет. В результате такой демократии, согласно оценкам организации «Фридом Хаус» («Дом Свободы»), Россия впервые в постсоветскую эпоху отнесена к числу несвободных стран (прежде нас относили к частично свободным).

Разумеется, от всех этих фактов можно отмахнуться или указать Западу на его собственные двойные стандарты. В конце концов, чем их «демократия по-иракски» отличается от нашей – «по-чеченски»! Разве что тем, что установлена на чужой территории? Однако про себя мы все равно будем знать, что с политической свободой в стране становится все хуже. Независимо от того, как пропорциональная избирательная система работает на Западе, в современной России политическую свободу она еще больше ограничит.

2. Еще несколько лет назад те самые люди, которые ныне с упоением доказывают нам, говоря словами Пушкина, «необходимость самовластия и прелести кнута», включая государственную важность

принудительной партизации, предлагали вообще отменить пропорциональную систему выборов и перейти исключительно к одномандатным округам. Спрашивается, что произошло? Неужели взгляды мгновенно меняются вместе с партийной принадлежностью? Вступил в одну партию – поменял взгляды; вступил в следующую – опять поменял. Не зря говорят, что это, как женитьба, трудно дается только в первый раз. Искренне сочувствую думским коллегам – партийцам-«многостаночникам», которые первую половину карьеры сделали на коммунизме, а вторую – на антикоммунизме, успев после КПСС побывать в нескольких «партиях власти», включая «Выбор России», «Наш дом – Россия», «Отечество» или «Единство» и, наконец, «Единая Россия».

3. Давно уже перестало быть секретом, что в администрации Президента есть «голубая мечта» – создать в стране искусственную двухпартийную систему по-российски. Одна партия – правящая, «партия Его Величества», но не та, которая имеет власть, а та, которую имеет власть; вторая партия – «оппозиция Его Величества», которая критикует Правительство, «партию власти», но при этом «Его Величество» поддерживает. Другие партии, нежелательные для «Его Величества», предполагается «задвинуть» на обочину политической сцены путем расколов, замалчиваний, попыток «замочить» в эфире и т.п. А для того, чтобы не было никаких случайностей, чтобы члены других партий или беспартийные не мешали держать власть обеими руками сразу, опять-таки необходимо перекрыть все каналы попадания людей с неудобными взглядами в парламент, в том числе и одномандатные округа. Принятый послушной Думой закон разработан как раз под такую, извините за выражение, двухпартийную систему: в наших условиях вполне реально заставить народ проголосовать (или сосчитать голоса) таким образом, чтобы семипроцентный барьер преодолели только две партии, и они же набрали в сумме не менее 60%.

4. Совершенно очевидно, что при новой избирательной системе политическая жизнь страны окажется еще более обезличенной: лидеры «партии власти», как это было и на предыдущих выборах, возглавят федеральный и региональные списки, однако в большинстве своем в парламент не пойдут, но, подобно «паровозам», протащат за собой целый хвост «вагонов» и «цистерн» с неизвестной начинкой. В свою очередь, это приведет к повышению не ответственности политиков, но их безответственности, к новым ограничениям свободы, к дальнейшему отставанию от так называемой цивилизации и созданию архаической политической системы в целом.

99% граждан России ни к каким партиям не принадлежат, а около половины – никаким партиям не доверяют. Однако тех, кто еще окончательно не потерял интереса к политике, принудительно в партии загоняют или только за партии заставляют голосовать. К чему приведут подобные принудительные политические «браки», понять не трудно. Когда конфликты загоняют вглубь, они из парламента переносятся на улицы.

Истинная причина очередной «реформы» – объединение правящей элиты на основе бюрократической идеологии. Суть этой идеологии очень проста: власть построить в «вертикаль», народ уложить в «горизонталь», и пусть «вертикаль» топчется по «горизонтали», как хочет и сколько может»[144].

Четвёртым шагом на пути отмены не только плебисцитарной демократии, но демократии вообще стало ***внесение*** в середине 2005 г. ***изменений в избирательное законодательство*** Федеральным законом от 21.07.2005 № 93-ФЗ. Этими изменениями сделано, кажется, всё возможное, чтобы, во-первых, максимально ограничить гражданам доступ к политическому процессу в его выборных формах и вытолкнуть из этого процесса все неугодные политические силы, и, во-вторых, дать этим силам более чем достаточные юридические основания оспаривать справедливость выборов и их результатов.

Как уже отмечалось, прежними законами были запрещены выборы в Госдуму по одномандатным округам, а численность партий, допускающихся к таким выборам, ограничена «снизу» барьером в 50 тыс. членов. Желающие могут попробовать в таких условиях создать новую партию без гигантских денег или административного ресурса, но готов держать пари один против ста, что результат будет отрицательным.

Закон 2005 г. распространяет уже принятые ограничения на региональные и местные выборы и добавляет к ним новые:

- отныне в выборах не смогут участвовать политические блоки, но только партии. Напомню: именно в виде блоков проходили в парламент следующие ставшие «партиями власти» силы: «Демократическая Россия», «Выбор России», «Наш дом – Россия», «Единство», «Отечество – вся Россия», а также политические силы, «партиями власти» не

---

[144] Смолин О.Н. В интересах омичей – в интересах России. Отчёт и очерки о работе Четвёртой Государственной Думы. М.: ООО «ИПТК» «Логос» ВОС», 2007. – 303-306

ставшие: «Женщины России», блок Жириновского, блок Явлинский – Болдырев – Лукин (будущее «Яблоко»), «Союз Правых Сил», «Родина» и др.

- доля подписей, признание которых недействительными влечёт отказ от регистрации избирательного списка партии, снижена с 25 до 10%. Фактически это позволяет ангажированным избирательным комиссиям при желании забраковать список любой партии, неугодной власти, и не допустить её к выборам;
- с 25% до 20% снижен барьер, позволяющий признавать выборы состоявшимися. При этом субъектам Федерации позволено своими законами ещё более снижать этот порог (или же не устанавливать его вовсе) для выборов в органы местного самоуправления. Позднее порог явки был отменён полностью;
- региональным властям разрешено исключать из бюллетеней графу «против всех». Позднее Федеральным законом она была ликвидирована на всех уровнях. Другими словами, закон специально выталкивает из политики не только нелояльную оппозицию, но и «протестных» избирателей.
- резкое повышение предельного размера избирательного фонда кандидата в президенты – с 250 до 400 млн рублей. Совершенно очевидно, что без поддержки крупного бизнеса, а ещё лучше – так называемых «олигархов» – такую сумму не собрать.

Теория легитимации конфликта как раз и утверждает: чем больше дискуссий в парламенте, тем меньше акций протеста на улицах, и наоборот. Искусственно выталкивая из парламента любую оппозицию и вообще свободную мысль, власть толкает её на протестные, а затем, возможно, и революционные действия. В ситуации, когда большинство активных политиков, представляющих большинство недовольного населения, будут выброшены из легального политического процесса, революционный сценарий становится более вероятным.

Пятым свидетельством отказа от механизмов плебисцитарной демократии стал ***запрет на проведение*** в 2005 г. ***инициированного лево-патриотической оппозицией общероссийского референдума***.

Референдум был задуман как общее дело организаций левой, патриотической и социальной ориентации, причём как политических, так и неполитических. В подготовке его вопросов принимали участие члены политических партий и беспартийные, в том числе первый заместитель Г. Зюганова И. Мельников, лидер движения «За достойную жизнь» С. Глазьев, координатор движения «Альтернативы» А. Бузгалин и автор этих строк. Помимо руководства КПРФ, дали согласие войти в инициативную группу лидер «Родины» Д. Рогозин, председатель Российской ассоциации профсоюзов студентов О. Денисов, люди, представляющие общественные организации ветеранов, чернобыльцев и др.

На референдум было предложено 17 вопросов, которые затрагивали интересы всех и каждого и охватывали все болевые точки современной общественной жизни.

Процитирую вновь собственный отчёт о работе в Госдуме третьего созыва.

«Для удобства избирателя эти вопросы были разделены на три блока.

Первый блок – социальный. Мы хотели спросить мнение народа:

- об установлении минимальной зарплаты и пенсии не ниже прожиточного минимума;
- об отмене закона «о монетизации» и праве человека выбирать между восстановленными натуральными льготами и их достойной денежной компенсации;
- об уровне платы за жилье и коммунальные услуги – не более 10% от доходов семьи;
- об отмене Жилищного кодекса, ограничивающего право человека на жилье;
- о сохранении права гражданина на общедоступное и бесплатное образование;
- об отсрочках от призыва на военную службу и т.п.

Когда «людоеды-экономисты» (именующие себя либералами) трещат на всех каналах, что зарплату и пенсии повышать нельзя, мы предлагаем только одно: поживите-ка сами на 1500 рублей хотя бы в течение трех месяцев – если не поумнеете, то, по крайней мере, похудеете точно. Когда же нам говорят, что квартплата в 10% от доходов семьи – это нереально, напоминаем: в Москве она установлена именно на

таком уровне, а в Азербайджане даже 8%. В советский период плата за трехкомнатную «хрущевку» от доходов моей семьи составляла менее 3% – правда при большой доцентской зарплате.

Второй блок – экономический. В него были включены вопросы:

- о восстановлении государственной собственности на землю за исключением дачных, приусадебных, гаражных и других мелких участков;

- о пересмотре результатов приватизации и сохранении в государственной собственности природных богатств, топливно-энергетического и военно-промышленного комплексов;

- об установлении прогрессивного подоходного налога для тех, кто получает в месяц более 10 прожиточных минимумов, т.е. 25 тысяч рублей.

Помимо защиты государственных интересов и социальной справедливости, этот блок отчасти отвечает на «убийственный», с точки зрения наших противников, вопрос: где взять деньги?

Наконец, третий блок – политический. Мы хотели спросить народ:

- Должны ли власти (от Президента до губернатора) нести ответственность за снижение уровня и качества жизни?

- Вправе ли избиратели отзывать в случае плохого управления всех, кого избрали?

- Следует ли в стране восстановить выборность губернаторов и депутатов по одномандатным избирательным округам?

Особую роль в списке вопросов референдума играет вопрос 17. Он предлагает снять все установленные властью ограничения на проведение референдума за исключением одного: вопрос не должен противоречить действующей Конституции. Уверен: положительный ответ на этот вопрос позволил бы народу выплюнуть политический кляп и заставил власть услышать голос людей.

Как один из инициаторов референдума, хорошо понимал: власть сделает все, чтобы его не допустить. И действительно, Центризбирком разрешил проведение референдума лишь по двум из 17 вопросов: о необходимости сохранения отсрочек от призыва на военную службу, действовавших на 1 января 2005 г., и о том, что не менее половины депутатов Госдумы должны избираться по одномандатным округам. Верховный Суд России, несмотря на бурные споры и голоса, делившиеся почти пополам, подтвердил решение Центризбиркома. Тем самым в очередной раз был развеян миф о «независимости» российских судов от исполнительной власти»[145].

После того, как Центризбирком и Верховный суд не позволили инициаторам референдума его провести, сославшись на то, что основании, что предлагавшиеся вопросы противоречили действовавшему Федеральному конституционному закону, группа граждан – активистов КПРФ, входивших в инициативную группу, обратилась в Конституционный суд. Последний принял Постановление от 21.03.2007 № 3п по делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа. Это Постановление было с воодушевлением встречено в рядах оппозиции, однако, как скоро выяснилось, совершенно напрасно.

В Постановлении, в частности, отмечалось: «в конституционном механизме осуществления народовластия средствами волеобразования и волеизъявления народа являются институты не только непосредственной, но и представительной демократии. Референдум, обеспечивающий непосредственное участие граждан в управлении делами государства и открытость процессов принятия политических решений, легитимизируемых волей народа, не может подменять органы народного представительства».

Этим положением и воспользовались депутаты «Единой России», инициировав и обеспечив принятие Федерального конституционного закона от 24.04.2008 № 1-ФКЗ, который запретил в России референдумы по всем вопросам, отнесённым Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти. При этом автор соответствующей поправки депутат А. Москалец не скрывал, что исходит «*из необходимости усложнения процедуры референдума, для того, чтобы не использовать плебисцит в политических целях*»[146]. И, несмотря на протесты оппозиции, заявлявшей в

---

[145] Смолин О.Н. В интересах омичей – в интересах России. Отчёт и очерки о работе Четвёртой Государственной Думы. М.: ООО «ИПТК» «Логос» ВОС», 2007. – С. 317-319

[146] Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы. – 2008. – 2 апреля

Думе о нарушении её прав и прав всех граждан России, Федеральный конституционный закон был принят голосами 80% депутатов.

Последствия принятия данного закона оцениваются по-разному. Часть юристов полагают, что при строгой трактовке компетенции федеральных органов государственной власти, предусмотренных Конституцией и федеральными конституционными законами, для проведения референдума остаётся значительное политико-юридическое поле. Другие убеждены, что на основании данного закона можно запретить референдум едва ли не по любому вопросу. Например, депутат В. Соловьёв на упоминавшемся пленарном заседании Госдумы указывал на то, что, например, право принимать федеральные законы отнесено к исключительной компетенции Государственной Думы; законы же могут приниматься по любым вопросам, в том числе и по вопросам, предложенным на референдум: «*Таким образом, данная поправка фактически ставит «крест» на возможности проведения любого неугодного партии власти референдума*»[147].

Поскольку политика (по крайней мере, в революционные и постреволюционные эпохи, а тем более – при доминировании подданнической политической культуры) выше права, автор убеждён в обоснованности второй точки зрения. В ближайшее время попытки оппозиции вновь обратиться к идее референдума по ключевым вопросам жизни общества и государства, с высокой вероятностью, её подтвердят. Правящая политическая элита перестала нуждаться в плебисцитарной демократии, а, следовательно, эпоха, когда она была востребована, ушла в прошлое. Возврат к этой форме легитимации власти может произойти лишь в случае осуществления прогноза о незавершённости отечественной революции и неизбежности новых революций.

Запретив референдум и тем самым в очередной раз лишив граждан права цивилизованным путём самим решить ключевые вопросы современной жизни, власть со всей очевидностью противопоставила себя обществу. Однако удивительным образом отношение большинства населения к правящей элите от этого не изменилось.

«С разрывом примерно в два месяца попали мне в руки результаты двух опросов общественного мнения. Один провел, пожалуй, самый известный социолог России Юрий Левада, который имел мужество говорить правду и советской, и антисоветской власти. Опрос показал, какими были бы результаты референдума в России, если бы власть разрешила нам его провести. Второй опрос, проведенный в России компанией «Башкирова и партнеры», выявляет расклад голосов за политические партии на возможных общероссийских выборах. Сравнение этих результатов с результатами голосований в Госдуме по ключевым проблемам жизни большинства граждан поражает: более 1/3 народа по-прежнему намерено избирать тех, кто постоянно голосует против народа»[148].

Сопоставление результатов голосований в Госдуме третьего созыва с итогами опроса, проведённого Левада-центром, наглядно представлено в приложении к книге «Народ за тех, кто против народа?». Между тем, партия «Единая Россия» на выборах 2007 г. улучшила результат почти вдвое (с 37,57% до 64,3%).

3.2. Ограничение полномочий законодательной власти

На последних этапах периода реформ (со второй половины 1988 г. и примерно до второй половины 1990 г.) господствующей тенденцией было движение страны в направлении представительной демократии, а одним из основных требований политической оппозиции стал лозунг: «Власть – Советам». Однако, в соответствии с законами революции, уже в конце реформистского периода в новую мифологию вошли два деструктивных политических мифа, а именно:

1) Советы – антипод парламентаризма;

---

[147] Там же

[148] Смолин О.Н. В интересах омичей – в интересах России. Отчёт и очерки о работе Четвёртой Государственной Думы. М.: ООО «ИПТК» «Логос» ВОС», 2007. – С. 320

2) Всевластие Советов, которое в социалистический период трактовалось как свидетельство нового типа демократии, а затем – как… угрозу новой диктатуры!

Объективный анализ первого мифа показывает, что в действительности Советы – не антипод представительной демократии, но одна из самых радикальных форм её реализации. Историческая драма Советов заключалась не в том, что они были антидемократическим политическим институтом, но как раз напротив, в том, что они были слишком демократичны и в этом отношении превосходили реальные возможности эпохи. В обоих случаях, когда предпринимались попытки реализации концепции советской демократии, в 1917 - 1918 и в 1989 - 1990 гг., наряду с необычайным всплеском народной инициативы, эти попытки дали и массу негативных последствий, причём пороки оказались продолжением достоинств, а достоинства превратились в собственную противоположность:

- демократизм – в популизм, поскольку депутаты, подконтрольные избирателям, легко принимали решения, не обеспеченные организационными и финансовыми ресурсами;
- антибюрократизм – в непрофессионализм, ибо выходцы из народа не владели искусством законодательства и административного управления;
- децентрализация – в «парад суверенитетов», вплоть до суверенитета отдельного уезда или района.

Поскольку аналогичные тенденции в период революционной демократии наблюдались в большинстве стран (например, во французской революции 1789 - 1794 гг. и в европейских революциях 1848 - 1850 гг.), очевидно, что они представляют собой органические пороки не столько советской системы, сколько первоначального этапа демократического развития вообще.

Второй миф заслуживает внимания в силу следующих обстоятельств:

- своеобразной политической устойчивости при противоположном аксиологическом использовании: он входил в мифологию советского и постсоветского периодов, однако если в первом случае власть Советов оценивалась как одно из главных достижений, то во втором – как наследие антидемократического прошлого;
- исторической деструктивности: в первом случае он прикрывал власть «партократии», т.е. партийных органов, а во втором – стремление к установлению нового полуавторитарного режима посредством создания системы суперпрезидентской власти.

Несостоятельна квазиюридическая аргументация данного мифа, включая ссылки на статью 104 Конституции РСФСР (а затем РФ), согласно которой Съезд народных депутатов был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесённый к ведению Российской Федерации. Несостоятельна ввиду того, что:

- ✓ отражая вектор изменения общественных настроений, Съезд народных депутатов России в первые два года своей деятельности последовательно смещался вправо. В политической сфере это проявилось, в частности, в добровольной передаче всё большего объёма полномочий по управлению обществом от представительной власти к исполнительной под лозунгом «разделения властей». Причём в соответствии с логикой революции данный принцип приобрёл содержание, противоположное исходному (ограничение не произвола исполнительной власти, но полномочий парламента, превращение его, скорее, в законосовещательный, чем в законодательный орган);
- ✓ формально присутствуя в Конституции, статья 104 никогда не применялась на практике, поскольку иными статьями были детально прописаны полномочия Съезда народных депутатов, Верховного Совета, правительства, а затем и президента;
- ✓ даже в тех случаях, когда российский парламент принимал решения в полном соответствии с его компетенцией, эти решения исполнялись лишь постольку, поскольку

были совместимы с целями и представлениями околопрезидентской политической субэлиты.

Параллельно ограничению и упадку парламентской ветви власти в России происходило становление суперпрезидентской системы, включая фактическое и юридическое перераспределение в её пользу управленческих полномочий за счёт иных властных структур. При этом президентская власть, в отличие от парламентской, предстала в массовом сознании (или была представлена ему) в форме позитивного мифа, элементами которого стали следующие основные мифологемы:

- иллюзорно-авторитарная, т.е. отражающая массовые авторитарные иллюзии (президентская власть гарантирует порядок в стране);
- квазидемократическая (прямые выборы Президента всеобщим голосованием есть высшая форма демократии, волеизъявления народа);
- псевдогосударственническая (сильный Президент – залог суверенитета («независимости») России;
- псевдореформаторская (сильный Президент – гарант радикальных реформ в России, подобно тому, как это имело место в Чили при Пиночете);
- основанная на ложной альтернативе (авторитарная президентская республика как якобы единственное спасение от диктатуры).

Принятые в мае 1991 г. поправки к Конституции РСФСР нарушили баланс властных полномочий, поставили Президента над парламентом, а правительство вывели из-под контроля парламентариев[149].

В дальнейшем конфликты между двумя ветвями власти, вопреки официальному мифу, развивались не по линии «реформаторы – консерваторы», но между сторонниками революционной ломки прежней системы, сосредоточенными в структурах исполнительной власти, и реформистами, в большинстве своём представленными в структурах власти законодательной: депутаты, по самому их статусу обязанные реагировать на мнение избирателей, не могли с той же скоростью двигаться вправо и принимать «непопулярные» решения, как это делала президентско-правительственная часть политической элиты. Точно так же это были конфликты не между сторонниками президентской и парламентской республики, но между приверженцами (убеждёнными или вынужденными) различных моделей президентской системы (французской, американской и т.п.) и защитниками системы суперпрезидентской.

Конституция 1993 г. с формально-юридической точки зрения резко изменила, а фактически узаконила сложившуюся практику отношений между президентской и парламентской ветвями власти. При этом по сравнению с парламентами индустриально развитых стран, в т.ч. в президентских республиках, ***российский парламент*** оказался, как минимум, ***пятикратно ограничен в правах*** – юридически и практически. Начнём с юридической стороны дела.

Во-первых, российские *парламентарии*, по крайней мере, *дважды ограничены в праве законодательной инициативы.* С одной стороны, согласно статье 104 Конституции РФ, «законопроекты о введении или отмене налогов, об освобождении от их платы, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет Федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства РФ».

---

[149] Об опасности такого подхода на IV Съезде народных депутатов России предупреждали лишь два его участника: автор этих строк и фактический руководитель Конституционной комиссии О.Г. Румянцев, заявивший, что создаваемая президентская система представляет собой смесь французской с латиноамериканской.

До принятия Федерального конституционного закона «О Правительстве» сроки предоставления официальных заключений на проекты федеральных законов нигде не оговаривались, и таких заключений приходилось ждать многими месяцами. К тому же документы, направляемые из правительства в парламент, нередко именовались не заключениями, а замечаниями (либо отзывами) Правительства РФ на такой-то законопроект. Это давало представителю Президента право утверждать на пленарных заседаниях Госдумы, что закон принимается в нарушение 104 статьи Конституции. В настоящее время срок представления Правительством РФ заключений на законопроекты, установлен законодательно, однако эта норма нарушается едва ли не с прежней регулярностью.

Помимо этого само финансово-экономическое обоснование многих законопроектов (без которого не возможно получить официальное заключение правительства) создаёт трудно преодолимые для парламентариев проблемы технического характера. Правительству же эта система оставляет шанс объявить предложенное финансово-экономическое обоснование некачественным и на этом основании отказать в представлении официального заключения.

Приведу наглядный пример из собственного опыта. Внося в Госдуму проект Федерального закона, получивший впоследствии просторечное наименование закона «о монетизации», Правительство РФ приводило в расчётах данные о количестве тружеников тыла. Однако спустя год в ответ на направленный мною депутатский запрос о динамике численности тружеников тыла в стране (в целях разработки законопроекта о предоставлении им дополнительных социальных гарантий) был получен ответ, согласно которому такими данными Правительство РФ не располагает, ибо труженики тыла после 1 января 2005 г. не являются более федеральными льготниками!

Другое ограничение права законодательной инициативы состоит в том, что проект федерального бюджета на очередной год, в котором выражена квинтэссенция экономической и социальной политики государства, не может быть внесён в Госдуму никем, кроме правительства. Следовательно, парламентским комитетам волей-неволей приходится выбирать варианты его частичного исправления, а то и просто ретуширования правительственного экономического курса вместо того, чтобы предложить ему принципиальную альтернативу. Попытки некоторых политических сил («Яблоко», Народно-патриотический союз России и др.) предложить парламенту альтернативные проекты бюджетов по преимуществу были PR-акциями и по Конституции не имели шансов быть рассмотрены Госдумой.

Во-вторых, согласно действующей Конституции, *российский парламент не наделён правом официального толкования* не только *основного закона страны*, но также *федеральных конституционных законов и федеральных законов*. В парламентской практике более или менее развитых стран подобная ситуация – крайняя редкость. По общему правилу, официальное толкование законов дают те, кто их принимает. В России же этим правом наделён лишь Конституционный суд, а фактически законы долгое время трактовались президентом и его окружением, причём сплошь и рядом совершенно произвольно. Конституционный же суд в лучшем случае подтверждал либо опровергал президентскую трактовку по запросам парламента, иногда спустя многие годы. Так было, например, с запросом о правомерности действий президента Б. Ельцина в период первой Чеченской войны, когда Конституционный суд, за исключением четырёх его членов, к удивлению всей страны признал, что президент действовал в пределах своих полномочий.

Излишне говорить о том, что попытки депутатов Госдумы ввести в различные законопроекты нормы о праве парламента толковать принимаемые им законы неизменно отклонялись Президентом России.

В-третьих, ни *российский парламент* в целом, ни Государственная Дума – в частности, *не наделены правом контролировать исполнение законов*. В мировой парламентской практике подобная ситуация также должна быть признана уникальной. В

условиях сколько-нибудь демократической системы контрольная функция входит, так сказать, в «джентльменский набор» полномочий любого законодательного органа. В своё время автор этих строк входил в число разработчиков поправки к статье 102 Конституции РФ, предполагавшей наделение контрольными функциями Совета Федерации как специально созданной «палаты регионов». Однако эта попытка расширить полномочия парламента, как и все другие, закончилась ничем.

Таковы три главных юридических ограничения российского парламентаризма, однако существуют ещё, как минимум, два ограничения фактических.

За редким исключением российский *парламент не в состоянии добиться того, чтобы законопроект стал законом без согласия президента*. Президент же в абсолютном большинстве случаев отклонял законы, направленные на защиту социальных прав граждан. Так, в период президентских полномочий Б. Ельцина из девяти законов в области образования, доходивших до главы государства, с первого раза был подписан лишь один.

Сколько раз в тот же период отклонялись законы, предусматривавшие повышение минимальной зарплаты или минимального размера пенсии, просто не счесть.

Согласно Конституции, для того, чтобы преодолеть вето президента, требуется две трети голосов в обеих палатах парламента. Причём кривая частоты случаев такого преодоления неизменно шла вниз с каждым новым составом Государственной Думы и Совета Федерации. Наиболее высокие показатели в этом отношении имело Федеральное Собрание созыва 1993-1995 гг., когда не только Госдума, но и Совет Федерации избирались непосредственно населением страны. Именно в этот период путём преодоления президентского вето был принят целый ряд законов, с помощью которых депутаты пытались установить дополнительные социальные гарантии для отдельных категорий граждан в качестве своеобразной «подушки безопасности», смягчающей удары невиданного по глубине и длительности в истории мирного времени экономического кризиса.

Второму составу Федерального Собрания преодолевать вето президента удавалось гораздо реже. Во-первых, вопреки мифам о прокоммунистической Думе, общее число депутатов фракции КПРФ и союзных ей Агропромышленной группы и группы «Народовластие» никогда не достигало простого большинства, не говоря уже о двух третях. Во-вторых, состоящий из региональных лидеров Совет Федерации был много более управляемым (чем выборный) с помощью «кнута и пряника» бюджетных трансфертов или отказа от их предоставления.

В Госдуме третьего созыва кривая частоты преодоления президентского вето упала до нуля. В Госдуме четвёртого и пятого созывов правящая партия получила две трети голосов, что достаточно до преодоления вето президента и проведения тем самым самостоятельной внутренней и внешней политики. Однако ситуация изменилась настолько, что подобным образом вопрос никем и никогда не ставился.

Конституционная норма о преодолении вето президента две трети голосов обеих палат парламента в мировой практике отнюдь не уникальна. «Национальная специфика» отечественной политической системы состоит в другом: как иногда говорят, на Западе победившая на выборах партия формирует парламент, а затем правительство, а в России правительство (точнее, администрация президента) формирует парламентское большинство, а затем партию, побеждающую на следующих выборах. Соответственно, согласно известному остроумному замечанию, на Западе партия власти – это партия, которая имеет власть, а в России – это партия, которую имеет власть. Такая инверсия политического процесса является одной из главных причин неполноправного положения отечественного парламента в системе разделения властей.

В 1990-х гг. даже в тех случаях, когда в обеих палатах парламента набирались необходимые для преодоления вето две трети голосов, *долгое время «гаранта Конституции» было невозможно заставить* исполнить её элементарное требование – *подписать соответствующий закон*. В ход шли регламентные ухищрения: депутатов обвиняли то в неоднократном возвращении к голосованию по одному и тому же вопросу, то в неточности формулировок при постановке его на голосование, то в голосовании бюллетенями «не такими, как надо», то вообще считали «по головам». При этом не помню ни одного случая, когда бы подобный «поголовный учет» проводился при рассмотрении в зале законопроектов, внесённых Президентом либо правительством. Зато эта сомнительная процедура каждый раз пускалась в ход, когда парламент пытался преодолеть вето президента либо рассматривал «неудобный» для него федеральный конституционный закон. Понятно, что в IV и V Государственной Думе необходимость в подобной практике отпала, однако невозможно исключить её возобновление в случае изменения расклада политический сил в одном из следующих составов палаты.

Последним по времени свидетельством нарастания авторитаризма в отечественных условиях стали поправки в Конституцию о продлении сроков полномочий президента и Государственной Думы, принятые российским парламентом в «пожарном» порядке (т.е. через 16 дней после «озвучивания» этой идеи в послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г.). Оценивая это событие в контексте постреволюционного политического процесса, необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых, до последнего времени Конституция 1993 г. рассматривалась как «священная корова», не подлежащая изменениям ни при каких обстоятельствах. Данная позиция была подтверждена многочисленными высказываниями президентов Б. Ельцина и В. Путина, а также их представителей в палатах Федерального Собрания.

Во-вторых, предложение о внесении изменений в Конституцию, причём в первом же послании Федеральному Собранию, внёс президент, который частью либеральной интеллигенции рассматривается как либерал.

В-третьих, против этих предложений, т.е. в защиту Конституции, голосовали лишь её противники в Государственной Думе – фракция КПРФ и «примкнувшая к ней» Г. Хованская (в прошлом – «яблочница», а затем – депутат от «Справедливой России»).

В-четвёртых, общеевропейская тенденция состоит не в продлении сроков полномочий парламентов и президентов, но, скорее, в их сокращении. Так, во Франции срок полномочий президента с 2002 г. был сокращён с семи до пяти лет.

В-пятых, при семилетнем сроке полномочий французский президент имел возможность править страной в течение 14 лет. Напротив, простые расчёты показывают, что:

- если продление полномочий будет использовано в интересах В. Путина, срок его правления может составить 20 лет (два срока по 4 года плюс после 2012 г. – два срока по 6 лет);
- если же система выстроена под Д. Медведева, срок его президентских полномочий может составить 22 года (2008-2012 гг. плюс 2012-2018 гг., плюс 2024-2030 гг., плюс 2030-2036 гг.).

В-шестых, очевидно, что при таких сроках полномочий нарастание авторитарных тенденций и коррупции в политической сфере практически неизбежно.

Наконец, в-седьмых, экономическая и политическая ситуация в стране меняется быстро, что требует мобильности власти. Продление сроков полномочий президента и парламента не позволяет политической элите своевременно реагировать на такие изменения. Это с высокой вероятностью приведёт к нарастанию конфликтности в стране. А поскольку легальные способы разрешения конфликтов (в том числе в виде свободных выборов) практически отсутствуют, подобными решениями власть провоцирует те самые

революционные действия, которых, учитывая опыт «цветных революций» в бывших республиках СССР, более всего опасается.

Подводя итоги сказанному, подчеркнём: при действующей Конституции и существующей политико-юридической практике российский парламент никак не может претендовать на статус полноправного законодательного органа, а тем более основной ветви власти. Он лишь способен помочь либо помешать законодательному (но не фактическому) «запуску» тех или иных нововведений в экономической, социальной и других сферах жизни общества. Впрочем, как удачно заметил кто-то из публицистов, в России нет не только четвёртой власти, но также второй и третьей. Эта общая ситуация предопределила и те ограничения возможностей законодательного регулирования образовательной политики, о которых речь пойдёт ниже.

3.3. Провал попыток создания новых политических движений левой и социальной ориентации

Такое крушение стало третьим условием, способствовавшим нарастанию авторитарных тенденций, включая ослабление воздействия парламента на политический курс в целом и на образовательную политику – в частности[150]. В совокупности с ситуационными характеристиками и закономерностями революции это обстоятельство может служить ключом к очередному парадоксу российского политического процесса, а именно: в стране, где, согласно опросам, в ситуации выбора между индивидуальной свободой и социальным равенством до двух третей населения предпочитают последнее, левые постоянно оказывались в меньшинстве в обеих палатах парламента (наивысшее достижение – около 45% в Государственной Думе второго созыва) и регулярно проигрывали президентские выборы.

Действительно, в России 1990-х гг. существовали, по крайней мере, две группы факторов, которые по логике вещей должны были усиливать левые настроения:

1) провал курса экономической политики в духе «шоковой терапии»;

2) особенности национальной ментальности, в которой прочно укоренились представления о социальной справедливости коллективистского и во многом уравнительного характера. Многочисленные представители социогуманитарных наук, различающиеся парадигмальными и политическими воззрениями, в том числе на основе исследований методами контент-анализа, давно сделали вывод о том, что «архетипы» классической российской культуры, включая культуру XIX и начала XX в., ориентированы не на материальный интерес и личное обогащение, а, скорее, на нестяжательскую самореализацию, а иногда – самоотречение в интересах других людей. Пропаганда примитивной рыночной психологии плохо совместима с таким культурным контекстом.

Однако роль названных выше факторов, в иных условиях способных вызвать «левый поворот», в ситуации новейшей российской революции весьма неоднозначна. Так, экономический кризис и связанное с ним обнищание широких слоев населения вызывали, скорее, не леводемократические, но крайне левые (неосталинистские) и крайне правые настроения либо апатию и равнодушие к любой политике. Уравнительные же стереотипы массового сознания, во-первых, были использованы при осуществлении ваучерной

---

[150] Термины «правые» и «левые» употребляются здесь в общепринятом в политической науке всего цивилизованного мира значении: правые в политике ориентируются на большее социальное неравенство, левые — на большее социальное равенство. При таком подходе либералы оказываются в центре политического спектра, социал-демократы, а тем более коммунисты — левее, неоконсерваторы — правее, неофашисты занимают крайне правые позиции. Смолин О.Н. Три трагедии российской демократии. Систематизированный сборник. – М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999. – С. 7

приватизации, и, во-вторых, регулярно провоцируют массовое недовольство не столько нуворишами, воспользовавшимися результатами приватизации, сколько представителями низшего (в лучшем случае – среднего) класса, получающими якобы несправедливо более высокую заработную плату (пенсии, льготы и т.п.).

Прибавим к этому ещё один парадокс: доминирование левой психологии при неприятии левой идеологии. В силу революционного отрицания и ненависти ко всему старому, в постсоветский период широкие слои электората (до 1/3), не голосуют на выборах за левые политические течения, нередко превосходя их лидеров левизной настроений, поскольку не приемлют партийных названий и терминологии, ассоциирующихся с «социалистической» эпохой, но либо вообще не участвуют в выборах, либо голосуют за тех, кого принимают за новую оппозицию левого толка. При этом оппозиционные политические лидеры обычно оцениваются не по позитивной программе, но по остроте критики власти.

В таких условиях, с точки зрения политики вообще и образовательной политики – в частности, необходимость новых массовых движений левой и (или) социальной ориентации обусловливалась как общими, так и конкретно-историческими причинами.

Во-первых, именно конкуренция левых и правых в политике в индустриально развитых странах позволяет находить более или менее соответствующее исторической ситуации решение одной из фундаментальных проблем современной цивилизации – проблемы соотношения индивидуальной свободы и социальной справедливости. Общеизвестно, что в данное время и в данной стране более эффективными могут оказаться управленческие решения, лежащие в русле то более левой, то более правой политики, что и обеспечивает попеременный приход к власти блоков социал-демократического и либерально-консервативного типа.

Однако сколько-нибудь объективный макроисторический анализ показывает, что на длинных «дистанциях» социального развития человечества вектор политического курса заметно смещается влево, к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный» капитализм («потребительское общество») справедливее капитализма первоначального и т.п. Другими словами, вопреки известному мнению Р. Арона, по большому счёту, более эффективное общество в конце концов оказывается более справедливым, и наоборот. Предположение, будто в конце XX в. эта тенденция кардинально сменилась на противоположную, вряд ли обосновано и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Подтверждением данному тезису могут служить и тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью – с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же – с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым «третьим миром». Речь идёт о формировании экономического уклада, основанного на групповой собственности работников или, по крайней мере, на их существенном участии в прибылях и управлении; об относительно высоком среднем уровне жизни; о развитой системе социальных гарантий; об активном экономическом регулировании; об ограничении социального неравенства и т.п. Многие специалисты – от социал-демократов до правых либералов типа Ф.А. Хайека – не без некоторых оснований считают всё это проявлением социализации.

Во-вторых, сильная оппозиция – одно из абсолютно необходимых условий сохранения демократии в политических системах современного типа вообще, а в постсоциалистических странах с переходной экономикой – в особенности. *В России* же *при доминировании правых в политике действительная оппозиция может быть только левой*.

В пользу последнего тезиса свидетельствуют следующие аргументы:

- в области экономической политики отечественная «партия власти», представляя себя центристской политической организацией, как минимум, до 2008 г. проводила праволиберальный (неоконсервативный) курс, по существу совпадающий с идеологией Союза правых сил образца 1990 гг. начала XXI в. («стерилизация» денежной массы, «плоская» налоговая шкала и т.п.). В этом смысле потеря отечественными правыми их электоральной базы выглядит вполне закономерной;
- соответственно, в поисках новой политической ниши российские правые вынуждены были резко сместиться влево, к социал-демократической программе. Не случайно на региональных и федеральных выборах 2006-2007 гг. предложенная СПС программа «Достройка» с точки зрения социальных обязательств едва ли не превосходила обещания «Справедливой России» и КПРФ. Тем самым была признана бесперспективность оппозиции справа в отечественных условиях – быть правее «партии власти» оказалось практически невозможно. Кстати, и ярко выраженные авторитарные тенденции российской политической элиты связаны отнюдь не с попыткой «реставрации» советского прошлого (т.е. так называемого левого поворота), но с её дальнейшим смещением вправо.

Осознавая эти закономерности, и, в то же время, стремясь не допустить усиления действительно левой оппозиции, правящая элита в преддверии парламентских выборов 2007 г. приступила к созданию в России искусственной двухпартийной системы. Роль «оппозиционной» партии в этой системе была отведена созданному на базе «Партии жизни», «Партии пенсионеров» и партии «Родина» новому политическому объединению – партии «Справедливая Россия» во главе с Председателем Совета Федерации С. Мироновым[151].

В-третьих, в России 1990-х гг., переживавшей маятникообразное движение вправо, новые массовые движение левой ориентации были необходимы не только для сохранения политического равновесия, но и потому, что в таких условиях практически все политические течения также оказались сдвинутыми вправо на одну ступень по отношению к их западным аналогам. Коммунисты искали варианты сочетания социал-демократических идей с государственнической идеологией. Социал-демократы тяготели, скорее, к либерализму, чем к социальности. Радикальные же либералы по сути разделяли позиции зарубежных неоконсерваторов, а нередко даже «новых правых».

Наконец, в-четвёртых, идея общедоступного и бесплатного образования, вошедшая в XX в. в число общецивилизационных, по своему смыслу и историческому генезису связана с левой и социалистической идеологией. Соответственно, реальная политическая поддержка законопроектов, направленных на защиту и развитие образования, осуществлялась в парламенте преимущественно депутатскими голосами левых фракций и групп[152].

Однако детерминированная историческими условиями *потребность в создании новых массовых политических движений левой и социальной ориентации в России 1990-х гг. не была реализована* в силу целой совокупности причин не только объективного характера, вызвавших смещение политического курса вправо, но и характера преимущественно субъективного. К последним относятся:

- разочарование широких слоев населения в политике вообще и своеобразная «политическая аллергия» на партийность – в частности, как реакция на полупринудительную партийность в советский период;

---

[151] См. статью автора «Оппозиция второй свежести» в приложении к книге

[152] См главу 14 настоящего издания.

- кадровый дефицит политиков в левой части спектра в силу множества причин, включая попытку многочисленных представителей интеллигенции уйти в бизнес и «капитализировать» способности;
- боязнь руководства официальных профсоюзов на протяжении долгого времени втягиваться в политику, а затем смещение позиций профсоюзного руководства вправо (правее многих лидеров, представляющих интересы национального капитала);
- непонимание значительной частью руководства КПРФ стратегических интересов левого движения в целом, предпочтение им узкопартийных интересов и нежелание «делиться электоратом» с другими движениями левой и социальной ориентации;
- организационная слабость и разобщённость левых активистов вне коммунистического и профсоюзного движения.

Совокупность этих причин предопределила ситуацию, когда большинство возникавших новых движений левой, левоцентристской и социальной ориентации либо остались карликовыми, либо вообще сошли с политической сцены.

Крушение попыток создания новых массовых движений левой и социальной ориентации непосредственно сказалось не только на характере российского политического режима, но также на масштабах влияния парламента на политический курс.

Во-первых, оно облегчило правящей политической элите достижение победы на референдумах и президентских выборах, ибо, создав своим политическим противникам имидж сторонников возврата к прошлому и используя тем самым настроения революционного отрицания, она получила удобную мишень для подконтрольных СМИ и одновременно эффективное средство запугивания населения.

Во-вторых, по тем же причинам и с помощью тех же методов правящей элите удавалось начиная с 1993 г. уменьшить представительство в парламентах депутатов левой и социальной ориентации. В свою очередь, это затрудняло прохождение через парламентскую процедуру социальных законов, и, в частности, законов, направленных на поддержку образования, а тем более – преодоление президентского вето в отношении таких законов.

В-третьих, отсутствие новых массовых движений левой и (или) социальной ориентации, безусловно, ослабляло, с одной стороны, внепарламентскую борьбу за принятие социальных законов (в том числе в области образования), а с другой стороны – давление на представителей власти с требованием исполнения уже принятых законов. Профсоюзы, которые в таких условиях могли бы взять на себя соответствующую роль, в большинстве случаев с нею не справлялись, в том числе и по причине самого характера чисто профсоюзных требований и методов борьбы, предполагающих минимальное вмешательство в политику.

В-четвёртых, и главное: отсутствие названных выше массовых движений при слабой реформированности Компартии было дополнительным фактором, сводившим к минимуму шансы левых получить политическую власть и тем самым принципиально изменить курс экономической и социальной (в том числе образовательной) политики.

Опыт постреволюционного развития государств на территории бывшего СССР и постсоциалистических государств в Восточной Европе показывает, что в соответствии с закономерностями революции как исторической ситуации, несмотря на некоторые колебания политического «маятника», ни одна слабо реформированная и не изменившая названия компартия (за исключением молдавской), власть получить не смогла. Напротив, бывшие компартии, объявившие о переходе на социалистические или социал-демократические позиции, в данном регионе приходили к власти неоднократно (Польша, Литва, Венгрия, Болгария), а то и просто её не отдавали (Узбекистан).

Поскольку же КПРФ, фактически изменив идеологию, сохранила название и основные организационные принципы, единственный способ добиться победы на выборах для левого блока в целом заключался в формировании новых массовых движений названного выше типа. Отсутствие же их в политическом спектре в значительной степени предопределило тот факт, что партии, ориентированные на защиту интересов работников, в т.ч. социальной сферы, на протяжении всего рассматриваемого периода находились в оппозиции и могли лишь в той или иной степени влиять на политический курс, но никак не определять его.

* * *

Таким образом, три проанализированных выше политических фактора, выступавших как зависимые переменные по отношению к ситуационным характеристикам революции как исторической ситуации и детерминировавших, наряду с факторами экономического и культурного характера, нарастание авторитарных тенденций, непосредственно определили формирование в России авторитарно-демократического режима (демократического – по форме легитимации и авторитарного – по характеру функционирования власти), «режимной системы» (Р. Саква), режима «мнимого конституционализма» (по терминологии М. Вебера), или в более современных терминах – «режима управляемой демократии»[153]. Тем самым были резко ограничены пределы влияния законодательства на политический курс вообще и на образовательную политику – в частности.

[153] Выступая в программе «Культурный шок» радиостанции «Эхо Москвы» 27 декабря 2008 г., известный критик и журналист радикально-либерального направления Наталья Иванова заявила, что, по её мнению, уровень политической свободы в современной России ниже, чем был в СССР в 1988 г. (http://www.echo.msk.ru/programs/kulshok/561792-echo/). Не разделяя политических взглядов Н. Ивановой, автор не может не согласиться с такой оценкой существующей политической ситуации.

Глава 3. Предварительные итоги.
Образовательная политика в контексте развития человеческого потенциала

Прежде чем подытожить сказанное в виде кратких выводов, остановимся ещё на одном аспекте проблемы роли образования в современном обществе, который в последние два десятилетия приобрёл чрезвычайно широкий международный резонанс.

§ 1. Человеческий потенциал: понятие, измерения и образовательный компонент

Как известно, понятие «человеческое развитие» и, соответственно, индекс развития человеческого потенциала как метод его измерения были введены, так сказать, в официальный международный научный и политический оборот Программой развития Организации Объединённых Наций (сокращённо – ПРООН) в 1990 г. в Докладе о развитии человека. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) отражает достижения каждой страны в обеспечении трёх важнейших аспектов человеческого благополучия:

1. долголетия, измеряемого как ожидаемая продолжительность жизни;
2. образования, определяемого как комбинация индекса грамотности взрослого населения и степени охвата населения обучения в начальных, средних и высших учебных заведениях;
3. уровня жизни, определяемого величиной реального ВВП на душу населения, т.е. величиной, переведённой в доллары с помощью паритета покупательной способности.

Достижения в каждой из этих трёх областей сначала оцениваются в процентах от некой идеальной, ни в одной стране ещё не достигнутой ситуации:

1. продолжительность предстоящей жизни при рождении – 85 лет;
2. грамотность и охват населения образованием всех трёх ступеней на уровне 100%;
3. реальный ВВП на душу населения на уровне 40 тыс. долл.

Затем вычисляется простое среднее из этих трёх индексов[154].

Важно отметить: официальное международное признание концепции человеческого потенциала фактически означает отказ от односторонне сформулированных целей общественного развития и односторонних экономических критериев его успешности (например, ВВП на душу населения). Напротив, эта концепция провозглашает в широком смысле слова благосостояние человека основой и единственной целью такого развития.

«Оказалось, что массовая удовлетворенность населения жизненной ситуацией не только не связана положительной корреляцией с ВВП, – пишут, например, Ф.М. Бородкин и А.С. Кудрявцев, – но в последние 10-15 лет, например, в США и Канаде, эта корреляция имеет отрицательный знак и статистически достоверна. Именно поэтому во многих странах государственная статистика для характеристики благосостояния своей страны в сравнении с другими странами, а также в межрегиональных сравнениях стала опираться главным образом на расчеты ИЧР (*индекса человеческого развития – прим. автора*) и некоторых других индикаторов, а оценка благосостояния через ВВП подвергается резкой критике»[155].

---

[154] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1995-й. М.: Изд-во Academia, 1996. – С. 58

[155] Бородкин Ф.М., Кудрявцев А.С. Человеческое развитие и человеческие беды // Бюллетень Российской социологической сети. http://www.socio.ru/wr/1-03/Borodkin.htm.
Falk I., Harrison L. Indicators of social capital: Social capital as the product of local interactive learning processes. 1998. Centre for Research and Learning in Regional Australia. www.crlra.utas.edu.au

Процитируем справочное издание: «ИРЧП не является показателем, который может быть максимизирован обычным способом, т.е. допуская отставание какого-то "малозначимого" компонента. Концепция человеческого развития исходит из стремления к сбалансированности различных измерений и отрицает целесообразность какой-либо избыточности. При этом главной задачей вычислений ИРЧП является не определение его величины как таковой, а ранжирование на его основе различных стран и сопоставление рейтинга стран по ИРЧП и ВВП на душу населения. Если рейтинг по ИРЧП выше, чем по среднедушевому ВВП, это позволяет судить о большей ориентированности экономики страны на цели человеческого развития, и наоборот <…> Вне зависимости от уровня экономического развития (будь это индустриальные или развивающиеся страны) к странам с высоким уровнем человеческого развития относятся те, в которых ИРЧП > 0,8; к странам со средним уровнем человеческого развития – те, в которых 0,5 < ИРЧП < 0,8; к странам с низким уровнем человеческого развития – те, в которых ИРЧП < 0,5»[156].

Разумеется, само понятие ИРЧП, его компоненты и методика расчёта остаются предметом научных и публицистических дискуссий. Во время научных конференций автору не раз приходилось слышать, например, заявления экспертов в области образовательной статистики, утверждавших, что плюс-минус два десятка мест в рейтинге индекса образования, рассчитанном по методике определения ИРЧП, мало что означают в реальности. Согласиться с подобными утверждениями вряд ли возможно, во всяком случае до тех пор, пока они не будут обоснованы серьезными доказательствами.

Напротив, заслуживает внимания критика некорректного использования понятия ИЧР, содержащаяся в статье Ф.М. Бородкина, А.С. Кудрявцева: «Иногда в публикациях встречаются попытки использовать ИЧР для такой оценки положения региона, будто индекс измерен в интервальной шкале (например, утверждается, что уровень человеческого развития такой-то страны во столько-то раз превосходит уровень развития некоей другой страны, но такие утверждения заведомо не верны)»[157].

Далее авторы цитируемой статьи высказывают предположение (на наш взгляд, дискуссионное), согласно которому, инструменты, применяемые для измерения ИЧР, применимы главным образом в периоды стабильного развития, «когда состояние (плохое или хорошее) можно оценивать как устойчивое или когда гладкий переход от одного состояния к другому происходит без срывов и резких подъемов»[158]. Соответственно, чтобы исправить этот недостаток ИЧР, авторы предлагают своего рода контриндекс – индекс социальных или человеческих бед. При этом под социальной бедой понимается «такое состояние социальной среды и (или) такие массовые регулярные события, которые оказывают или могут оказывать на людей… отрицательное влияние или грозят отрицательными последствиями»[159].

Справедливо полагая, что социальные беды могут быть (но не обязательно являются) отрицательными коррелятами позитивных социальных изменений (человеческого развития), авторы подразделяют их на три типа:

1) универсальные, т.е. присутствующие в обществе постоянно (преступность, распространение социальных болезней, загрязнение окружающей среды сверх предельно допустимых норм, детская беспризорность, отсутствие возможности зарабатывать на жизнь хотя бы на минимальном пределе, бездомность и т.п.);

2) переходные, характерные именно для катастрофического переходного периода (структурная безработица, теневая занятость, налоговая преступность и др.);

---

[156] Словарь гендерных терминов. www.owl.ru/gender/087.htm
[157] Бородкин Ф.М., Кудрявцев А.С. Указ. соч.
[158] Там же.
[159] Там же

3) связанные с конкретным социальным устройством. Например, в странах с коммунистическими режимами запрет на частную собственность, деловую активность, цензура и пр.[160]

Далее, опираясь на регулярно получаемые государствами статистические данные, авторы вводят индексы социальных бед:

- композитный индикатор безработицы (КИБ);
- индикатор социальных болезней (ИСБ);
- индикатор уровня загрязнения (ИУЗ);
- индикатор уровня криминогенности (ИУК)[161].

Разумеется, предложенная классификация социальных бед, а равно и избранные для их измерения индексы, могут и должны стать объектом критики. Совершенно не понятно, например, с какой стати налоговая преступность отнесена к бедам переходного типа (ведь она существует с тех пор, как возникли сами налоги), а цензура – к отличительным признакам коммунистических режимов (а не любых режимов тоталитарного и авторитарного типа). Точно также не ясно, по каким причинам в число индикаторов социальных бед не попал, например, уровень социального неравенства или неравенства прав вообще, а также уровень культурно-информационного манипулирования населением (например, количество сцен насилия в единицу телевизионного времени).

Однако сама идея корректировки ИЧР как индекса позитивных достижений индикаторами, характеризующими «негатив» современного общества, выглядит более чем обоснованной. Тем не менее при правильной интерпретации использование индекса человеческого развития представляется вполне обоснованным в социальных исследованиях вообще и в исследованиях образовательной политики – в частности.

Оставляя в стороне ещё только разворачивающуюся в научной литературе дискуссию о соотношении человеческого потенциала и человеческого капитала[162], примем в качестве рабочей гипотезы идею, согласно которой человеческий капитал в широком смысле этого слова представляет собой не что иное, как человеческий потенциал, приведённый в действие и подчиняющийся закону самовозрастания, т.е. приводящий к дальнейшему наращиванию человеческого потенциала[163].

Как показывают специальные исследования, ведущая роль в формировании человеческого потенциала и человеческого капитала принадлежит именно его образовательной составляющей:

- по различным оценкам, эта составляющая образует от 60% до 80% всего человеческого капитала[164];
- хотя исторически уровень образования представителей общественной группы, как правило, определялся уровнем её доходов, в современном обществе данная причинно-следственная связь всё более превращается в свою противоположность: образование и

---

[160] Там же

[161] Там же.

[162] Различные концепции человеческого капитала систематизированы в работе: Анишин Е.В. Человеческий капитал как совокупность социально-экономических отношений. Автореф. дис… канд. эконом. наук. Чебоксары, 2006. – С. 3-4.

[163] Такая трактовка является социально-философским аналогом экономической интерпретации человеческого капитала В. Щетининым, который в широком смысле рассматривает его «как социально-экономическую форму нынешнего качества человеческого потенциала в масштабах всего общества. Этот потенциал <…> становится капиталом, включаясь в производство» (Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. - № 12. – С. 49).

[164] Анишин Е.В. Указ. соч. – С. 11

повышение его уровня становятся основой роста доходов, а более образованные люди, как правило, оказываются и более обеспеченными[165];

• образованность непосредственно, хотя и не решающим образом, сказывается на долголетии: образованные люди в среднем живут дольше, а разрыв в продолжительности жизни между женщинами и мужчинами у лиц этой группы существенно меньше, чем у людей с более низким образованием[166].

Обобщая, заметим: роль образовательной компоненты человеческого капитала столь велика, что, по мнению ряда авторов, среди всех его составляющих только она отвечает всем свойствам категории «капитал»[167]. Иногда в качестве рабочей гипотезы формулируется следующее утверждение: образовательная политика в широком смысле этого слова формирует человеческий потенциал и далее – человеческий капитал, тогда как политика в области образования – по преимуществу, интеллектуальный потенциал и далее – интеллектуальный капитал[168]. Однако с такой позицией можно согласиться лишь при том условии, если во втором случае образование будет отождествлено с обучением без учёта его воспитательной компоненты, которая по сути дела является главной.

Между тем, приходится констатировать явное несоответствие между официальными заявлениями российских политических лидеров о важности развития человеческого потенциала и человеческого капитала в стране, с одной стороны, и отечественными показателями ИРЧП – с другой.

Так, выступая 9 февраля 2007 г. перед членами Общественной палаты первый вице-премьер правительства РФ Д. Медведев сконцентрировался на развитии человеческого капитала, констатировал успехи реализации «приоритетных национальных проектов» и утверждал: «*прямой задачей любого демократического государства является создание благоприятных условий для развития и самореализации людей, для развития того, что несколько наукообразно именуется человеческим капиталом*»[169]. Позднее на итоговом заседании президиума Госсовета по реализации нацпроектов и демографической политике 25 декабря 2007 г. кандидат в президенты Д. Медведев заявил ещё определённее: «*Наша позиция состоит в том, что свободный, образованный, здоровый человек – это главное, что определяет развитие страны и ее перспективы*»[170].

Однако данные международных докладов о развитии человеческого потенциала свидетельствуют: несмотря на формально высокие темпы экономического роста, несмотря на гигантские финансовые ресурсы, сосредоточенные в руках федерального правительства, несмотря даже на абсолютный рост некоторых составляющих ИРЧП (например, индекса благосостояния), в целом относительно других стран человеческий потенциал России становится ниже.

Международные измерения человеческого потенциала в советский период автору не известны, но есть основания полагать, что если бы они проводились, страна оказалась

---

[165] В постсоветской России эта зависимость также прослеживается, несмотря даже на дискриминационную политику в отношении заработной платы интеллигенции и других «бюджетников», проводимую правящей политической элитой, о чём речь пойдёт ниже.

[166] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. М.: Весь Мир, 2004. – С. 71.

[167] См., например: Анишин Е.В. Указ. соч. – С. 11

[168] Существует и иная точка зрения, согласно которой интеллектуальный капитал включает в себя человеческий капитал, организационный и потребительский капитал (См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. М.: Весь Мир, 2004. – С. 14)

[169] Цит. по: Стенограмма выступления Первого заместителя Председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева на заседании Общественной палаты 9 февраля 2007 г. www.viperson.ru/wind.php?ID=276504

[170] Цит. по: www.v938.info/government/Dmitrii-Medvedev-Svobodnyi-obrazovannyi-zdorovyi-chelovek-glavnoe-chto-opredeljaet-razvitie-strany

бы в лидирующей группе – скорее всего, вошла бы в десятку лучших[171]. Косвенным подтверждением служит тот факт, что в кризисных 1991-1992 гг. Россия заняла по индексу человеческого развития 34-е место в мире[172] – так велик был запас прочности, а уже в 1995 г. опустилась на 72-е место в мире[173]. При этом в 1999 г. (в следующем после второго издания кризиса в 1998 г.) страна по ИРЧП заняла 55-е место[174].

А затем происходит «экономическое чудо наоборот». Достигнув в 1998 г. дна кризисной пропасти, с 1999 г. страна переживает экономический рост – в основном нефтегазовый. И тем не менее в денежном выражении экономика прибавляет в среднем по 6 - 7% в год. Начиная с 2001 г., доходы бюджета страны превосходят его расходы, причём на астрономические суммы. А по человеческому развитию РФ всё больше отстаёт от других государств. В 2004 г. Россия по этому показателю опустилась на 65-е место в мире[175], а в 2005 г. – на 67-е[176]. Впереди периодически оказывались такие страны, как Беларусь (53-е место в 1999 г. и 63-е место в 2005 г.), Куба (50-е место в 2004 г. и 51-е место в 2005 г.) и Ливийская Арабская Джамахирия (64-е место в 2004 г. и 56-е место в 2005 г.).

Что касается слагаемых индекса человеческого развития, то картина выглядит следующим образом.

Показатели России в международных исследованиях по развитию человеческого потенциала[177]

Годы	Благосостояние		Долголетие		Образование	
	ВВП на душу населения	Место	Индекс	Место	Индекс	Место
1992	$ 6140	51	0,71	90	0,89	36
1999	$ 7473	55	0,69	98	0,92	29
2004	$ 9902	55	0,67	114	0,95	15
2005	$ 10 845	56	0,67	119	0,96	26

Данные, сведённые в таблицу, позволяют утверждать, что в 1991-2005 гг.:

---

[171] По мнению руководителя Центра «Человеческий и социальный капитал» Федерального института развития образования М.Б. Зыкова, если бы ИРЧП подсчитывался в 1970-1980 гг., то СССР наверняка был бы в первой десятке стран, а, исходя из оптимистического прогноза, мог бы претендовать и на третье место в мире.

Хотя ИРЧП начал рассчитываться только в 1990 г., данные за предыдущее годы могут быть получены путём применения математических расчётов с помощью следующих показателей, опубликованных в «Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1999 год» (М.: Права человека, 1999): средняя продолжительность жизни граждан в СССР в 1987 г. составляла 70,2 года; коэффициент суммарной рождаемости в России в 1970 г. был 1,88; по показателям смертности и продолжительности жизни СССР ещё в начале 1970-х гг. вполне мог конкурировать с большинством промышленных стран. При расчётах подушевого дохода (от деления суммарного ВВП на количество жителей страны) стоит помнить, что бюджет СССР на 85% был военным. Следовательно, 15% было достаточно, чтобы решать все социальные проблемы населения в 280 млн. человек.

[172] Отчет по человеческому развитию 1994. Нью-Йорк: ПРООН, 1994. – С. 129-131

[173] Доклад о развитии человека за 1998 год. Нью-Йорк Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 1998. – С. 130-132

[174] Доклад о развитии человека за 2001 год. Нью-Йорк Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 2001. – С. 141-144

[175] Доклад о развитии человека 2006. М.: Изд-во «Весь мир», 2006. – С. 283-286

[176] Доклад о развитии человека 2007/2008. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – С. 229-233.

[177] Подготовлено на основе материалов: Отчет по человеческому развитию 1994. Нью-Йорк, ПРООН, 1994. – С. 129-131; Доклад о развитии человека за 1995 год. Нью-Йорк Оксфорд: «Оксфорд юниверсити пресс», 1995. – С. 155-157; Доклад о развитии человека за 2001 год. Нью-Йорк Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 2001. – С. 141-144; Доклад о развитии человека 2006. М.: Изд-во «Весь мир», 2006. – С. 283-286; Доклад о развитии человека 2007/2008. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – С. 229-233.

1) индекс благосостояния вырос в абсолютном выражении более, чем в полтора раза, однако опустился в относительном (с 51 до 56 места). Другими словами, Россия существенно отставала от среднемировых темпов роста уровня жизни;

2) кривая индекса образования в абсолютном выражении также шла вверх, противоречиво изменяясь на фоне общемировых тенденций (например, опустившись с 15 места в 2004 г. на 26 место в 2005 г.);

3) падение индекса долголетия в абсолютном и относительном выражениях имеет катастрофический характер, причём парадокс состоит в том, что эта тенденция в годы экономического роста даже усиливается (см. ниже данные Росстата за 2005-2006 гг.).

Сошлюсь и на другие данные, которые приходилось видеть в печати.

Когда в конце советского периода стала публиковаться информация о социальных показателях нашей страны, граждане с некоторым разочарованием узнали, что, согласно различным измерениям, на шкале уровня жизни СССР занимает места от 19-го до 32-го. В последние годы такие же измерения дают нашей стране от уже упоминавшегося 56-го до 102-го места.

*Советский Союз не стал лидером по продолжительности жизни, но не был и в числе отстающих. В конце 1980-х гг. по этому показателю страна соответствовала среднеевропейскому уровню. По заявлению М. Зурабова в Госдуме, в 2005 г. по долголетию российские женщины оказались на 91-м месте в мире, мужчины – на 136-м. Тот же М. Зурабов на пленарном заседании Госдумы 23 марта 2007 г. прямо связал низкую продолжительность жизни в России с уровнем бюджетных расходов. Цитирую: «*В последнее время мне достаточно часто приходится слышать вопрос о том, достаточно ли средств выделяется на финансирование государственных гарантий… бесплатной медицинской помощи в Российской Федерации. Должен вам сказать абсолютно ответственно, что средств достаточно, если мы предполагаем, что мужчина… будет доживать до 59 лет. Но если… в качестве одного из приоритетов будет сформулирована задача существенного увеличения продолжительности жизни…, то… это другие объёмы финансирования*»[178].

Судя по официальной информации из Федеральной службы государственной статистики, продолжительность жизни, несмотря на все заявления властей по поводу «экономического чуда», по-прежнему падает:

- женщины: 2005 г. – 72 года, 2006 г. – 70 лет;
- мужчины: 2005 г. – 58 лет, 2006 г. – 56 лет[179].

Другие международные исследования показали, что в последние годы по качеству жизни Россия занимала места от 73-го до 151-го[180], по экономической свободе – 120-е, а по так называемому индексу счастья (т.е. по удовлетворённости человека жизнью) – 167-е[181].

Возвращаясь к докладам ПРООН о развитии человека, заметим, что в последние годы в них введён ещё один показатель: рейтинг ВВП на душу населения минус рейтинг ИРЧП. Согласно последнему Докладу о развитии человеческого потенциала[182], рейтинг

---

[178] Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы. 23 марта 2007 г.

[179] Письмо Росстата ИУ-04-11/434 от 12.02.2007.
Однако на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru) размещена иная информация: продолжительность жизни мужчин не уменьшилась, но увеличилась с 58,87 лет в 2005 г. до 60,37 лет в 2006 г, женщин (в те же годы) – с 72,4 лет до 73,23 лет. См.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d01/04-23.htm и http://www.gks.ru/free_doc/2007/demo/smert.htm. Хотел бы ошибиться, но начавшийся в конце 2008 г. кризис, с высокой вероятностью, внесёт негативные изменения и в эту статистику.

[180] Дмитриева О.Г. Курсом на Кирибати // Коммерсант. – 2006. – 2 ноября

[181] Что такое счастье: Уайт and black / Прямые инвестиции. – 2006. – № 10. – С. 20.

[182] Доклад о развитии человека 2007/2008. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – С. 230.

России по этому показателю в 2005 г. был на 9 позиций хуже её рейтинга по объёму валового внутреннего продукта на душу населения[183]. В переводе на русский язык это подтверждает известную до банальности мысль: ресурсы страны в интересах человека используются плохо.

Таким образом, в современной России образовательная политика остаётся ключевым направлением повышения человеческого потенциала и его превращения в человеческий капитал. Именно и только она позволяет переломить тенденцию к нарастающему отставанию в этом отношении от наиболее передовых стран мира.

[183] Книга была уже подготовлена к печати, когда появился новый «Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие». М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. Данные, фигурирующие в нём, были собраны в 2007 г., до начала мирового экономического кризиса. По материалам Доклада, в 2007 г. Россия оказалась на 71 месте в мире по индексу ИРЧП (0,817), что ниже уровня 1990 г. (0,821). ВВП на душу населения – $ 14 690, что соответствует прежнему 56 месту в мире. Индекс долголетия – 0,686, что позволило занять только 124 место. Индекс уровня образования – 0,933, в соответствии с которым страна опустилась на 41 место в мире. Рейтинг ВВП на душу населения минус рейтинг ИРЧП в 2007 г. оказался уже на 16 пунктов ниже.

§ 2. Концепция опережающего развития России на базе образовательной и научно-инновационной политики

С учётом всего сказанного в первом разделе в предварительном порядке представляется возможным сделать следующие выводы[184].

1. ***При попытке осуществить догоняющую модернизацию Россия имеет высокие шансы «отстать навсегда»*** (т.е. на весь обозримый исторический период) ***от группы государств так называемого золотого миллиарда***. Аргументы в пользу такого вывода сводятся к следующим.

1.1. Нарастание отставания от наиболее развитых стран в последние годы советского периода в связи с неспособностью «административно-командной системы» освоить новый виток технической революции. Согласно некоторым экспертным оценкам, на стадии экстенсивной индустриализации (вторая половина 1920-х – середина 1960-х гг.) СССР развивался более высокими темпами по сравнению со странами Запада, с середины 1960-х до середины 1970-х гг. эти темпы были примерно одинаковыми, а после этого отставание нарастало вплоть до экономического кризиса конца 1980-х гг.

1.2. Качественно новый уровень отставания России от «цивилизации» (т.е. группы наиболее передовых стран) в постсоветский период. Помимо уже упоминавшегося заявления А. Кудрина о том, что по объёму ВВП Россия достигла 1990 г. в 2007 г., обращают на себя внимание интегрированные показатели, дающие представление об отечественном уровне социального развития[185].

В соответствии со стандартными стереотипами, использовавшимися в рамках политической агитации, в 1990-х гг. граждане России «обменяли колбасу на свободу». Однако и эти данные не подтверждаются исследованиями международных организаций. Между тем, согласно докладам организации «Репортёры без границ», в последние годы место России в рейтингах свободы информации выглядит следующим образом:

2002 г. – 122 место из 156 стран;

2003 г. – 121 место из 139 стран (рядом с Пакистаном, Ираном и Зимбабве);

2004 г. – 140 место из 167 стран (между Мавританией, Украиной и Конго – теперь Украина далеко впереди);

2005 г. – 138 место из 167 стран (между Ираком и Филиппинами);

2006 г. – 147 место из 168 стран (между Сингапуром и Тунисом);

2007 г. – 144 место из 169 стран (рядом с Афганистаном, Йеменом, Тунисом и Руандой)[186].

Упоминавшийся выше парадокс о вхождении в цивилизацию по попятной траектории, таким образом, проявился отнюдь не только в сфере образовательной политики.

1.3. Сохранение сырьевого характера российской экономики и относительно низкие темпы её развития. Благодаря исключительно благоприятной мировой конъюнктуре цен на сырьё и энергоносители, в первое десятилетие XXI в. экономический рост в России немного превышал его среднемировой уровень, существенно – уровень США и Евросоюза. Однако этот рост по-прежнему ниже, чем во многих странах СНГ, в полтора раза ниже, чем в Китае, а отставание России от развитых стран по физическому объёму ВВП продолжает увеличиваться.

1.4. Сочетание демографической и геополитической катастроф, угрожающее ликвидацией государственности в её современных границах.

---

[184] Более подробно некоторые идеи данной главы будут изложены в § 3 главы 16 и в главе 19 книги.

[185] См. § 2 главы 1

[186] www.rsf.org

Поскольку об этих и других множественных катастрофах подробно говорилось выше[187], прибавим лишь следующее.

При сокращающемся населении, сырьевой экономике и технологическом отставании от наиболее передовых стран Россия практически обречена на то, чтобы стать объектом борьбы за сферы влияния между ними, причём борьбы тем более острой, чем острее будет ощущаться дефицит стратегических запасов сырья, потепление климата и перемещение благоприятных для жизни зон на север, а также перенаселение планеты. Заслуживает серьёзного внимания мнение ряда экспертов о том, что для научно-технологического прорыва у страны остаётся 25 - 30 лет исторического времени. В случае же консервации наличных тенденций развития Россия с высокой вероятностью сменит роль одного из ведущих «игроков» международной политики на роль «болвана в польском преферансе» (говоря словами героя известного фильма), или, в терминологии «Великой шахматной доски» З. Бжезинского, на роль лёгкой фигуры, которую всегда можно разменять или принести в жертву.

2. Практически ***единственным для страны шансом сохраниться в качестве великой державы и занять достойное место среди передовых народов и государств остаётся путь опережающей модернизации***, главным локомотивом которой способна выступить, как было показано выше, образовательная и научно-инновационная политика. В свою очередь, двумя основными условиями выхода страны на траекторию опережающего развития следует признать:

а) отказ от организационно-управленческих революций в образовательной и научной сферах (повторим: сохранение накопленного потенциала в данном случае важнее реформирования);

б) «отрицание отрицания», т.е. принципиальное изменение революционного и постреволюционного курса в широком спектре направлений внутренней политики государства, в том числе:

- поддержка не сырьевых, но высокотехнологичных отраслей отечественного производства. Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и задаст вектор модернизации страны;
- стимулирование развития таких форм собственности, которые обеспечивают участие работников в распределении полученного дохода и управлении производством. Одна из возможных моделей в своё время была предложена знаменитым врачом и политиком Святославом Фёдоровым в Федеральном законе «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» от 19.07.1998 № 115-ФЗ, который в Госдуме второго созыва получил поддержку не только левой оппозиции, но и многих депутатов проправительственной ориентации. Это также потребует от работника повышения уровня образования, причём не только профессионального, но и общего, в том числе гражданского;
- система налогообложения, направленная одновременно на стимулирование развития высоких технологий и ограничение социального неравенства, которое в России превзошло критические для национальной безопасности показатели. При этом доходы от инновационной деятельности должны облагаться иначе, чем от добычи и вывоза сырья, доходы академических коллективов – иначе, чем шоу-бизнеса, а доходы, используемые гражданами на получение образование, в отличие от затрат на престижное потребление, – не облагаться вообще. Всё это имеет не только экономическое значение (фактически дополнительные инвестиции в новейшие виды производства и развитие «человеческого капитала»), но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно придаёт приоритетное значение);

[187] См. § 2 главы 2

• регулирование оплаты труда, при котором её уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человеческого потенциала (образование, медицина, наука, культура и т.п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства. Это не только остановит отток квалифицированных кадров из «бюджетной сферы», но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счёт создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

• реализация принципа: коммерческому искусству – коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и классическому искусству – низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство. Прямое законодательное предписание государственным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, – предписание, подкреплённое налоговыми льготами для всех средств массовой информации в части реализации ими образовательных программ. В этом случае «четвёртая власть» активно способствовала бы не деградации и дегуманизации личности, но её просвещению и развитию, повышению престижа образования.

Разумеется, масштабное изменение внутриполитического курса государства предполагает принятие и реализацию специальной программы опережающего развития образования и науки[188]. Подробнее о попытке разработки и законодательного утверждения такой программы в виде национальной доктрины образования речь пойдёт в главе 19 книги.

3. Ключевой ***проблемой остаётся вопрос о формировании политического субъекта опережающей модернизации***. Тем более, что и в данном отношении для отечественной исторической ситуации характерен следующий парадокс: чем более острой становится общественная необходимость в таком субъекте, тем больше политико-юридических препятствий для его формирования создаётся властью.

С высокой вероятностью можно утверждать, что политическим субъектом опережающей модернизации не может быть существующая «партия власти», которая в постсоветскую эпоху сменила несколько названий, однако в сущности осталась прежней.

Эта партия, во-первых, в строго политологическом смысле представляет собой, скорее, клиентелу и не имеет собственного политического лица.

Во-вторых, как будет показано в главе 14, парламентские фракции этой партии регулярно имеют самый низкий рейтинг поддержки образования.

В-третьих, в тех случаях, когда собственные идеологические ориентации части политической элиты, объединённой в «партию власти», всё же проявляются, они оказываются право-консервативными, а отнюдь не «центристскими»[189]. Между тем, в индустриально развитых странах значение образования для модернизации страны и лозунг «Образование – для всех» более последовательно отстаивают партии левой и левоцентристской ориентации, хотя и в программах правых образование представлено в качестве общецивилизационной ценности.

Наконец в-четвёртых, единственным случаем, когда не имеющая собственной идеологии отечественная «партия власти» могла бы активно поддержать программу опережающей модернизации, представляется историческая ситуация избрания Президентом страны сторонника такой модернизации либо политика, представляющего

---

[188] Один из вариантов такой программы представлен автором в статье «Образование – для всех» // Народное образование. – 2005. – № 5. – С. 9-19.

[189] Неслучайно в своё время Председатель Комитета Совета Федерации по международным делам М. Маргелов заявил о намерении «Единой России» устанавливать тесные связи именно с консервативными партиями Европы.

интересы высокотехнологичного (хайтековского) и социально ориентированного бизнеса. Однако подобная ситуация крайнее маловероятна:

- наиболее крупные отечественные компании имеют сырьевой характер, причём именно в советах директоров этих компаний занимали или занимают должности представителей государства наиболее высокопоставленные отечественные чиновники (Д. Медведев – в совете директоров «Газпрома», И. Сечин – «Роснефти» и т.п.). Это во многом объясняет, почему социально ориентированный бизнес в России, в отличие от индустриально развитых стран, практически не пользуется налоговыми льготами и иными преференциями. Помимо этого он законодательно лишён возможности участвовать в финансировании избирательного процесса[190];
- созданная отечественной политической элитой система «управляемой демократии» едва ли не исключает возможность прихода к власти политической оппозиции в обозримой перспективе – если не принимать во внимание крайне маловероятный революционный сценарий развития;
- осознание во властных структурах необходимости инновационного развития, вложений в человеческий капитал и т.п. в настоящее время имеет преимущественно вербальный характер. Наметившиеся в этом отношении изменения бюджетной политики далеко отстают от потребностей исторической ситуации, в которой оказалась страна[191];
- избранный Президентом России Д. Медведев в Послании Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. употребил термин «опережающее развитие». Однако он имеет репутацию правого либерала, что также снижает вероятность осуществления такого курса на деле.

В настоящее время не поддаётся однозначной оценке модернизационный потенциал партии «Справедливая Россия», а тем более – её способность обеспечить научно-образовательный прорыв страны к «обществу знаний».

С одной стороны, позиционируя себя в качестве левой политической силы, эта партия вынуждена прокламировать расширение социальных гарантий и приверженность развитию человеческого потенциала. Более того, известно несколько случаев, когда возглавляемый её современным лидером С. Мироновым Совет Федерации отклонял явно антисоциальные законы и, путём создания согласительных комиссий, вносил в них позитивные изменения (правда, весьма незначительные).

С другой стороны, как уже отмечалось, «Справедливой России» отводится весьма противоречивая роль не только квазиоппозиции, но и запасной версии «партии власти»[192]. Не следует забывать и о том, что все ключевые законы антисоциального характера, включая закон «о монетизации» и ФЗ «Об автономных учреждениях»[193], а также все законодательные акты, направленные на ограничение политической свободы в стране, одобрялись «палатой регионов», включая её председателя.

В целом, как представляется автору, позиция «Справедливой России» в вопросах образовательной политики будет более демократической (социальной), чем позиция «Единой России», однако либо по вопросам непервостепенной важности, либо до тех пор, пока не последует прямого и жёсткого указания из администрации Президента РФ или Правительства РФ.

---

[190] Согласно Федеральному закону от 18.05.2005 № 51-ФЗ, участие некоммерческих организаций в финансировании избирательного процесса обставлено такими сложностями, которые фактически равнозначны запрету. Поскольку же большинство негосударственных организаций, действующих в области образования, науки, культуры, здравоохранения и оказания социальных услуг населению, созданы в форме учреждений, они такой возможности лишены.

[191] Подробнее см. заключение

[192] Подробнее см. § 3 главы 2.

[193] Подробнее см. § 1 главы 9 и § 1 главы 13.

Субъектом модернизаторской образовательной политики могла бы стать та часть так называемой правой оппозиции, которая в последнее время заметно сдвинулась влево и активно провозглашает необходимость социальных гарантий для граждан России. Подобные настроения присутствуют в левом крыле Демократической партии «ЯБЛОКО» и даже бывшего «Союза Правых Сил». Есть основания ожидать, что эти настроения будут расти, поскольку, с одной стороны, «партия власти», видимо, скоро окончательно определится в качестве правой, а оппозиционное положение политических течений, именующих себя правыми в настоящее время, будет неизбежно толкать их влево. Кстати, призыв к левому повороту уже прозвучал от опального «экс-олигарха» М. Ходорковского[194].

Значительно шире настроения в пользу опережающей модернизации представлены в кругах левопатриотической оппозиции (КПРФ, а также «Партия социальной справедливости», «Патриоты России», социал-демократы и др.). Однако и здесь они охватывают не всю «генеральную совокупность» политиков, но преимущественно тех, кто понимает государственные интересы как интересы большинства граждан государства. В данной части политического спектра такие настроение тоже должны нарастать по мере движения к нормальной (для индустриально развитых стран) расстановке политических сил, когда левые ориентации преобладают в кругах интеллигенции и студенчества, а правые, помимо бизнеса, – в кругах лиц, связанных, в частности, с сельскохозяйственным производством.

Учитывая, что (1) все названные выше партии квазиправой и левопатриотической ориентации получают на выборах от четверти до трети голосов и что, (2) согласно социологическим опросам, около половины населения России никаким партиям не доверяет вовсе, заслуживают внимание проекты формирования непартийных (надпартийных, межпартийных и т.п.) общественных движений, главной задачей которых провозглашалось бы такое воздействие на власти всех уровней, которое может заставить их проводить опережающую модернизацию на базе образовательной и научно-инновационной политики. В качестве названия одного из таких проектов был избран известный лозунг ЮНЕСКО «Образование – для всех»[195].

Подобным проектам не гарантирован успех, однако их провал практически гарантирует неудачу замыслов опережающей модернизации страны. Видимо, это тот случай, когда интеллигенции стоит вспомнить миф о Сизифе в интерпретации Альбера Камю…

* * *

Итак, стратегия модернизации России требует принципиального изменения отношения государства к образовательной и научно-инновационной политике и, соответственно, нового курса во внутренней политике в целом.

Экономико-философскими основаниями современного российского политического курса (декларируемыми или недекларируемыми – не важно) выступают:

- экономический детерминизм, в том числе монетаризм как его крайняя разновидность;
- идеология революционного разрушения прежней общественной системы, включая её образовательные и научные институты;
- концепция «догоняющей конвергенции».

Напротив, философско-экономическими основаниями стратегии действительной модернизации России могли бы стать:

---

[194] Ходорковский М. Левый поворот // Ведомости. – 2005. – 1 августа. - № 139.
[195] Подробнее см. § 3 главы 16

- социально-образовательный детерминизм как обновлённый вариант детерминизма социально-экономического, включая концепцию определяющей роли образовательной политики в формировании человеческого потенциал и человеческого капитала;
- идеология принципиальной предпочтительности в сферах образования и науки эволюционного пути перед социально-политическими и организационно-управленческими революциями (системная эволюция как основа «революции знаний»);
- концепция опережающего развития.

Как ни трудно представить себе отечественное образовательное и научное сообщество в качестве политического субъекта опережающей модернизации страны, любой другой политический субъект в ближайшей перспективе представить себе практически невозможно.